

ГАЙ ГЭВРИЕЛ
КЕЙ

ТИГАНА

*Ты не будешь
забыта*

Fanzon. Фэнтези Г. Г. Кей

Гай Гэвриел Кей

Тигана

«ЭКСМО»

1990

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Кей Г.

Тигана / Г. Кей — «Эксмо», 1990 — (Fanzon. Фэнтези Г. Г. Кей)

ISBN 978-5-04-161577-2

Двадцать лет назад два могущественных колдуна, Альберико Барбадиорский и Брандин Игратский, вторглись во главе армий на полуостров Ладонь и поделили завоёванные земли между собой. Ныне во владениях Альберико царит кровавая тирания, но Брандин милосерден к новым подданным. Ко всем, кроме жителей страны Тигана: в сражении за неё погиб любимый сын Брандина, и месть короля-колдуна оказалась страшна. Дворцы и храмы Тиганы были разрушены, скульптуры – разбиты, книги и летописи – сожжены. Могущественное заклятие заставило людей забыть само её название. Когда умрёт последний, кто был в ней рождён, даже память о Тигане исчезнет из мира. Однако остались те, кто жаждет спасти свою страну от вечного забвения. Кто готов убить Брандина, ведь его смерть разрушит чары. И то, что два правителя-колдуна готовятся развязать новую кровопролитную войну, на сей раз – между собой, как нельзя кстати вписывается в их планы...

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-161577-2

© Кей Г., 1990

© Эксмо, 1990

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Часть первая. Клинок в сердце	11
Глава I	11
Глава II	16
Глава III	31
Глава IV	39
Глава V	60
Глава VI	77
Часть вторая. Дианора	97
Глава VII	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Гай Гэвриел Кей Тигана

Guy Gavriel Kay
Tigana

Copyright © Guy Gavriel Kay, 1990

© Н.Х. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Моим братьям, Джеффри и Рэксу

Благодарности

Множество людей помогали мне своими выдающимися талантами и поддержкой в процессе написания этой книги. Для меня огромное удовольствие сказать им спасибо за эту помощь. Сю Рейнольдс вновь предоставила мне карту, которая не только отражала развитие истории, но и помогала направить его. Рекс Кей и Нил Рэндалл поддерживали меня энтузиазмом и проницательными замечаниями, начиная с ранних этапов работы над романом и вплоть до последних правок. Я глубоко благодарен им обоим.

Я в долгу у великого множества эрудированных мужчин и женщин. С особым удовольствием отмечу свое восхищение работой Карло Гинзбурга «Ночные битвы» (*I Benandanti*). Также, среди прочих книг, я черпал вдохновение и информацию из трудов Джина Брукера, Лауро Мартинеса, Якоба Буркхардта, Айрис Ориго и Йозефа Хейзинги. И еще я хотел бы выразить признательность двоим людям, к которым давно уже испытываю глубочайшее уважение и чьи работы и источники вдохновения так сильно повлияли на мои собственные: Джо-зефу Кэмпбеллу и Роберту Грейвсу.

Наконец, пускай упоминание писателем роли супруги в создании книги зачастую и выглядит ритуалом или повинностью, я тем не менее хотел бы торжественно выразить благодарность и любовь своей жене Лоре за непрерывную поддержку и советы, которые я получил в процессе создания «Тиганы», как в Тоскане, так и дома.

Пролог

*Ты бросишь все, к чему твои желанья
Стремилась нежно; эту язву нам
Всего быстрее наносит лук изгнанья.
Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням¹.*

Данте, «Рай»

*Что может помнить пламя? Если оно помнит немного меньше
необходимого, оно гаснет; если помнит немного больше необходимого,
тоже гаснет. Если бы только оно могло научить нас, пока горит, как
правильно помнить.*

Джордж Сеферис, «Моряк Стратис описывает человека»

Обе луны стояли высоко в небе, затмевая все звезды, кроме самых ярких. По обеим сторонам реки горели цепочки походных костров, уходящие далеко в ночь. Тихо струилась Дейза, ловила лунный свет и оранжевые огни костров и отражала их ровной волнистой рябью. И все лучи света стекались к нему, туда, где он сидел на речном берегу, обхватив руками колени, и думал о смерти и о минувшей жизни.

Ночь великолепна, думал Саэвар, глубоко вдыхая теплый летний воздух, запах воды, водяных цветов и растений, наблюдая за отражением голубого лунного света в серебристой реке, прислушиваясь к тихому шелесту течения Дейзы и поющим голосам у далеких костров. На другом берегу реки тоже поют, отметил он, вслушиваясь в голоса вражеских солдат, долетающие с севера. Странно, как трудно приписать абсолютному злу эти мелодичные голоса и слепо ненавидеть их, как, по-видимому, положено солдату. Только он в действительности вовсе не солдат и никогда не умел ненавидеть.

Он не различал фигур на противоположном берегу, но видел костры, и несложно было понять, насколько к северу от Дейзы их больше, чем здесь, у него за спиной, где его сограждане ждали рассвета.

Почти наверняка – последнего. Саэвар не питал иллюзий, никто из них не питал иллюзий после битвы у этой же реки пять дней назад. У них было лишь мужество и вождь, чья дерзкая отвага могла сравниться только с отвагой двух его юных сыновей, находящихся здесь вместе с ним.

Оба были красивые мальчики. Саэвар пожалел, что ему так и не представился случай сделать хотя бы один их скульптурный портрет. Принца он, разумеется, ваял много раз. Принц называл его другом. Нельзя сказать, думал Саэвар, что он прожил бесполезную или пустую жизнь. У него было его искусство, оно давало ему радость и стимул к жизни, за него он удостоился признания больших людей своей провинции, и даже целого полуострова.

И любовь он тоже знал. Саэвар подумал о жене, а потом о двоих собственных детях. О дочери, чьи глаза открыли ему часть смысла жизни в тот день, пятнадцать лет назад, когда она родилась. И о сыне, слишком юном, чтобы позволить ему идти на север воевать. Саэвар вспомнил выражение мальчишеского лица, когда они расставались. Наверное, такие же чувства отражались и в его собственных глазах. Он тогда обнял обоих детей, а после долго обнимал

¹ Пер. М. Лозинского.

жену и молчал – за эти годы все слова были сказаны уже много раз. Потом отвернулся, быстро, чтобы они не увидели его слез, вскочил на коня, с непривычки неловко управляясь с мечом у бедра, и ускакал вместе с принцем на войну с теми, кто напал на них из-за моря.

Он услышал легкие шаги за спиной слева, приближавшиеся оттуда, где горели походные костры и голоса сплетались в песне под аккомпанемент сириньи. Саэвар обернулся.

– Осторожно, – негромко крикнул он. – Не то споткнешься о скульптора.

– Саэвар? – прошептал чей-то насмешливый голос. Голос, который он хорошо знал.

– Это я, милорд принц, – ответил он. – Вы можете припомнить другую столь же прекрасную ночь?

Валентин подошел – света было более чем достаточно, чтобы видеть, – и аккуратно опустился на траву рядом с ним.

– Сразу не припомню, – согласился он. – Видишь? Прибывающая Видомни сравнялась с убывающей Иларион. Две луны вместе составили бы одну полную луну.

– Странная это была бы луна, – заметил Саэвар.

– Это странная ночь.

– Так ли это? Изменилась ли ночь из-за того, что мы творим здесь, внизу? Мы, смертные, охваченные безумием?

– Изменился наш взгляд на неё, – тихо ответил Валентин; вопрос захватил его быстрый ум. – Мы видим в ней такую красоту отчасти потому, что знаем, что сулит утро.

– А что оно сулит, милорд? – спросил Саэвар, не успев сдержаться. Он почти надеялся, словно ребенок, что у этого черноволосого принца, гордого и милосердного, есть ответ тому, что ждет их на другом берегу реки. Ответ всем игратянским голосам и всем игратянским кострам, горящим к северу от них. И прежде всего ответ ужасному королю Играта, его колдовству и ненависти, которую он без труда пробудит завтра в своих солдатах.

Валентин молчал, глядя на реку. Над головой Саэвара пронеслась падучая звезда, прочертила небо на западе и, вероятнее всего, упала в простирающееся там море. Он пожалел о своем вопросе – сейчас не время взваливать на принца бремя притворной уверенности.

Только он собрался извиниться, как Валентин заговорил размеренным и тихим голосом, чтобы его слова не уносились за пределы их маленького круга темноты:

– Я бродил среди костров, и Корсин и Лоредан делали то же самое, пытаясь утешить солдат, вселить надежду и развеселить их, насколько это в наших силах, чтобы люди смогли уснуть. Больше мы ничего сделать не можем.

– Они хорошие мальчики, оба, – сказал Саэвар. – Я как раз думал о том, что так и не изваял никого из них.

– Мне очень жаль, – ответил Валентин. – Если что-то и останется после нас хоть на какое-то время, так это искусство, например твое. Наши книги и музыка, зелень Орсарии и белая башня Авалле. – Он помолчал и вернулся к прежней теме: – Они действительно храбрые мальчики. Но им всего шестнадцать и девятнадцать лет, и если бы я мог, то оставил бы их дома, вместе с их братом... и твоим сыном.

И за это Саэвар тоже его любил: Валентин помнил о его сыне и думал о нем, как и о младшем из принцев, даже сейчас, в такое время.

На востоке и немного позади них, вдали от костров, внезапно запела триала, и оба замолчали, слушая серебристые звуки. Сердце Саэвара неожиданно переполнили чувства, он боялся навлечь на себя позор слезами, боялся, что их могут принять за слезы страха.

– Но я не ответил на твой вопрос, старый друг, – продолжал Валентин. – Истина кажется не такой тяжелой здесь, в темноте, вдали от костров и всех тех забот, что я там видел. Саэвар, мне очень жаль, но истина в том, что почти вся кровь, которая прольется утром, будет нашей кровью, и боюсь даже, что она вся будет нашей. Прости меня.

– Мне нечего прощать, – быстро ответил Саэвар так твердо, как только смог. – Эту войну не вы начали, и не в ваших силах было ее остановить или отменить. И кроме того, может быть, я не солдат, но надеюсь, и не глупец. Это был лишний вопрос: я сам вижу ответ. В тех кострах, что горят за рекой.

– И в колдовстве, – тихо прибавил Валентин. – Больше в нем, чем в кострах. Даже измотанные и страдающие от ран после сражения на прошлой неделе, мы могли бы отбить более многочисленные силы. Но с ними сейчас колдовство Брандина. Лев явился собственной персоной вместо детеныша, и поскольку детеныш мертв, утреннее солнце должно увидеть кровь. Может быть, мне следовало сдать на прошлой неделе? Сдаться мальчишке?

Саэвар повернулся и изумленно посмотрел на принца при смешанном свете лун. На несколько секунд он потерял дар речи, потом вновь обрел его.

– После того как мы бы сдались, – решительно проговорил он, – я бы пришел во Дворец у Моря и разбил все ваши скульптурные портреты, которые когда-то сделал.

Через мгновение он услышал странные звуки. Он не сразу понял, что Валентин смеется, потому что такого смеха Саэвару никогда еще не доводилось слышать.

– Ох, друг мой, – наконец произнес принц, – мне кажется, я заранее знал, что ты это скажешь. Уж эта наша гордость. Наша ужасная гордость. Хотя бы это будут о нас помнить после того, как нас не станет, как ты думаешь?

– Возможно, – ответил Саэвар. – Но помнить будут. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что нас будут помнить. Здесь, на полуострове, и в Игроте, и в Квилее, даже на западе, за морем, в Барбадиоре и Империи. Мы оставим след.

– И мы оставим наших детей, – сказал Валентин. – Младших. Сыновей и дочерей, которые будут нас помнить. Наши жены и отцы будут учить их, и когда дети вырастут, они узнают о битве на реке Дейзе, о том, что здесь произошло, и даже больше – чем мы были в этой провинции до падения. Брандин Игратский может уничтожить нас завтра, может разрушить наш дом, но он не сможет отнять наше имя и память о том, какими мы были.

– Не сможет, – эхом отозвался Саэвар, неожиданно чувствуя странный душевный подъем. – Я уверен, что вы правы. Мы не будем последним свободным поколением. Волны завтрашнего дня будут видны на воде все грядущие годы. Дети наших детей будут нас помнить и не станут покорно носить ярмо.

– А если кто-нибудь из них и проявит такую склонность, – прибавил Валентин изменившимся тоном, – дети или внуки одного скульптора снесут им головы – каменные или из другого материала.

Саэвар улыбнулся в темноте. Ему хотелось рассмеяться, но пока что он не находил в себе для этого сил.

– Надеюсь, что так и будет, милорд, если будет на то воля богинь и бога. Благодарю вас. Благодарю, что вы это сказали.

– Никаких благодарностей, Саэвар. Только не между нами и не этой ночью. Да хранит и оберегает тебя завтра Триада, а после – да хранит и оберегает всех, кого ты любил.

Саэвар проглотил комок в горле.

– Вы знаете, что принадлежите к их числу, милорд. Вы – из тех, кого я любил.

Валентин не ответил. Только через мгновение он наклонился и поцеловал Саэвара в лоб. Потом поднял руку, и скульптор, со слезами на глазах, тоже поднял руку и коснулся ладонью ладони принца в прощальном приветствии. Валентин встал и ушел обратно к кострам своей армии, тенью в лунном свете.

Пение прекратилось на обоих берегах реки. Было очень поздно. Саэвар знал, что ему тоже следует вернуться и попробовать поспать несколько часов. Но было трудно уйти, встать и отказаться от совершенной красоты этой последней ночи. От реки, лун, звездной арки, светлячков и всех этих костров.

В конце концов он решил остаться здесь, у воды. Он сидел в одиночестве во тьме летней ночи, на берегу реки Дейзы, крепко обхватив сильными руками колени. Смотрел, как заходят две луны, как постепенно гаснут костры, и думал о жене, о детях и о созданных его руками скульптурах, которые останутся жить после его смерти. И триала пела для него всю ночь.

Часть первая. Клинок в сердце

Глава I

Восенний сезон вина из утопающего в кипарисах, оливах и тучных виноградниках загородного поместья герцога Астибарского пришло известие, что бывший правитель города и всей провинции завершил свою жизнь и свою ссылку и с последним горестным вздохом скончался.

Ни один служитель Триады не присутствовал при его кончине и не произнес ритуальных молитв. Ни жрецы Эанны в белых одеждах, ни жрецы темной Мориан, богини Врат, ни жрицы самого бога Адаона.

В городе Астибаре никто особенно не удивился этому, как не удивились и вести о кончине герцога. Гнев ссыльного Сандре, направленный против Триады и ее жрецов в последние восемнадцать лет жизни, ни для кого не был тайной. А отсутствие благочестия было свойственно Сандре д'Астибару даже во времена его правления.

Накануне Праздника Виноградной Лозы в городе было полно народу из прилегающей дистрады и дальних земель. В переполненных тавернах и кавницах люди, которые никогда не видели его лица и которые прежде побледнели бы от вполне оправданного страха, если бы их вызвали ко двору герцога в Астибаре, обменивались правдивыми и лживыми историями о нем, словно шерстью и пряностями.

Всю свою жизнь герцог Сандре был предметом слухов и домыслов на всем полуострове, который называли Ладонью, и его смерть не изменила этого факта, несмотря на то что восемнадцать лет назад Альберико из Барбадиора явился со своей армией из заокеанской Империи и сослал Сандре в дистраду. Когда власть уходит, память о ней остается.

Возможно поэтому, а также потому, что всегда был осторожным и осмотрительным во всем, Альберико, который железной рукой правил четверть из девяти провинций и соперничал с Брандином Игратским за власть над девятой, поступил в точном соответствии с протоколом.

Около полудня того дня, когда умер герцог, из восточных ворот города выехал гонец от Альберико. Гонец нес синее с серебром траурное знамя и, никто в этом не сомневался, составленное витиевато и напыщенно послание с соболезнованиями детям и внукам Сандре, собравшимся сейчас в обширном поместье в семи милях от городских стен.

В кавнице «Паэлион», где в тот сезон собирались самые остроумные люди, с цинизмом заметили, что от тирана скорее можно было ожидать отправки не одного гонца, а целой роты собственных наемников из Барбадиора, если бы оставшиеся в живых потомки Сандре не были настолько беспомощными. Не успел стихнуть насмешливый, но осторожный, с оглядкой, ропот после этих слов, как один заезжий музыкант – а их в ту неделю съехались в Астибар десятки – предложил пари на весь свой заработок следующих трех дней, что еще до окончания праздника из Кьяры пришлют соболезнования в стихах.

– Слишком удобный случай, – объяснил неосторожный гость, сжимая в ладонях дымящуюся кружку кава, одобренного одним из дюжины ликеров, стоящих на полках бара «Паэлиона». – Брандин не сможет упустить подобный шанс и не напомнить Альберико – и всем остальным, – что хотя они двое и поделили между собой полуостров, большая доля искусства и просвещения приходится на его западную часть, рядом с Кьярой. Попомните мои слова – а кто хочет, может побиться об заклад, – через три дня, не успеет в Астибаре умолкнуть музыка, мы получим замысловато зарифмованный опус тучного Доарде или какой-нибудь дурацкий акростих Камены, над которым надо поломать голову и где имя Сандре можно прочитать шесть раз туда и обратно.

Раздался смех, но опять-таки осторожный, даже накануне праздника, когда давняя традиция, которую Альберико из Барбадиора осмотнительно сохранил, позволяла большие вольности, чем в остальное время года. Несколько человек, разбирающихся в расчетах, наскоро прикинули время на плавание и опасности осеннего моря к северу от провинции Сенцио и между островами Архипелага, и пари музыканта быстро было принято и записано на грифельной доске, висевшей на стене «Паэлиона» как раз для этих целей: в городе любили биться об заклад.

Но вскоре все пари и насмешливая болтовня были забыты. Некто в невероятной шляпе с кудрявым пером распахнул дверь кавницы и громко потребовал внимания. Добившись его, он сообщил, будто только что видел, как гонец тирана вернулся в город через те же восточные ворота, из которых недавно выехал. Что этот гонец скакал значительно быстрее, чем прежде, и что всего в трех милях за ним следовала похоронная процессия герцога Сандре д'Астибара, которого, в соответствии с его последней волей, привезли для прощания на один день и одну ночь в тот город, где он некогда правил.

Реакция посетителей «Паэлиона» была мгновенной и вполне предсказуемой: мужчины начали кричать во все горло, чтобы их услышали сквозь их собственный галдеж. Шум, политика и предвкушение удовольствий праздника вызывали сильную жажду. Торговля пошла настолько бойко, что взволнованный владелец «Паэлиона» начал лить полноценные порции ликера в кав. Его жена, более флегматичная по натуре, продолжала недоливать ликер всем клиентам подряд, не делая исключений даже для любимчиков.

– Их повернут обратно! – вскричал молодой поэт Адриано, решительно стукнув своей кружкой и расплескав горячий напиток по темному дубовому столу, стоящему в самом удобном месте «Паэлиона». – Альберико никогда этого не позволит!

Послышалось одобрительное ворчание его друзей и прихлебателей, которые всегда собирались вокруг именно этого стола.

Адриано украдкой взглянул на странствующего музыканта, который заключил дерзкое пари на Брандина Игратского и его придворных поэтов с Кьяры. Этот парень с веселым видом, насмешливо выгнув брови, развалился на стуле, который некоторое время назад без зазрения совести придвинул к их столу. Адриано чувствовал себя оскорбленным этим человеком и не знал, что его обидело больше: намек музыканта на культурное превосходство Кьяры или то, как небрежно он отозвался о великом Камене ди Кьяре, которому Адриано усердно подражал в последние полгода, причем не только в стихосложении, но и в одежде, ни днем ни ночью не снимая трехслойный плащ.

Адриано был достаточно умен, чтобы понимать, что в этих двух источниках раздражения заложено противоречие. Но он был слишком молод и выпил слишком много кружек кава с бренди из Сенцио, так что это понимание осталось на уровне подсознания.

А на сознательном уровне он сосредоточился на этом самонадеянном деревенском парне. Тот, очевидно, приехал в город, чтобы в течение трех дней пиликать или тренькать на каком-нибудь народном инструменте и заработать пригоршню астинов, а потом прокутить их на Празднике. Как посмел такой парень зайти в самую модную кавницу на всей Восточной Ладони и плюхнуться своим деревенским задом на стул у столика для избранных? Адриано все еще хранил до боли ясное воспоминание о долгом месяце, который потребовался ему – даже после того, как его первые стихи появились в печати, – чтобы осторожно подобраться поближе, внутренне содрогаясь в ожидании отпора, прежде чем он стал членом избранного и широко известного круга людей, занимающих этот стол.

Он поймал себя на тайной надежде, что музыкант посмеет ему возразить: у него уже был готов отменный куплет насчет презренной черни, смеющей высказывать собственное мнение в компании гораздо более умных людей.

И словно уловив эту мысль, парень еще вальяжнее откинулся на спинку стула, погладил длинным пальцем рано поседевший висок и сказал, обращаясь прямо к Адриано:

– Кажется, сегодня мне везет на пари. Рискну поставить все, что мне предстоит выиграть на прошлом пари, что Альберико слишком осторожен, чтобы нарушить по такому поводу традиции праздника. В Астибаре сейчас слишком много народу, и настроение слишком приподнятое, даже несмотря на то, что здесь наливают разбавленное спиртное людям, которые должны бы знать в нем толк.

Он ухмыльнулся, чтобы смягчить свои последние слова.

– Тирану гораздо выгоднее проявить великодушие, – продолжал он. – Со всеми церемониями раз и навсегда похоронить своего старого врага, а потом возблагодарить тех богов, которым нынче велит поклоняться барбадиорам их заморский император. Возблагодарить и принести жертвы, так как он может быть уверен, что наследники-кастраты герцога быстро забудут о свободе, за которую боролся Сандре в еще не кастрированном Астибаре.

В конце своей речи он перестал улыбаться и в упор посмотрел своими широко расставленными серыми глазами на Адриано.

Это были первые по-настоящему опасные слова, произнесенные вполголоса, но их слышали все, и внезапно их угол в «Паэлионе» неестественно притих посреди беспорядочного шума остальных частей зала. Насмешливый куплет Адриано, так быстро сочиненный, теперь показался ему самому тривиальным и неуместным. Он ничего не ответил, сердце его почему-то учащенно забилося. Он с некоторым усилием заставил себя не опускать глаз под взглядом музыканта, который прибавил с прежней кривой усмешкой:

– Так что, поспорим, друг?

Стараясь потянуть время и быстро прикидывая, сколько астинов сможет добыть у друзей, Адриано ответил:

– Не соблаговолите ли объяснить нам, почему крестьянин из дистрады так свободно распоряжается еще не выигранными деньгами и так свободно высказывает свое мнение по подобным вопросам?

Музыкант улыбнулся еще шире, показывая ровные белые зубы.

– Я не крестьянин, – добродушно возразил он, – и не из вашей дистрады. Я – пастух с гор Южной Тригии, и я вам кое-что скажу. – Его насмешливые глаза бежали всех сидящих за столом. – Стадо овец может поведать о людях больше, чем некоторым из нас хотелось бы думать, а козы сделают из вас философа быстрее, чем жрецы Морриан, особенно если гоняться за ними, я имею в виду, конечно, коз, ночью в горах под дождем и раскатами грома.

За столом раздался искренний смех, напряжение спало. Адриано безуспешно попытался сохранить суровое выражение лица.

– Так что – поспорим? – снова повторил пастух, дружелюбно и спокойно. Адриано спасло от необходимости отвечать (а нескольких его друзей – от разочарования и потери денег) появление художника Нероне, еще более поспешное, чем появление вестника с пером на шляпе.

– Альберико дал разрешение! – провозгласил он, перекрывая гомон в «Паэлионе». – Он только что издал указ, что ссылка Сандре закончилась с его смертью. Тело герцога будет выставлено для торжественного прощания в старом дворце Сандрени, а потом его похоронят со всеми почестями, со всеми девятью обрядами! Если... – тут он сделал драматическую паузу, – если жрецам Триады разрешат участвовать в церемонии.

Скрытый смысл сказанного был слишком грандиозен, чтобы Адриано мог всерьез грустить из-за потери лица – с молодыми, чересчур импульсивными поэтами такое случается сплошь и рядом. А здесь... здесь происходили великие события! Его взгляд почему-то снова вернулся к пастуху. Выражение лица тригийца было добрым и заинтересованным, но вовсе не торжествующим.

– А, ладно, – произнес пастух, печально качая головой, – наверное, моя правота служит мне компенсацией за бедность – боюсь, это история моей жизни.

Адриано рассмеялся. Он похлопал толстого, задыхающегося Нероне по спине и подвинулся, освобождая место для художника.

– Да благословит нас обоих Эанна, – сказал он ему. – Ты только что сэкономил себе больше астинов, чем у тебя есть. Я собирался занять у тебя, чтобы побиться об заклад, и проиграл бы после твоего известия.

Вместо ответа Нероне взял почти пустую кружку Адриано и залпом допил кав. Потом с надеждой оглянулся вокруг, но другие собеседники охраняли свои кружки, хорошо зная привычки художника. Темноволосый пастух из Тригии со смехом пододвинул ему свою кружку. Приучивший себя никогда не подвергать сомнению щедрость, Нероне проглотил напиток. Но когда кав был выпит, он все же пробормотал слова благодарности.

Адриано отметил этот эпизод, но его мысли текли по непривычному руслу и привели к неожиданному выводу.

– Ты также только что подтвердил, – внезапно проговорил он, обращаясь к Нероне, но адресуя свои слова ко всем сидящим за столом, – насколько хитер колдун из Барбадиора, который нами правит. Альберико удалось одним указом упрочить свои отношения со священнослужителями Триады. Выполняя последнюю волю герцога, он поставил идеальное условие. Наследникам Сандре придется согласиться – хотя они и так всегда и на все соглашались, – и могу лишь догадываться, сколько астинов им потребуется, чтобы смягчить жрецов и жриц и заставить их прийти во дворец Сандрени завтра утром. Теперь Альберико прославится тем, что вернул отступника герцога Астибарского обратно в лоно Триады хотя бы после его смерти.

Он оглядел сидящих за столом, взволнованный собственными словами.

– Клянусь кровью Адаона, это напоминает мне об интригах былых времен, когда все делалось так же тонко! О хитросплетениях, направлявших судьбу всего полуострова.

– Возможно, – сказал тригиец с серьезным выражением на лице, – ты высказал самое умное предположение за весь этот шумный день. Но скажи, – продолжал он, обращаясь к вспыхнувшему от удовольствия Адриано, – если поступок Альберико напомнил тебе – и другим, без сомнения, только не так быстро – о прежних днях, до того, как он приплыл сюда покорять нас, и до того, как Брандин захватил Кьяру и западные провинции, то разве не существует вероятности, – его голос среди гомона в зале звучал тихо, только для ушей Адриано, – что его все же обставили в этой игре? И обставил покойник?

Вокруг них люди шумно поднимались и расплачивались, спеша выйти на улицу, где разворачивались важные события. Все собрались идти к восточным воротам, смотреть, как потомки Сандре через восемнадцать лет привезут их мертвого правителя домой. Пятнадцатью минутами раньше Адриано был бы уже на ногах вместе с остальными, кутался бы в свой тройной плащ и бежал, чтобы успеть занять у ворот место, откуда все хорошо видно. Но теперь его мысли устремились по новому пути, следуя за голосом тригийца, и понимание озарило его, словно луч света в темноте.

– Ты понимаешь, не правда ли? – напрямик спросил его новый знакомый. Они остались за столом одни. Нероне задержался, чтобы допить кав из оставленных в спешке кружек, потом вслед за остальными выбежал навстречу осеннему солнцу и ветру.

– Кажется, да, – ответил Адриано. – Сандре выигрывает, проигрывая.

– Проигрывая битву, которая его никогда по-настоящему не интересовала, – поправил тригиец, остро блеснув серыми глазами. – Сомневаюсь, что жрецы что-либо для него значили. Они не были его врагами. Как ни хитер Альберико, правда в том, что он завоевал эту провинцию – и Тригию, и Феррат, и Чертандо – благодаря своей армии и чарам, и только с их помощью удерживает Восточную Ладонь. Сандре д'Астибар правил этим городом и провинцией двадцать пять лет, пережил полдюжины мятежей и покушений, как я слышал. И делал это всего лишь с

помощью горстки не всегда верных ему войск, своей семьи и уже тогда легендарной хитрости. Что ты скажешь на предположение, что вчера ночью он отказался пустить к своему смертному одру жрецов и жриц только для того, чтобы сегодня заставить Альберико ухватиться за это условие, которое позволит ему сохранить лицо?

Адриано не знал, что ответить. Знал только, что чувствует подъем, возбуждение, и не уверен, хочется ли ему сейчас взять в руки меч или перо и чернила, чтобы записать те слова, которые начинают рождаться внутри.

– Что случится, как ты считаешь? – спросил он с почтительностью, которая поразила бы его друзей.

– Не знаю, – откровенно ответил его собеседник. – Но у меня крепнет подозрение, что в этом году на Празднике Виноградной Лозы может начаться нечто такое, чего никто из нас не ожидает.

На мгновение показалось, будто он хотел прибавить что-то еще, но промолчал.

Вместо этого он встал и со звоном бросил на столик горсть монет в уплату за кав.

– Мне надо идти. Время репетировать: я выступаю с труппой, с которой никогда прежде не играл. Прошлогодня чума выкосила многих странствующих музыкантов, так что я на время избавился от коз.

Он ухмыльнулся, затем бросил взгляд на доску для записи пари на стене.

– Скажи своим друзьям, что через три дня я вернусь сюда до захода солнца, чтобы решить дело с поэтическими соболезнованиями Кьяры. А пока прощай.

– Прощай, – задумчиво ответил Адриано, провожая взглядом покидающего опустевший зал музыканта.

Хозяин и его жена собирали кружки и стаканы, вытирали столы и скамейки. Адриано знаком попросил последнюю кружку. Через минуту, потягивая кав – на этот раз без спиртного, чтобы прояснилось в голове, – он вспомнил, что забыл спросить имя музыканта.

Глава II

В тот день Дэвину не везло.

К своим девятнадцати годам он почти совсем смирился с маленьким ростом и мальчишеским бледным лицом, которыми словно в насмешку одарили его боги Триады. Уже много лет прошло с тех пор, как он бросил привычку висеть вниз головой на ветвях деревьев в лесу возле их фермы в Азоли, пытаясь хоть немного прибавить себе рост.

Прекрасная память всегда была предметом его гордости и источником радости, но многие воспоминания не приносили ни того, ни другого. Он бы с удовольствием забыл тот день, когда близнецы, возвращавшиеся с охоты со связкой дичи, застали его висящим на дереве вниз головой. Даже шесть лет спустя его мучило то, что его обычно туповатые братья сразу же догадались, чего он пытался добиться.

— Мы тебе поможем, малыш! — весело воскликнул Повар.

И прежде чем Дэвин успел выпрямиться и отползти подальше, Нико ухватил его за руки, а Повар за ноги, и крепкие близнецы начали перетягивать брата между собой, добродушно хохоча. Помимо прочего, им доставляло громадное наслаждение слушать не по годам изощренную ругань Дэвина.

Да, то была его последняя попытка прибавить себе рост. Той же ночью он пробрался в спальню храпящих близнецов и аккуратно вылил на каждого по ведру с помоями для свиней. И умчался, подобно Адаону, успев пересечь двор и выскочить за ворота фермы прежде, чем раздался их рев.

Дэвин провел в лесу две ночи, потом вернулся и был выпорот отцом. Он ожидал, что его заставят стирать простыни, но Повар сам это сделал. Близнецы, как всегда добродушные, уже позабыли об этом инциденте.

А Дэвин, будучи проклят или благословен памятью, подобно Эанне, богине Имен, не смог ничего забыть. Пускай на близнецов трудно было таить обиду, собственно говоря, почти невозможно, но от этого его одиночество не уменьшалось. Вскоре после того случая Дэвин ушел из дома, поступив учеником певца к Менико ди Феррату, чья труппа совершала турне по северу Азоли каждую вторую или третью весну.

С тех пор Дэвин ни разу не возвращался домой. Он брал недельный отпуск во время поездки труппы на север три года назад и еще раз этой весной. Не то чтобы с ним плохо обращались дома, он просто не вписывался в ту жизнь, и они все четверо это знали. Крестьянствовать в Азоли было серьезным, иногда суровым трудом, непрерывной битвой за сохранение земли и рассудка, постоянным сражением с наступающим морем и жаркой, туманной, серой монотонностью дней.

Если бы была жива его мать, все могло бы быть по-другому. Но ферма в Азоли, куда Гэрин из Нижнего Корте привез своих троих сыновей, была безрадостным местом и подходила разве что для близнецов, которым хватало общества друг друга, и для такого человека, каким постепенно стал сам Гэрин среди почти безжизненных равнин. Она не могла послужить источником духовной пищи или светлых воспоминаний для смышленного, одаренного живым воображением младшего ребенка, способности которого, какими бы они ни были, не имели ничего общего с возделыванием земли.

Узнав от Менико ди Феррата, что голос Дэвина способен на большее, чем пение деревенских баллад, они все испытали некоторое облегчение и распрощались ранним весенним утром, стоя под неизбежным серым дождем. Его отец и Нико, едва успев сказать слова прощания, двинулись к реке проверить уровень воды. Но Повар задержался и неуклюже ткнул своего странного младшего брата кулаком в плечо.

– Если с тобой будут плохо обращаться, – сказал он, – ты можешь вернуться домой, Дэв. Места хватит.

Дэвин запомнил и то, и другое: мягкий толчок в плечо, который с годами приобрел большее значение, чем пристало такому жесту, и сопровождавшие его слова, быстро произнесенные грубым голосом. По правде говоря, он действительно помнил почти все, кроме матери и жизни в Нижнем Кортэ. Но ему было меньше двух лет от роду, когда она погибла во время боев, а всего через месяц Гэрин увез своих троих сыновей на север.

С тех пор он помнил почти все.

Если бы Дэвин любил биться об заклад, – а он не любил, хотя бы в этом приближаясь душой к осторожным азолийцам, – то мог бы поставить кьяро или астин на то, что уже много лет не испытывал такого отчаяния. С той поры, если говорить правду, когда ему казалось, что он вообще никогда не вырастет.

Что нужно сделать, мрачно спрашивал себя Дэвин, чтобы получить выпивку в Астибаре? Да еще накануне праздника!

Проблема была бы почти смешной, если бы не вызывала такую ярость. Это было делом рук тощезадых губителей радости – жрецов Эанны, как он быстро выяснил в первом же кабаке, где ему отказались продать бутылку зеленого вина из Сенцио. Эта богиня, с жаром подумал Дэвин, достойна лучших слуг.

Дело в том, что год назад, в пылу вечной борьбы за первенство со служителями Мориан и жрицами Адаона, жрецы Эанны убедили марионеточный совет тирана, что молодежь Астибара стала слишком распущенной, а подобная распущенность приводит к беспорядкам. А так как очевидно, что таверны и кавницы являются рассадником распутства, меньше чем через две недели Альберико обнародовал и ввел в действие закон, по которому ни один юноша младше семнадцати лет не мог купить в Астибаре выпивку.

Высохшие, как пыль, жрецы Эанны праздновали – своим аскетическим способом – этот мелкий триумф над жрецами Мориан и элегантными жрицами Адаона: оба эти божества ассоциировались с темными страстями и, что неизбежно, с вином.

Хозяева заведений молча негодовали (негодовать громко в Астибаре было опасно), хотя не столько из-за убытков в торговле, сколько из-за подводных камней, с которыми было связано соблюдение нового закона. Он возложил на каждого владельца кабака, таверны или кавницы трудную задачу: определять возраст клиентов. В то же время, если кто-либо из вездесущих барбадиорских наемников случайно зайдет в таверну и ему покажется, что какой-то клиент слишком молодо выглядит, – вот вам еще одна закрытая на месяц таверна и еще один хозяин, посаженный в тюрьму на такой же срок.

Всем шестнадцатилетним астибарцам здорово не повезло. А вместе с ними, как постепенно стало очевидным в то утро, и одному малорослому девятнадцатилетнему певцу из Азоли с мальчишеским лицом.

После трех подряд неудачных попыток на западной стороне Храмовой улицы Дэвин испытал мимолетное искушение перейти дорогу к храму Мориан и изобразить приступ экстаза в надежде на то, что ему поднесут сенцианского зеленого в качестве средства от чрезмерной религиозности. Еще менее рациональной была мысль о том, чтобы запустить камнем в окно накрытого куполом храма Эанны и проверить, сможет ли его догнать один из этих беспольных слабоумных жрецов.

Однако он воздержался от этого, как из подлинного уважения к Эанне, богине Имен, так и из-за огромного количества рослых и вооруженных до зубов барбадиорских наемников, патрулирующих улицы Астибара. Конечно, барбадиоров было полно повсюду на Восточной Ладони, но нигде их присутствие не было столь тревожно очевидным, как в Астибаре, где обосновался сам Альберико.

В конце концов Дэвин пожелал себе заполучить серьезную простуду и направился на запад, к гавани, а затем, ведомый, к сожалению, так и не отказавшим нюхом, к улице Кожевников. Там, чуть не задохнувшись от зловония кож, заглушавшего соленый запах моря, в таверне под названием «Птица» ему без всяких расспросов продал откупоренную бутылку зеленого вина еле волоочащий ноги трактирщик. Возможно, его подвело зрение в полумраке лишнего окон заведения, состоящего из одной комнаты.

Даже эта убогая, дурно пахнущая дыра ломилась от посетителей. Астибар был до краев переполнен приезжими накануне завтрашнего Праздника Виноградной Лозы. Дэвин знал, что в этом году урожай выдался отменным повсюду, кроме Чертандо, и сюда приехало много людей, готовых потратить свои астины и кьяро.

В «Птице», разумеется, не нашлось свободных столиков. Дэвин втиснулся в угол, туда, где темная, изрезанная деревянная стойка бара упиралась в заднюю стену, сделал глоток вина на пробу – разбавленное, но не сверх обычного, решил он – и сосредоточился на размышлениях о женском вероломстве и непоследовательности.

Конкретным воплощением которых в последние две недели стала для него Катриана д'Астибар.

Он рассчитал, что у него достаточно времени до вечерней репетиции – последней перед первым завтрашним выступлением в городском доме одного мелкого владельца винодельческого хозяйства, – чтобы предаться размышлениям за бутылкой и всё же явиться трезвым. Во всяком случае, он-то уже опытный член труппы, с возмущением подумал Дэвин. Он – компаньон. Знает процедуру обычных выступлений как свои пять пальцев. Дополнительные репетиции Менико устраивал для трех новичков труппы.

В том числе и для невозможной Катрианы. Которая и стала причиной того, что он в ярости убежал с утренней репетиции, не успев узнать, что Менико уже собирался ее закончить. Как, во имя Адаона, он должен был реагировать, когда неопытная новенькая девушка, которая воображает, что умеет петь, сказала то, что она сказала, в присутствии всех остальных? А ведь он относился к ней с искренним дружелюбием с тех пор, как она две недели назад присоединилась к ним.

Благодаря своей проклятой памяти Дэвин снова представил их всех девятерых на репетиции в арендованной ими задней комнате на первом этаже гостиницы. Четыре музыканта, две танцовщицы, Менико, Катриана и он сам, поющие впереди. Они репетировали «Песнь любви» Раудера, песню, заказанную, как и можно было предвидеть, женой виноторговца, вещь, которую Дэвин исполнял уже почти шесть лет, песню, которую он мог бы спеть даже в ступоре, в коме, во сне.

И возможно поэтому, да, он был слегка рассеян, ему было немного скучно, он немного больше, чем диктовала необходимость, наклонялся к их новой рыжеволосой певице, возможно, в его голосе и выражении лица была тень намека, но даже в этом случае...

– Дэвин, во имя Триады, – резко произнесла Катриана д'Астибар и тем самым положила конец репетиции, – ты что, не в состоянии отвлечься от своих похотливых мыслей хотя бы на время песни, чтобы прилично справиться с гармонией? Это совсем несложная песня!

Бледная кожа лица Дэвина мгновенно стала пунцовой. Менико, видел он, Менико, которому следовало резко отчитать девицу за самонадеянность, смеялся, покраснев еще сильнее, чем Дэвин. И остальные тоже смеялись.

Дэвин не смог придумать остроумный ответ и не хотел терять остатки собственного достоинства, поддавшись первому порыву дать наглой девице подзатыльник. Он просто резко развернулся и ушел.

Выходя, он бросил один-единственный укоризненный взгляд на Менико и совсем расстроился: толстый живот хозяина труппы колыхался от смеха, он вытирал слезы со своей круглой бородатой физиономии.

Вот почему в то прекрасное осеннее утро в Астибаре Дэвин отправился на поиски бутылки сенцианского зеленого и укромного местечка, где ее можно выпить. Получив наконец свое вино и с относительным удобством устроившись в полумраке, он рассчитывал, что спустя примерно полбутылки поймет, как должен был ответить в репетиционной комнате нахальной девице с рыжей гривой волос.

Если бы только она не была такой удручающе высокой, подумал он. И снова мрачно наполнил стакан. Потом поднял взгляд на почерневшие балки потолка, и у него промелькнула мысль повиснуть на одной из них – разумеется, зацепившись ногами. В память о былых временах.

– Могу я угостить вас? – спросил кто-то.

Дэвин со вздохом обернулся, готовясь дать отпор в ситуации, которая вполне предсказуема при его росте и мальчишеской внешности, если пьешь в одиночестве в баре для матросов.

То, что он увидел, его несколько успокоило. Задавший вопрос был средних лет, одет в темное, с седеющими волосами и морщинками тревоги или смеха, расходящимися от глаз к вискам. И все же...

– Спасибо, – сказал Дэвин, – но моя собственная бутылка почти полна, я предпочитаю женщин и не оказываю услуг морякам. И еще я старше, чем выгляжу.

Его новый знакомый громко рассмеялся.

– В таком случае, – сказал он весело, – можете угостить меня, если желаете, а я расскажу вам о двух своих дочерях на выданье и о двух других, которые приближаются к этому возрасту быстрее, чем мне бы хотелось. Меня зовут Ровиго д'Астибар, я – владелец судна «Морская Дева» и только что вернулся из плавания вдоль берегов Тригии.

Дэвин улыбнулся и потянулся через стойку бара за вторым стаканом. В «Птице» было слишком много народу, чтобы пытаться поймать взгляд подслеповатых глаз хозяина, а Дэвин не хотел его окликать, и на то у него были свои причины.

– С удовольствием разопью с вами эту бутылку, – ответил он Ровиго, – хотя вряд ли ваша жена будет рада, если вы сосватаете для ваших дочерей бродячего музыканта.

– Моя жена, – с чувством произнес Ровиго, – была бы безмерно счастлива, даже если бы я привел домой для старшей пастуха с лугов Чергандо.

Дэвин поморщился.

– Неужели так плохо? – пробормотал он. – А, ладно. Мы можем, по крайней мере, выпить за ваше благополучное возвращение из Тригии, да еще в самый канун Праздника. Меня зовут Дэвин д'Азоли бар Гэрин, к вашим услугам.

– А я – к вашим, друг Дэвин, который старше, чем выглядит. У вас были трудности с покупкой спиртного? – проницательно спросил Ровиго.

– Одной Мориан, богине Врат, известно, из скольких дверей я сегодня выходил с тем же пересохшим ртом, что и входил. – Дэвин опрометчиво понюхал тяжелый воздух. Даже сквозь запахи толпы и несмотря на отсутствие окон, вонь кож доносилась снаружи очень явственно. – Это заведение не первое, и даже не десятое, которое я посетил в поисках бутылки вина.

Ровиго улыбнулся:

– Разумный подход. Не покажусь ли я вам эксцентричным, если скажу, что всегда иду прямо сюда, когда «Морская Дева» возвращается из плавания? Почему-то этот запах говорит мне о суше. О том, что я вернулся.

– Вы не любите море?

– Я совершенно убежден, что любой человек, который утверждает обратное, лжет, или у него на суше долги, или сварливая жена, от которой он спасается, или... – Он замолчал, делая вид, что его внезапно осенила мысль. – Если подумать хорошенько... – прибавил он с преувеличенной задумчивостью. И подмигнул.

Дэвин громко рассмеялся и налил им еще вина.

– Почему же вы тогда плаваете?

– Торговля идет хорошо, – откровенно ответил Ровиго. – «Дева» – судно достаточно небольшое, чтобы проскользнуть в те порты на побережье или к западу от Сенцио и Феррата, в которые более богатые купцы не считают нужным заходить. Оно также достаточно быстрое, чтобы было выгодно плавать на юг, минуя горы Квилеи. Конечно, это противозаконно из-за эмбарго на торговлю, но если имеешь связи и не болтаешь о своем бизнесе, то риск не слишком велик и можно получить хорошую прибыль. Я покупаю на здешнем рынке барбадиорские пряности или шелк на севере и вожу их в такие места в Квилее, где иначе подобные вещи и не увидели бы. Привожу оттуда ковры, резные украшения, обувь, изукрашенные драгоценностями кинжалы, иногда фляги буината для продажи тавернам – все, что идет по хорошей цене. Я не могу брать крупные грузы, поэтому приходится следить, чтобы не выйти за рамки, но на это можно жить, пока страховка невысока и Адаон, бог Волн, держит меня на плаву. Я всегда иду в храм бога, прежде чем отправиться домой.

– Но сначала сюда, – улыбнулся Дэвин.

– Сначала сюда. – Они чокнулись и выпили. Дэвин снова наполнил стаканы.

– Какие новости из Квилеи? – спросил он.

– По правде говоря, именно там я и был, – ответил Ровиго. – А в Тригии лишь останавливался на обратном пути. Новости есть. Мариус этим летом снова победил в бою в Дубовой Роще.

– Об этом я слышал, – сказал Дэвин, качая головой с грустным восхищением. – Калека, и ему уже должно быть пятьдесят. Сколько раз он победил – шесть подряд?

– Семь, – серьезно ответил Ровиго. Помолчал, словно ожидая реакции.

– Простите, – сказал Дэвин. – В этом числе есть какой-то смысл?

– Мариус решил, что есть. Он просто объявил, что больше не будет никаких сражений в Дубовой Роще. Семь – священное число, заявил он. Позволив ему одержать последнюю победу, мать-богиня ясно выразила свою волю. Мариус только что провозгласил себя королем Квилеи, а не просто наместником Верховной жрицы.

– Что? – воскликнул Дэвин довольно громко, и к ним повернулось несколько голов. Он понизил голос: – А я думал, у них там матриархат.

– Так же думала и покойная Верховная жрица, – ответил Ровиго.

Путешествуя по полуострову Ладонь, по горным деревням и отдаленным замкам, помещичьим усадьбам и городам, которые были деловыми центрами, музыканты поневоле узнавали новости и слухи о больших событиях. Из своего небогатого опыта Дэвин знал, что разговоры были не более чем разговорами: способом скоротать холодную зимнюю ночь у очага в таверне Чертандо или произвести впечатление на путешественника в таверне Корте, доверительным шепотом сообщив ему, будто в этой игратской провинции, по слухам, формируется партия сторонников Барбадиора.

Это была всего лишь болтовня, к такому выводу давно пришел Дэвин. Два правящих колдуна из-за моря, с востока и запада, почти пополам поделили между собой Ладонь, и только захудалая провинция Сенцио формально не была оккупирована никем и тревожно поглядывала в обе стороны через водное пространство. Ее правитель был парализован нерешительностью и никак не мог определиться, какому волку позволить себя сожрать, а оба волка вот уже двадцать лет осторожно ходили кругами, и ни один не хотел подставить себя, сделав первый шаг.

Равновесие власти на полуострове казалось Дэвину несокрушимым, как скала, с тех пор как он себя помнил. Пока не умрет один из колдунов, (а колдуны, по слухам, живут очень долго), ничего не может измениться от болтовни в кавницах или залах дворцов.

В Квилее, однако, ситуация была совсем другой. Она выходила за рамки ограниченного опыта Дэвина, он не мог о ней судить и не мог ее понять. Он даже не догадывался, какими

последствиями грозит поступок Мариуса в этой странной стране к югу от гор. К чему может привести тот факт, что теперь в Квилее не временный правитель. Он не должен каждые два года приходить в Дубовую Рощу и там, обнаженный, ритуально искалеченный и безоружный, встречаться с вооруженным мечом врагом, выбранным, чтобы убить его и занять его место. Но Мариуса не убили. Семь раз не убили.

А теперь Верховная жрица мертва. И Ровиго так сказал это, что невозможно было не понять смысла его слов. Несколько огорошенный, Дэвин потрянул головой.

Он поднял глаза и увидел, что его новый знакомый смотрит на него со странным выражением.

– Вы – вдумчивый молодой человек, – сказал купец.

Дэвин пожал плечами, внезапно смутившись:

– Не слишком. Не знаю. И, конечно, не владею даром предвидения. Я не каждый день слышу подобные новости. Как вы думаете, что это будет означать?

На этот вопрос он не получил ответа.

Хозяин таверны, который с большим успехом не замечал призывных взмахов руки Ровиго, требующего еще одну бутылку вина, сейчас шагал прямо к их концу стойки, и ярость на его лице ясно читалась даже в полумраке помещения.

– Ты! – прошипел он. – Тебя зовут Дэвин?

Пораженный, Дэвин машинально кивнул. Выражение лица трактирщика стало еще более злобным.

– Убирайся отсюда! – проскрежетал он. – Тебя на улице ждет твоя проклятая Тριάдой сестра. Говорит, что отец требует тебя домой и – да проклянет вас обоих Морриан! – что он намерен донести на меня за то, что я продал спиртное несовершеннолетнему. Ты, проклятый подзаборный ублюдок, я тебя проучу, из-за тебя мое заведение могут закрыть накануне Праздника!

И не успел Дэвин шевельнуться, как ему в лицо выплеснули целый кувшин прокисшего черного вина, обжигающего, как огонь. Он отпрянул, вытирая заслезившиеся глаза и яростно ругаясь.

Когда зрение вернулось к нему, он увидел необычайное зрелище.

Ровиго – не очень крупный человек – перегнулся через стойку бара и ухватил хозяина за ворот грязной туники. Без видимых усилий он наполовину перетащил мужчину через стойку, а тот лишь беспомощно брыкался. Его воротник до такой степени врезался в шею, что лицо пошло багровыми пятнами.

– Горо, мне не нравится, когда оскорбляют моих друзей, – спокойно произнес Ровиго. – У этого парня нет отца, и сомневаюсь, что у него есть сестра. – Он вопросительно поднял бровь, глядя на Дэвина, который энергично замотал мокрой головой.

– Как я сказал, – продолжал Ровиго, который даже не запыхался, – у него нет сестры. И он вовсе не ребенок, что должно быть ясно любому хозяину таверны, не ослепшему от непрерывного поглощения собственного пойла. А теперь, Горо, утешь меня немного, извинись перед Дэвином д’Азоли, моим новым другом, и предложи ему две закупоренные бутылки выдержанного красного из Чертандо, чтобы продемонстрировать свое искреннее раскаяние. За это я, возможно, позволю уговорить себя продать тебе бочку квилейского буината, которая сейчас стоит у меня на «Морской Деве». По сходной цене, разумеется, учитывая, сколько ты на ней заработаешь во время Праздника.

Физиономия Горо приобрела угрожающий оттенок. Дэвин почувствовал себя обязанным предостеречь Ровиго, но тут хозяин конвульсивно кивнул, и купец немного отпустил его воротник. Горо втянул в легкие вонючий воздух таверны так, словно он благоухал ароматами горных цветов Кьяры, и выплюнул три слова извинений в сторону Дэвина.

– А вино? – мягко напомнил ему Ровиго.

Он опустил хозяина пониже – все так же без видимых усилий, – и Горо, пошарив под стойкой бара, извлек две бутылки, содержимое которых действительно напоминало красное вино из Чертандо.

Ровигу еще чуть-чуть отпустил стянутый воротник.

– Выдержанное? – терпеливо спросил он.

Горо дернул головой вверх и вниз.

– Ну хорошо, – заявил Ровигу, отпуская Горо, – будем считать, что мы квиты. Полагаю, – сказал он, поворачиваясь к Дэвину, – что тебе следует сходить и узнать, кто там выдает себя за твою сестру.

– Я знаю, кто это, – мрачно ответил Дэвин. – Между прочим, спасибо. Я могу сам за себя постоять, но приятно иногда иметь союзника.

– *Всегда* приятно иметь союзника, – поправил его Ровигу. – Но сдается мне, ты не слишком рад иметь дело с этой «сестрой», так что я предоставляю тебе отправиться к ней в одиночку. Позволь еще раз порекомендовать твоему вниманию моих собственных дочерей. Они очень хорошо воспитаны, учитывая все обстоятельства.

– Я в этом ничуть не сомневаюсь, – ответил Дэвин. – Если смогу оказать вам ответную услугу, сделаю это с радостью. Я выступаю с труппой Менико ди Феррата, и мы будем здесь все праздники. Возможно, ваша жена захочет послушать нашу музыку. Дайте мне знать, если придете, и я устрою для вас хорошие места на любом из наших публичных концертов бесплатно.

– Спасибо. А если твой путь или любопытство приведут тебя на юго-восток от города, теперь или к концу года, то наши земли лежат в пяти милях отсюда, по правую руку от дороги. Как раз там, где они начинаются, стоит маленький храм Адаона, а на моих воротах нарисован герб с изображением корабля. Его придумала одна из девочек. Все они очень талантливы, – усмехнулся он.

Дэвин рассмеялся, и они, по обычаю, попрощались, соприкоснувшись ладонями. Ровигу снова вернулся на свое место в углу у стойки бара. Дэвин, с отчаянием чувствуя, что пропитан дурно пахнувшим вином от светло-каштановых волос до пояса и что пятна имеются даже на штанах, вышел на улицу, сжимая в руках две бутылки красного вина из Чертандо. Несколько секунд он подслеповато шурился от яркого солнечного света, прежде чем заметить на противоположном конце улочки Катриану д'Астибар. Ее огненно-рыжие волосы сверкали на солнце, а к носу она крепко прижимала носовой платок.

Дэвин решительно шагнул на мостовую и чуть не перевернул тележку кожевника. Последовал быстрый обмен мнениями, удовлетворивший обе стороны. Кожевник с грохотом потащил свою тележку дальше, а Дэвин дал себе слово на этот раз не ставить себя в положение обороняющегося и пошел туда, где стояла Катриана.

– Ну, – ядовито произнес он, – я ценю, что ты проделала столь дальний путь, чтобы извиниться, но ты могла бы выбрать другой способ найти меня, если бы искренне этого хотела. Я предпочитаю носить одежду, незапятнанную дрянным вином. Ты, конечно, предложишь выстирать ее.

Катриана просто проигнорировала эту речь, холодно оглядывая его с ног до головы.

– Тебе действительно надо помыться и переодеться, – сказала она, не отнимая от губ надушенного платка. – Я не рассчитывала на столь бурную реакцию трактирщика. Но у меня не было лишних астинов на подкуп, и я не сумела придумать лучшего способа заставить трактирщика искать тебя среди посетителей.

Это было объяснение, отметил Дэвин, а не извинение.

– Прошу прощения, – ответил он с преувеличенным раскаянием в голосе. – Мне следует поговорить с Менико: кажется, мы мало тебе платим, вдобавок ко всем нашим прочим преступлениям. Ты, наверное, привыкла к другому.

Катриана впервые заколебалась.

– Нам обязательно обсуждать это посреди улицы Кожевников? – спросила она.

Дэвин молча отвесил ей театральный поклон и жестом пригласил идти вперед. Она двинулась прочь от гавани, и он зашагал следом. Несколько минут они молчали, пока до них не перестал доноситься запах кож. С легким вздохом Катриана отняла от лица платок.

– Куда ты меня ведешь? – спросил Дэвин.

Очевидно, это было еще одно прегрешение. Голубые глаза вспыхнули гневом.

– Куда я могу тебя вести, во имя Триады? – В голосе Катрианы звучал сарказм. – Мы идем в мою комнату в гостинице, где займемся любовью, подобно Эанне и Адаону на заре мироздания.

– О, хорошо, – рявкнул Дэвин, чей гнев разгорелся с новой силой. – Почему бы нам не скинуться и не нанять еще одну женщину, чтобы она сыграла роль Мориа, – на тот случай, если мне станет с тобой скучно?

Катриана побледнела, но не успела открыть рот, как Дэвин схватил ее свободной рукой и развернул к себе лицом посреди улицы. Глядя в ее голубые глаза (и проклиная тот факт, что вынужден в них смотреть), он горячо произнес:

– Катриана, что именно я тебе сделал? Чем заслужил такой ответ? Или то, что ты сделала сегодня утром? Я был любезен с тобой с того дня, как мы приняли тебя в труппу, а если ты – профессионал, то знаешь, что так не всегда бывает среди бродячих артистов. К тому же, Марра, та певица, которую ты заменила, была моим самым близким другом. Она умерла от чумы в Чертандо. Я мог бы сильно подпортить тебе жизнь. Но не сделал этого и не собираюсь. Я с самого начала дал тебе понять, что считаю тебя привлекательной. Не знал, что это грех, если я веду себя учтиво.

Он отпустил ее руку, внезапно осознав, что очень крепко сжимает ее и что они находятся в очень людном месте, пусть уже и наступило полуденное затишье. Дэвин инстинктивно огляделся; к счастью, как раз в тот момент барбадиоров поблизости не оказалось. Что-то привычно сжалось у него в груди, вернулась знакомая боль, которая всегда сопровождала воспоминания о Марре. Первый настоящий друг в его жизни. Двое потерянных детей, с голосами, полученными в дар от Эанны, три года по ночам поверявшие друг другу свои страхи и сны в разных постелях всех провинций Ладони. Его первая возлюбленная. Первая смерть.

Катриана застыла на месте, и в ее глазах появилось выражение – возможно, при упоминании о смерти, – которое вдруг заставило его понять, что она моложе, чем он думал. Он считал ее старше себя, теперь он не был в этом уверен.

Дэвин ждал, часто дыша после своей вспышки, и наконец услышал, как она очень тихо произнесла:

– Ты слишком хорошо поешь.

Дэвин заморгал. Это было вовсе не то, чего он ожидал.

– Я вынуждена напрягать все силы во время исполнения, – продолжала она, и лицо ее впервые вспыхнуло. – Раудер для меня труден – все его вещи. А сегодня утром ты пел «Песнь любви», даже не задумываясь над ней, развлекал других, пытался очаровать меня. О Дэвин, мне приходится сосредоточиваться во время пения! Ты заставил меня нервничать, а когда я нервничаю, то срываюсь на людях.

Дэвин осторожно перевел дух и в задумчивости оглядел пустую, залитую солнцем улицу. Потом сказал:

– Ты знаешь... тебе когда-нибудь говорили, что можно, и даже полезно, рассказывать другим о подобных вещах – особенно тем, кому приходится работать с тобой?

Катриана покачала головой:

– Это не для меня. Я никогда не могла говорить об этом. Никогда.

– Тогда почему сказала сейчас? – рискнул Дэвин. – Почему ты пришла за мной?

Последовала еще более длинная пауза. Компания подмастерьев показалась из-за угла и с привычной издевкой заулюлюкала при виде парочки. В этом, однако, не было злого умысла, и они прошли мимо, не причинив вреда. Ветер гнал по булыжнику красно-золотые листья.

– Кое-что произошло, – сказала Катриана д’Астибар, – и Менико всем нам заявил, что ты – ключ к нашему успеху.

– Это Менико послал тебя за мной?

Что было совершенно невероятно после шести проведенных ими вместе лет.

– Нет, – быстро ответила Катриана, качая головой. – Нет, он сказал, что ты вернешься вовремя, что ты всегда приходишь вовремя. Но я нервничала, ведь так много поставлено на карту. Я не могла просто сидеть и ждать. Ты ведь ушел немного, гм, расстроенный.

– Немного, – мрачно согласился Дэвин, отметив, что она наконец-то соблаговолила сделать виноватое лицо. Он чувствовал бы себя в большей безопасности, если бы не продолжал находить ее столь привлекательной. Он никак не мог перестать, даже сейчас, гадать, как выглядели бы ее груди, освобожденные из тисков низко вырезанного корсажа. Марра рассказала бы ему, он знал, и даже помогла бы ему добиться победы. Они делали это друг для друга и потом делились впечатлениями, когда в прошлом году направлялись в Чертандо, где она умерла.

– Ты лучше расскажи мне, что случилось, – сказал он, заставляя себя вернуться в настоящее. Опасность таилась и в воспоминаниях, и в фантазиях.

– Ссылный герцог Сандре умер вчера ночью, – сказала Катриана. Она оглянулась, но улица оставалась пустынной. – По какой-то причине, никто не знает почему, Альберико разрешает устроить ему проводы со всеми почестями во дворце Сандрени сегодня вечером и завтра утром, а потом...

Она замолчала, ее голубые глаза горели. Сердце Дэвина внезапно забилось быстрее, и он закончил вместо нее:

– Похороны? Со всеми обрядами? Не может быть!

– Со всеми обрядами! И, Дэвин, Менико пригласили сегодня после обеда на прослушивание! У нас появился шанс участвовать в отпевании, о котором будут говорить целый год во всех провинциях Ладони!

Сейчас она выглядела очень юной. И очень красивой. Глаза у нее сияли, как у ребенка.

– Поэтому ты поспешила найти меня, – пробормотал Дэвин, медленно кивая, – пока я не успел напиться до бесчувствия от неудовлетворенного желания.

Теперь, впервые, преимущество было на его стороне. Это был приятный поворот событий, особенно в сочетании с действительно потрясающей новостью. Он зашагал вперед, вынуждая ее догонять. Для разнообразия.

– Все совсем не так, – запротестовала Катриана. – Просто это очень важно. Менико сказал, что твой голос будет нашим главным козырем, что ты особенно хорошо исполняешь ритуальные песнопения.

– Не знаю, должен ли я быть польщен этим или оскорблен тем, что ты сочла меня настолько непрофессиональным, решив, что я опоздаю на репетицию накануне Праздника.

– Ни то, ни другое, – ответила Катриана д’Астибар с легким намеком на прежнюю резкость в голосе. – У нас нет для этого времени. Просто ты должен хорошо спеть сегодня после обеда. Лучше, чем когда-либо раньше.

Ему следовало бы сдержаться, понимал Дэвин, но настроение у него было слишком приподнятым.

– В таком случае ты уверена, что мы не пойдем к тебе в комнату? – вкрадчиво поинтересовался он.

Он не знал, как много зависело от следующего мгновения. Затем Катриана д’Астибар громко и впервые свободно рассмеялась.

– Вот так гораздо лучше, – усмехнулся Дэвин. – Я уже начал было всерьез сомневаться, что у тебя есть чувство юмора.

Она перестала смеяться.

– Иногда я и сама сомневаюсь, – почти рассеянно ответила Катриана. Потом прибавила совершенно другим тоном: – Дэвин, я не могу выразить словами, как мне хочется получить этот контракт.

– Ну конечно, – ответил он. – Это может сделать нам карьеру.

– Верно, – согласилась Катриана. Потом прикоснулась к его плечу и повторила: – Я не могу выразить словами, как мне хочется этого.

Он мог бы увидеть в этом прикосновении обещание, если бы был менее чутким и если бы не то, как она произнесла эти слова. В ее тоне совсем не было честолюбия или страстного желания, как понимал его Дэвин.

В нем он слышал тоску, и она проникла в такой уголок его души, о существовании которого он и не подозревал.

– Сделаю все, что смогу, – через несколько мгновений пообещал он, вспомнив без всякой причины о Марре и о пролитых им слезах.

На ферме в Азоли рано поняли, что у него есть способности к музыке, но это было уединенное место, и его обитателям не с чем было сравнивать его дар, чтобы правильно судить о подобных вещах.

Одним из первых воспоминаний Дэвина об отце – которое он часто призывал, потому что в нем этот жесткий человек казался мягким, – было то, как он напевал мелодию какой-то старой колыбельной, чтобы помочь сыну уснуть в ночь, когда тот свалился с лихорадочным жаром.

Мальчик, которому тогда было года четыре, утром проснулся здоровым и замурлыкал себе под нос эту мелодию, совершенно точно воспроизводя высоту тона. На лице Гэрина появилось сложное выражение, которое позже Дэвин научился связывать с воспоминаниями отца о жене. Однако в то утро Гэрин поцеловал своего младшего сына. Единственный раз на памяти Дэвина.

Эта мелодия стала их общей тайной. Они напевали ее вместе, в грубых, неумелых попытках достичь гармонии. Позднее Гэрин купил младшему сыну маленькую трехструнную сирийскую во время одной из поездок на базар в город Азоли, которые совершал дважды в год. После этого было несколько вечеров – которые Дэвин действительно любил вспоминать, – когда они с отцом и близнецами пели у очага баллады моря и гор перед сном. Попытки убежать из влажной, скучной равнинной Азоли.

Став старше, он начал петь для некоторых других фермеров на свадьбах и наречениях. А однажды вместе со странствующим жрецом Морриан он спел на два голоса «Гимн Морриан, богине Врат» в дни осеннего Поста. Жрец после этого хотел лечь с ним в постель, но к тому времени Дэвин уже научился уклоняться от подобных предложений, никого не обижая.

Еще позже его начали приглашать в таверны. В Северной Азоли не было возрастных ограничений на выпивку. Там мальчик становился мужчиной, как только мог проработать в поле весь день, а девочка становилась женщиной после первых месячных.

И именно в таверне под названием «Река» в самом городе Азоли, в базарный день, Дэвин, которому только что исполнилось четырнадцать лет, пел «Путешествие из Корсо в Корт», и его услышал представительный бородатый человек по имени Менико ди Феррат, оказавшийся хозяином труппы музыкантов. Он на той же неделе увез его с фермы и изменил его жизнь.

– Мы следующие, – сказал Менико, нервно разглаживая на толстом животе свой лучший атласный камзол. Дэвин, от нечего делать наигрывавший на одной из свободных сирийских свою

самую первую колыбельную, ободряюще улыбнулся снизу вверх своему работодателю. Теперь уже своему компаньону.

Уже в семнадцать лет Дэвин перестал быть учеником. Менико, устав отказываться от предложений перепродать контракт своего юного тенора, в конце концов предложил Дэвину стать членом Гильдии странствующих певцов и постоянное жалование. Сперва он, разумеется, дал понять, сколь многим молодой человек ему обязан и что лишь преданность можно считать приблизительно адекватной платой за подобную милость. Собственно говоря, Дэвин это знал, и в любом случае он любил Менико.

Год спустя, после очередных предложений от хозяев конкурирующих трупп во время летнего свадебного сезона в Кортэ, Менико сделал Дэвина компаньоном и дал ему десять процентов от выручки. Произнеся, почти слово в слово, ту же речь, что и в прошлый раз.

Это была большая честь, и Дэвин это понимал. Только старый Эгано, барабанщик и мастер игры на басовых струнных из Чертандо, который был вместе с Менико со дня создания труппы, тоже имел долю партнера. Все остальные были учениками или странствующими музыкантами на временных контрактах. Особенно сейчас, когда после весенней эпидемии чумы на юге все труппы Ладони испытывали нехватку в людях и старались заполнить бреши временными музыкантами, танцорами и певцами.

Призрачная цепочка звуков, едва слышная, отвлекла внимание Дэвина от сирины. Он поднял глаза и улыбнулся. Алессан, один из троих новых членов труппы, легонько наигрывал мелодию той же колыбельной, которую играл Дэвин. На тригийской пастушеской свирели мелодия получалась странной, неземной.

Алессан, черноволосый, но уже с сединой на висках, подмигнул ему, продолжая перебирать пальцами дырочки свирели. Они вместе завершили песню – свирель, сирина и тихий голос тенора.

– Жаль, что я не знаю слов, – с сожалением сказал Дэвин, когда они закончили. – Мой отец научил меня этой мелодии еще в детстве, но он так и не смог вспомнить слов.

Худое подвижное лицо Алессана оставалось задумчивым. Дэвину немного было известно о тригийце после двух недель репетиций, только то, что этот человек необычайно искусно играет на свирели и на него можно положиться. Как партнера Менико, его больше ничто и не должно было интересовать. Алессан редко сидел в гостинице, если не было репетиций, но всегда являлся точно в назначенное время.

– Может быть, я и смогу их для тебя вспомнить, если хорошенько подумаю, – ответил он, характерным жестом запуская пальцы в волосы. – Когда-то, очень давно, я знал эти слова. – Он улыбнулся.

– Не беспокойся, – сказал Дэвин. – Я же до сих пор жил, не зная их. Это всего лишь старая песня, память о моем отце. Если останешься с нами, можем зимой попытаться вспомнить их вместе.

Он знал, что Менико одобрил бы его последний ход. Хозяин заявил, что Алессан ди Тригия – находка и к тому же выгодная, при том какую плату он запросил.

Выразительные губы его собеседника лукаво изогнулись в улыбке.

– Старые песни и воспоминания об отцах имеют большое значение, – сказал он. – Значит, твой отец умер?

Дэвин сделал охранительный жест, выставив вперед ладонь с двумя загнутыми пальцами.

– Был жив, когда я слышал о нем в последний раз, хотя я и не видел его уже почти шесть лет. Менико говорил с ним, когда в прошлый раз совершал поездку по северу Азоли, и отвез ему от меня несколько кьяро. Я никогда не возвращусь на ферму.

Алессан обдумал услышанное.

– Суровая семья из Азоли? – высказал он догадку. – Где не место честолюбивому мальчику с таким голосом, как у тебя? – Он говорил со знанием дела.

– Почти что так, – печально согласился Дэвин. – Хотя я не назвал бы себя честолюбивым. Скорее неусидчивым. И мы, собственно говоря, не коренные жители Азоли. Переехали туда из Нижнего Корте, когда я был еще маленьким ребенком.

Алессан кивнул.

– Даже так, – сказал он.

У этого человека манеры всезнайки, решил Дэвин, но он здорово играет на тригийской свирели. Так она, возможно, звучала на самой горе Адаона, на юге.

В любом случае у них не было времени продолжать этот разговор.

– Наша очередь! – объявил Менико, поспешно вбегая в комнату, где они ожидали выхода среди пыли и накрытой чехлами мебели давно уже заброшенного дворца Сандрени. – Сначала исполняем «Плач по Адаону», – сказал он, хотя они знали об этом уже несколько часов. Менико вытер ладони о бока камзола.

– Дэвин, это твой номер, заставь меня гордиться тобой, парень. – Это был его стандартный призыв. – Потом все вместе исполняем «Кружение лет». Катриана, любовь моя, ты уверена, что справишься с высокими нотами, или нам надо взять пониже?

– Справлюсь, – коротко ответила Катриана. Дэвин подумал, что ее тон свидетельствует о простой нервозности, но когда их взгляды на секунду встретились, он снова увидел в ее глазах уже знакомое выражение: стремление, выходящее за рамки страстного желания, к неведомому ему берегу.

– Мне бы очень хотелось получить этот контракт, – произнес в этот момент Алессан ди Тригия, довольно тихо.

– Вот удивительно! – огрызнулся Дэвин, обнаружив при этом, что и он тоже нервничает. Но Алессан рассмеялся, и старый Эгано тоже, и они все вместе вышли из комнаты. Эгано повидал слишком много за слишком долгие годы странствий и поэтому не был способен разволноваться перед обычным прослушиванием. Не произнес ни единого слова, он, как всегда, сразу же подействовал на Дэвина успокаивающе.

– Сделаю все, что в моих силах, – через мгновение пообещал Дэвин во второй раз за этот день, не вполне понимая, кому он это обещает и почему.

В конце концов, то ли благодаря богам Триады, то ли вопреки им, как говаривал его отец, этого оказалось достаточно.

Главным судьей был благоухающий тонкими духами, экстравагантно одетый отпрыск семейства Сандрени – мужчина лет сорока, как предположил Дэвин, – который наглядно демонстрировал вялой позой и искусственно подчеркнутыми тенями вокруг глаз, почему тиран Альберико не слишком опасался потомков Сандре д’Астибара.

За спиной этого бросающегося в глаза персонажа стояли жрецы Эанны и Мориан в белых и дымчато-серых одеждах. Рядом с ними, резко выделяясь на их фоне, сидела жрица Адаона в ярко-красной тунике, с очень коротко остриженными волосами.

Конечно, стояла осень и надвигались дни Поста, поэтому Дэвина не удивили ее волосы. Но удивило то, что священники пришли на прослушивание. Они его смущали – еще одно наследство от отца, – но в данной ситуации он не мог позволить себе поддаться смущению и поэтому выбросил их из головы.

Он сосредоточил внимание на элегантном сыне герцога, единственном человеке, который сейчас имел значение. И ждал, как учил его Менико, отыскав внутри себя точку спокойствия.

Менико подал знак Ниери и Алдине, худощавым танцовщицам, одетым в серо-голубые, почти прозрачные траурные балахоны и черные перчатки. Через несколько мгновений, после первого их совместного прохода по сцене, он взглянул на Дэвина.

И Дэвин выдал ему, выдал им всем плач по Адаону, погибшему осенью, среди горных кипарисов. Он пел, как никогда прежде.

И все время с ним был Алессан ди Тригия, с его пронзительными, рвущими сердце горестными переливами пастушеской свирели. Они вдвоем, казалось, подняли в воздух и понесли Ниери и Алдине над только что выметенным полом, превратив поверхностные движения танца в ту лаконичную ритуальную точность, которой требовал «Плач» и которой так редко удавалось добиться.

Когда они кончили, Дэвин, медленно вернувшись во дворец Сандрени с поросших кедром и кипарисом гор Тригии, где умер бог и где он снова и снова умирал каждую осень, увидел, что сын Сандре д'Астибара рыдает. Дорожки от слез размазали тщательно нарисованные тени вокруг его глаз, а это означало, как внезапно понял Дэвин, что он ни разу не плакал во время выступлений трех предыдущих трупп.

Марра, юная и нетерпимая профессиональная певица, была бы недовольна этими слезами. «Зачем нанимать дворнягу и лаять самому?» – говорила она, когда их исполнение прерывали слезы или иные проявления чувств родственников.

Дэвин не был столь суровым тогда. И тем более теперь, после того как она умерла. Он отчаянно старался не опозориться публичным проявлением горя, когда Бернет ди Кorte со своей труппой проводил траурные обряды в Чертандо в знак уважения к Менико.

Дэвин также понял по жаркому взгляду обведенных размазанными темными кругами глаз, брошенному на него потомком Сандре, и по не менее выразительному взгляду толстопа-лого жреца Морриан – во имя Триады, почему у богов Триады такие дурные слуги! – что, хотя они только что, возможно, и получили контракт, ему лично придется завтра в этом дворце быть начеку. Надо не забыть взять с собой кинжал.

Они действительно получили этот контракт. Вторая вещь уже не играла роли, поэтому хитрый Менико и начал с «Плача». Потом Менико осторожно представил Дэвина как своего компаньона, когда сын Сандре пожелал с ним познакомиться. Оказалось, что это средний сын из трех, по имени Томассо. Единственный, хриплым голосом объяснил он, крепко сжимая руку Дэвина в своих ладонях, кто обладает музыкальным слухом и разбирается в танцах настолько, чтобы выбрать исполнителей, подходящих для такого великого события, как отпевание его отца.

Дэвин, привыкший к этому, вежливо отнял свою ладонь, мысленно поблагодарив Менико за его рожденный опытом такт: представленный как партнер, он получал некоторый иммунитет от чересчур агрессивных ухаживаний, даже со стороны вельмож. Потом его представили жрецам, и он быстро преклонил колено перед жрицей Адаона в красном.

– Благослови, сестра бога, мою сегодняшнюю песнь и мое завтрашнее пение.

Краем глаза он заметил, как жрец Морриан сжал в кулаки пухлые, униженные кольцами пальцы опущенных рук. Он принял благословение и защиту Адаона – указательный палец жрицы нарисовал символ бога у него на лбу, – зная, что успешно погасил разгорающееся желание жреца. Когда Дэвин встал и обернулся, то заметил, как Алессан ди Тригия, стоящий позади остальных, подмигнул ему, что было рискованно в этой комнате и среди этих людей. Он подавил улыбку, но не удивление: проницательность пастуха его тревожила.

Томассо д'Астибар немедленно согласился с первой же названной Менико ценой, что подтвердило мнение о нем Дэвина, как о жалком создании, несмотря на столь славное имя и столь высокое происхождение.

Ему было бы интересно узнать, и это на шаг-другой приблизило бы его к зрелости, что сам герцог Сандре принял бы ту же цену – или вдвое большую – и точно таким же образом. Однако Дэвину еще не исполнилось и двадцати лет, а даже Менико, вдвое старше его, вернувшись в гостиницу, громко проклинал себя за стаканом вина, что не назвал еще большую сумму, чем та грабительская цена, которую ему только что выплатили полностью.

Лишь пожилой и спокойный Эгано сказал, тихо выбивая дробь двумя деревянными ложками по крышке стола:

– Хватит. Не надо жадничать. Отныне мы будем получать больше. Если у тебя хватит ума, завтра оставишь в каждом из храмов десятину. Мы заработаем ее снова, с процентами, когда будут отбирать музыкантов для дней Поста.

Менико, пребывающий в очень хорошем настроении, отпустил великолепное ругательство, превзойдя самого себя, и заявил, что намеревается предложить тощее тело Эгано в качестве десятины мясистому жрецу Мориан. Эгано улыбнулся беззубой улыбкой и продолжил выбивать тихую дробь.

Вскоре после вечерней трапезы Менико приказал всем ложиться спать. Завтра им придется рано встать, чтобы подготовиться к самому важному в их жизни выступлению. Он благожелательно улыбнулся, когда Алдине увела Ниери из комнаты. Дэвин был уверен, что в эту ночь девушки лягут вместе, и подозревал, что впервые. Он пожелал им насладиться друг другом, зная, что сегодня танец волшебным образом сблизил их. И еще он знал, потому что однажды это произошло с ним самим, как такое сближение заставляет ярче вспыхнуть пламя свечей у постели поздно ночью.

Он оглянулся в поисках Катрианы, но она уже поднялась к себе. Тем не менее она быстро чмокнула его в щеку тогда, во дворце Сандрени, сразу же после мощных объятий Менико. Это было началом или могло быть началом.

Он пожелал всем спокойной ночи и поднялся в отдельную комнату: эту единственную роскошь он потребовал для себя у Менико из бюджета труппы после смерти Марры.

Он ожидал, что она ему приснится – из-за траурных обрядов, из-за неудовлетворенного желания, и потому, что она снилась ему почти каждую ночь. Вместо этого он увидел бога.

Он увидел Адаона в горах Тригии, нагого и великолепного. Увидел, как струится его кровь, когда его разрывают на части обезумевшие жрицы, подстрекаемые к преступлению своей женской сущью каждый год в это осеннее утро ради еще более истового служения своему полу. Как они рвут на куски плоть умирающего бога в служении двум богиням, которые любили его и были ему матерью, дочерью, сестрой, невестой круглый год и все годы с тех времен, когда Эанна дала имена звездам.

Они делили его между собой и любили его всегда, за исключением одного этого утра на переломе осени. Этого утра, которое должно было стать предвестником, обещанием наступления весны и окончания зимы. Этого единственного утра в горах, когда богу, который был человеком, суждено быть убитым. Растерзанным и убитым, чтобы его положили на его место, в землю. Чтобы он стал землей, в свою очередь орошенной дождем слез Эанны и горестными рыданиями нескончаемых подземных ручьев Мориан, извивающихся от неутоленного желания. Убитым, чтобы возродиться и снова быть любимым, все сильнее с каждым минувшим годом, с каждой смертью в одетых кипарисах гор. Убитым, чтобы быть оплаканным, а затем восстать, как восстает бог, как восстает человек, как поднимается пшеница на летних полях. Восстать, а затем возлечь с богинями, со своей матерью и невестой, сестрой и дочерью, с Эанной и Мориан, под солнцем и звездами, и кружащимися по небу лунами – голубой и серебряной.

Дэвин с ужасом наблюдал во сне эту первобытную сцену: женщины несутся вверх по склону горы, их длинные волосы развеваются за спиной, они гонят бога-человека к пропасти над стремниной Касаделя.

Он видел, как ветки горных деревьев и ошестинившихся колючками кустарников срывают с женщин одеяния, как они сами охотно остаются обнаженными, чтобы бежать еще быстрее, как глотают на бегу кроваво-красные ягоды сонрай, чтобы одурманить себя и подготовить к тому, что им предстоит совершить высоко над ледяными струями Касаделя.

Он видел, как бог наконец обернулся. Его огромные черные глаза были знающими и отчаянными одновременно, пока он стоял у края пропасти, словно загнанный олень, на predetermined, заранее выбранном, исконном месте своего конца. И Дэвин видел, как женщины

настигли его там, как по их телам струилась кровь, а волосы развевались по ветру, как Адаон склонил свою гордую, великолепную голову перед роком их терзающих рук, зубов и ногтей.

И там, в конце погони, Дэвин увидел, что рты женщин широко открыты, что они пере-кликаются друг с другом в экстазе или страдании, терзаемые неудержимым желанием, или безумием, или горечью, но во сне их крики были беззвучными. Вместо криков всю эту дикую сцену среди кедров и кипарисов на склонах гор сопровождал единственный, пронзительный звук тригийской пастушеской свирели, которая играла мелодию его детства где-то высоко и далеко.

И в самом конце, когда женщины приблизились к богу, и схватили его, и сомкнулись вокруг него у пропасти над Касаделем, Дэвин увидел, что лицо терзаемого бога было лицом Алессана.

Глава III

Еще до того, как осторожный Альберико явился из заморского Барбадиора и стал править в Астибаре, этот город, любивший называть себя «Большим пальцем, который управляет Ладонью», славился некоторым аскетизмом. В Астибаре обряды прощания с покойником никогда не проводились в присутствии усопшего, как в других восьми провинциях. Такая процедура считалась излишней, так как возбуждала слишком сильные чувства.

Им предстояло выступить в центральном дворе дворца Сандрени, а зрителей разместили на стульях и скамьях, расставленных по периметру двора, и на балконе, тянущемся вдоль внутренних комнат двух верхних этажей. В одной из этих комнат, украшенной подобающими случаю драпировками – серо-голубыми с черным, – лежало тело Сандре д'Астибара. На его веки положили монеты для уплаты безымянному привратнику у последних врат Мориан, в руки положили немного еды, а ноги обули в башмаки, поскольку никто из живых не знал, как долг последний путь к богине.

Позднее Сандре должны были вынести во двор, чтобы все желающие из города и дистрады, кто не побоится запоминающих взоров барбадиорских наемников, несущих караул снаружи, могли пройти цепочкой мимо его гроба и бросить серебристо-голубые листья олив в хрустальную вазу, уже стоящую на постаменте во дворе.

Обыкновенных граждан – ткачей, ремесленников, лавочников, крестьян, матросов, слуг, мелких торговцев – должны были пропустить во дворец позднее. Сейчас снаружи доносились их голоса: они собрались, чтобы послушать музыку обряда отпевания старого герцога. А пока что во дворе образовалась самая необычайная смесь мелкого и высшего дворянства и богатого купечества, какую Дэвину когда-либо доводилось видеть в одном месте.

Вся знать астибарской дистрады прибыла из своих загородных поместий на Праздник Виноградной Лозы. А приехав в город, они не могли пропустить обряд прощания с Сандре, пусть даже многие или большинство из них страстно ненавидели его во время правления, а отцы или деды некоторых даже покупали яд или нанимали убийц лет тридцать назад в надежде увидеть этот обряд намного раньше.

Двое жрецов и жрица Адаона уже сидели на своих местах. У них был такой спокойный и торжественный вид, какой обычно бывает у всех священников, словно они причастны к тайне, сообща охраняемой ими от простых смертных.

Артисты Менико ожидали в маленькой комнатке, выходящей окнами во двор, которую Томассо приказал отвести для них. Там было накрыто обычное угощение, а кое-что далеко выходило за рамки обычного. Дэвин, например, не помнил, чтобы где-нибудь музыкантам подавали голубое вино. Это был экстравагантный жест. Тем не менее он не соблазнился: было еще слишком рано и он чересчур нервничал. Чтобы успокоиться, Дэвин подошел к Эгано, который, как обычно, лениво барабанил по столешнице.

Эгано поднял глаза и улыбнулся.

– Это просто выступление, – произнес он со своим мягким пришепетыванием. – Делаем то же, что и всегда. Делаем музыку. И движемся дальше.

Дэвин кивнул и выдавил из себя ответную улыбку. В горле у него было сухо. Он подошел к столам, и один из двух ожидающих приказаний слуг поспешно налил ему воды в хрустальный с золотом бокал, который стоил дороже всего, чем владел Дэвин в этом мире. Через несколько мгновений Менико подал знак, и они вышли во двор.

Начали танцовщицы под звуки укрытых от взоров струнных и свирелей. Без певцов. Пока.

Если Алдине и Ниери и зажигали свечи любви прошлой ночью, это никак не проявилось в то утро, а если и проявилось, то лишь в сосредоточенности и напряженности их согласованных движений.

Иногда казалось, что они ведут музыку за собой, иногда – что следуют за ней. В своих серо-голубых туниках и черных перчатках, скрывающих ладони, с худыми набеленными лицами они выглядели поистине потусторонними созданиями. Именно этого добивался от своих танцовщиц Менико. Этот танец не должен быть зазывным или искушающим, как считали в иных труппах, или просто грациозной прелюдией к основному выступлению, как понимали его в некоторых других. Танцовщицы Менико были проводниками, холодными и непреклонными, в царство мертвых. Постепенно, неумолимо их медленные, торжественные движения, бесстрастные, почти нечеловеческие лица заставили погрузиться в молчание эту своенравную, гордую собой аудиторию.

И в этом молчании выступили вперед трое певцов и четверо музыкантов и запели «Призыв» к Эанне, богине Огней, которая сотворила этот мир, солнце, две луны и россыпь звезд, что были бриллиантами в ее диадеме.

Сосредоточенные и внимательные, используя все профессиональные приемы, чтобы создать впечатление обманчивой безыскусности, артисты Менико ди Феррата безжалостно уносили вместе с собой дам, и господ, и владетельных купцов Астибара на вершину печали. Оплакивая Сандре, герцога Астибарского, они оплакивали, как и подобает, умирание всех смертных детей Триады, которых лишь ненадолго впустили через Врата Мориан побродить по земле Адаона под огнями Эанны. На столь сладкий, и горький, и короткий отрезок времени.

Дэвин слышал, как голос Катрианы вознесся ввысь, на ту суровую, ледяную вершину, куда, казалось, зовет его свирель Алессана. Он скорее чувствовал, чем слышал, как Менико и Эгано возвращают их всех на землю низкими звуками своей партии. Он видел двух танцовщиц, то застывающих, словно статуи, то кружащихся, словно пленницы, рвущиеся из силков времени, и в надлежащий момент он позволил своему собственному голосу взмыть в сопровождении двух сирийцев в то пространство, которое им втроем предстояло заполнить, в ту середину, где жили и умирали смертные.

Таков был подход Менико ди Феррата к редко исполняемым полностью обрядам отпевания, уже давно им определенный. Он вложил в него сорок лет служения искусству и проведенной в дороге жизни, которая привела его к этому мгновению сегодняшнего утра. Еще только начиная петь, Дэвин почувствовал, что его сердце переполняет гордость и искренняя любовь к их тучному скромному руководителю, благодаря которому артисты оказались здесь и творили свою музыку.

Как и было запланировано, они остановились после шестой части, ради самих себя и своих слушателей. Томассо заранее обсудил все с Менико, и теперь наверху должно было начаться движение благородных лордов мимо гроба Сандре. После труппа исполнит последние три части обряда, завершив их «Плачем» Дэвина, а потом тело снесут вниз и впустят толпу, ожидающую за воротами с листьями для хрустальной вазы.

Менико увел их со двора среди такой глубокой тишины, какая сама по себе была высшей похвалой. Они снова вернулись в отведенную им комнату. Под влиянием ими самими созданного настроения все молчали. Дэвин помог танцовщицам переодеться в платья, которые они носили между выходами на сцену, и стал смотреть, как они ходят кругами по комнате, стройные, своей грацией напоминающие кошек. Он взял из рук одного из слуг бокал зеленого вина, но отказался от предложенной тарелки с едой. Обменялся взглядом с Алессаном – пока только взглядом, не улыбкой. Музыканты Дренио и Пьеве склонились над своими сирийцами и подтягивали струны. Эгано, практичный как всегда, ел, машинально барабанил по столу свободной рукой. Менико прошел мимо, нервный и рассеянный. Он молча сжал предплечье Дэвина.

Дэвин искал взглядом Катриану и увидел ее в тот момент, когда она выходила из комнаты через арку, ведущую в глубину дома. Она оглянулась. Их взгляды на секунду встретились, и она пошла дальше. Странно преломленный свет падал из высокого невидимого окна на то место, где она только что стояла.

Дэвин в самом деле не знал, почему он так поступил. Даже потом, после того как произошло столько разных событий, разбегающихся кругами от этого мгновения во всех направлениях, словно рябь по воде, он так и не мог объяснить, почему последовал за ней.

Простое любопытство. Желание. Странное томление, порожденное выражением ее глаз, и странное место, словно парящее в воздухе среди тишины и печали, в котором они находились. Возможно, причина была совсем в другом, или частично в этом, или только в этом. Он чувствовал, что мир стал не совсем таким, каким был до начала выступления танцовщиц.

Дэвин допил вино, встал и вышел через ту же арку, что и Катриана. Проходя под ней, он тоже оглянулся. Алессан наблюдал за ним. Во взгляде тригийца не было осуждения, только напряжение, которого Дэвин не мог понять. Впервые в этот день он вспомнил о своем сновидении.

И, может быть, поэтому, проходя под аркой, он шепотом произнес молитву Мориан.

За аркой оказалась лестница с высоким узким окном-витражом на площадке второго этажа. В разноцветном каскаде света он успел заметить серебристо-голубое платье, промелькнувшее слева от верхней площадки лестницы. Он тряхнул головой, стараясь прояснить сознание, выйти из нереального, похожего на сон состояния. Ему это удалось, и все вдруг встало на свои места. Дэвин понял и выругался про себя.

Она была родом из Астибара. И шла наверх, чтобы, как и подобает, проститься с герцогом. Ни один лорд или купец-нувориш не мог отказать ей в праве это сделать после того, как она пела в то утро. С другой стороны, для сына крестьянина из Азоли, рожденного в Нижнем Корте, войти в комнату наверху было бы чистойшей наглостью.

Поэтому Дэвин заколебался и повернул бы назад, если бы не память, которая всегда была его благословением и проклятием. Он видел со стороны двора висящие знамена. Та комната, где лежал Сандре д'Астибар, находилась не слева от лестничной площадки, а справа.

Дэвин пошел дальше. Теперь он старался двигаться тихо, хотя все еще не понимал почему. На лестничной площадке он повернул налево, вслед за Катрианой. Там была дверь. Он открыл ее. Пустая комната, которой давно не пользовались, пыльные гобелены на стенах. Сцены охоты, краски сильно выцвели. Из комнаты было два выхода, но теперь ему на помощь пришла пыль: он видел четкие отпечатки сандалий, ведущие к двери справа.

Дэвин бесшумно двинулся по этим следам через анфиладу заброшенных комнат на втором этаже дворца. Он видел скульптуры и изделия из стекла, утонченно изящные, покрытые многолетним слоем пыли. Многие предметы обстановки исчезли, многие из уцелевших были накрыты чехлами. Свет был тусклым: большую часть окон закрывали ставни. Суровые лорды и леди на почерневших, закопченных портретах недружелюбно взирали на него сверху, когда он проходил мимо.

Он свернул направо и еще раз направо, идя по следам Катрианы и стараясь не слишком приближаться к ней. Она двинулась прямо через комнаты вдоль внешней стороны дворца – ни одна из них не выходила на переполненные балюстрады с видом на двор. В этих комнатах было светлее. Он слышал справа приглушенные голоса и догадался, что Катриана идет кружным путем к дальнему концу той комнаты, в которой выставлено для торжественного прощания тело Сандре.

Наконец Дэвин открыл дверь, которая оказалась последней. Катриана стояла одна в очень большой комнате, рядом с громадным камином. Каминную полку украшали три бронзовых коня, а стены – три портрета. Потолок был покрыт, как понял Дэвин, настоящим золотом. Ряд окон вдоль внешней стены выходил на улицу, и возле него стояли два длинных стола,

ломающихся от еды и напитков. Эту комнату, в отличие от остальных, недавно убрали, но шторы оставались задернутыми, скрывая ее от яркого утреннего солнца и взглядов толпы снаружи.

В этом неясном, просачивающемся свете Дэвин закрыл за собой дверь, нарочно позволив замку громко щелкнуть. В тишине этот звук прозвучал как выстрел.

Катриана резко обернулась, прижав руку ко рту, но даже в полутьме Дэвин увидел, что в ее глазах сверкнула ярость, а не страх.

– Что ты тут делаешь? – сердито прошептала она.

Дэвин неуверенно шагнул вперед. Он пытался придумать остроумный ответ, какое-нибудь необидное, отвлеченное замечание, которое разрушило бы гнетущее заклятие, лежащее на нем, на всем начале дня. Но не сумел.

– Не знаю, – честно признался он, покачивая головой. – Я увидел, как ты вышла, и пошел следом. Это не то, что ты думаешь, – неуклюже закончил он.

– Откуда ты знаешь, что я думаю? – огрызнулась она. Казалось, она усилием воли заставила себя успокоиться. – Я хотела несколько минут побыть одна. – Катриана старалась говорить ровным голосом. – Выступление взволновало меня, и мне необходимо побыть наедине с собой. Вижу, что ты тоже разволновался, но нельзя ли попросить тебя сделать одолжение – оставить меня на некоторое время в одиночестве?

Это было сказано вежливо. Он мог бы теперь уйти. В любое другое утро он так бы и поступил. Но Дэвин уже вошел во Врата Мориан и отчасти догадывался об этом.

Он махнул рукой в сторону накрытых столов и серьезно сказал, просто констатируя факт, без вызова или осуждения:

– Эта комната не для уединения, Катриана. Может, скажешь мне, зачем ты здесь?

Дэвин приготовился к новой вспышке ярости, но Катриана еще раз его удивила. После долгой минуты молчания она наконец ответила:

– Мы с тобой не настолько близки, и я не обязана тебе отвечать. Будет лучше, если ты уйдешь. Для нас обоих.

До него все еще доносились приглушенные голоса из-за стены справа от камина с бронзовыми конями. Эта странная комната с обильно и роскошно накрытыми столами и мрачными портретами на темных стенах, казалось, была погружена в сон наяву. Он вспомнил, как пела утром Катриана, как ее голос устремлялся ввысь, туда, куда звала тригийская свирель. Вспомнил ее глаза в тот момент, когда она остановилась в дверном проеме, который они оба миновали. Он поистине не чувствовал, что все это происходит наяву, в том мире, который он знал.

И, поддавшись этому настроению, Дэвин услышал свой вопрос, произнесенный сдавленным голосом:

– Так не начать ли нам? Разве нет ничего, что могло бы нас сблизить?

Катриана колебалась. Ее глаза были широко раскрыты, но их выражение невозможно было прочесть в неверном свете. Затем она покачала головой и осталась стоять на месте, прямая и неподвижная, в дальнем конце комнаты.

– Думаю, что нет, – тихо ответила она. – Не на той дороге, по которой я иду, Дэвин д'Азоли. Но спасибо за предложение, и я не могу отрицать, что отчасти хотела бы, чтобы все обстояло иначе. А сейчас у меня мало времени, и мне надо здесь кое-что сделать. Пожалуйста, оставь меня.

Дэвин не ожидал, что почувствует такое сильное сожаление. Он кивнул, больше ничего не смог придумать в ответ и на этот раз повернулся, чтобы уйти.

Но Врата действительно были пройдены в то утро во дворце Сандрени, и в тот самый момент, когда Дэвин повернулся, они оба слышали голоса – но на этот раз у него за спиной.

– О Триада! – прошипела Катриана, и настроение лопнуло, как мыльный пузырь. – Проклятье лежит на всем, за что я ни возьмусь! – Она резко повернулась к камину, лихорадочно

ощупывая ладонями нижнюю поверхность каминной полки. – Во имя богинь, молчи! – сердито прошептала она.

Ее шепот звучал так тревожно, что Дэвин повиновался и застыл на месте.

– Он говорил, что знает, кто построил этот дворец, – бормотала она себе под нос. – Это должно быть прямо над...

И замолчала. Дэвин услышал щелчок. Часть стены справа от камина слегка повернулась, и за ней открылась крохотная ниша. Дэвин широко раскрыл глаза.

– Не стой как дурак! – яростно прошипела Катриана. – Быстро!

За его спиной новый голос присоединился к остальным, теперь разговаривали трое. Дэвин прыгнул к потайной двери, проскользнул внутрь вслед за Катрианой, вместе они навалились и закрыли проход за собой.

Через секунду они услышали, как дверь в дальнем конце комнаты со щелчком открылась.

– О Морриан, – вырвался стон из самого сердца Катрианы. – Ох, Дэвин, ну зачем ты здесь?

Дэвин не смог подобрать подходящего ответа на этот вопрос. Во-первых, он все еще не понимал, зачем последовал за Катрианой; во-вторых, чулан, в котором они спрятались, был слишком тесным, и вдвоем они едва в нем помещались. Дэвин с каждой секундой все острее чувствовал пьянящий, волнующий запах духов Катрианы, заполнивший крохотное пространство.

Если несколько минут назад он словно пребывал в полусне, то сейчас внезапно очнулся и обнаружил, что находится в опасной близости от женщины, которую последние две недели страстно желал.

Катриана, кажется, с некоторым опозданием тоже это осознала. Он услышал, как у нее вырвался слабый вздох. Дэвин закрыл глаза, хотя в потайном чулане было абсолютно темно. Он ощущал, как ее дыхание щекочет его лоб, и сознавал, что стоит ему слегка приподнять руки, и они сомкнутся на ее талии.

Он старался не шевелиться, отклонившись назад как можно дальше от нее, и не дышать глубоко. Он чувствовал себя круглым дураком, виновным в создавшейся смехотворной ситуации, и не собирался пополнять быстро растущий список своих прегрешений, дав волю рукам в темноте.

Катриана сменила позу, и ее платье тихо зашелестело. Она коснулась бедром его ноги. Дэвин прерывисто вздохнул и при этом глотнул новую порцию аромата ее духов, что вовсе не способствовало укреплению его решимости быть добродетельным.

– Прости, – прошептал он, хотя это она переменяла позу. Он ощутил на лбу капли пота. Чтобы отвлечься, Дэвин попытался сосредоточиться на доносящихся снаружи звуках. За его спиной слышалось шарканье ног и постоянное неясное бормотание людей, которые продолжали идти чередой мимо гроба Сандре.

Слева от него, в комнате, из которой они только что удрали, можно было различить три голоса. Один из них, как ни странно, он почти узнал.

– Я расставил слуг, охраняющих тело, на подходах – это даст нам лишнюю минуту, пока не подошли остальные.

– Ты заметил монеты на его веках? – спросил более юный голос, приближаясь к внешней стене, где стояли накрытые столы. – Очень забавно.

– Конечно заметил, – ядовито ответил первый. Где Дэвин слышал этот голос? И совсем недавно. – Как ты думаешь, кто потратил целый вечер на поиски двух астинов двадцатилетней давности? И кто, по-твоему, все это организовал?

Послышался тихий смех третьего.

– Прекрасно накрытый стол, – легкомысленно произнес он.

– Я не это имел в виду!

Смех.

– Я знаю, но все равно прекрасный стол.

– Таэри, сейчас не время для шуток, особенно неудачных. В нашем распоряжении всего несколько минут, пока не пришли остальные члены семьи. Слушайте меня внимательно. Только мы трое знаем, что происходит.

– Значит, только мы? – переспросил юный голос. – Больше никто? Даже мой отец?

– Даже Джиано, и ты знаешь почему. Я сказал – только мы. Перестань задавать вопросы и слушай, щенок!

В этот момент Дэвин д'Азоли почувствовал, как у него быстрее забилося сердце. Отчасти из-за услышанного, но гораздо вероятнее из-за того, что Катриана тихонько вздохнула и снова переменила позу. Дэвин с изумлением почувствовал, что теперь ее тело тесно прижато к его телу и что одна из ее длинных рук обвилась вокруг его шеи.

– Знаешь, – шепнула она почти беззвучно, прильнув губами к его уху, – мне вдруг понравилась эта идея. Ты можешь быть *очень* тихим? – Кончик ее языка на одно мгновение коснулся мочки его уха.

Во рту у Дэвина пересохло, а его мужской орган встал в полный рост под серебристо-голубыми лосинами. Снаружи тот голос, который он почти узнал, начал быстро объяснять что-то насчет носильщиков и охотничьего домика, но и голос, и его объяснения внезапно потеряли для него всякое значение.

А не потерял значения – напротив, приобрел огромную важность – тот неоспоримый факт, что губы Катрианы целовали его шею и ухо. И пока его руки, по собственной воле, ощупывали ее щеки и шею, а потом спускались вниз, к выпуклости груди, о которой он так долго мечтал, ее собственные пальцы проворно развязали завязки у его талии и выпустили его на свободу.

– О Триада! – услышал он свой собственный стон, когда ее прохладные пальцы начали гладить его. – Почему ты раньше не сказала мне, что любишь заниматься этим в рискованных ситуациях? – Он резко повернул голову, и их губы слились в первом страстном поцелуе. Он начал поднимать вверх подол ее платья, собирая его в складки выше бедер.

Она откинулась назад, присела на полку у стены за ее спиной, чтобы облегчить ему задачу. Теперь и ее дыхание стало частым и поверхностным.

– Нас будет шестеро, – донеслось до Дэвина из соседней комнаты. – Я хочу, чтобы к восходу второй луны вы были...

Пальцы Катрианы внезапно вцепились в волосы Дэвина, причиняя боль, и в это мгновение ее бедра освободились от последних складок платья, пальцы Дэвина скользнули под нижнее белье и нашли врата, к которым он так стремился.

Она издала неожиданный тихий звук и на секунду окаменела, а потом совершенно ослабилась в его объятиях. Его пальцы нежно гладили глубокие складки ее плоти. Она вздохнула, потом снова чуть-чуть передвинулась и направила Дэвина внутрь себя, ахнула, ее зубы сильно впились в его плечо. На мгновение Дэвин замер, охваченный поразительным наслаждением и острой болью, крепко прижимая ее к себе и почти беззвучно шепча какие-то слова, которых сам не понимал.

– Хватит! Другие уже здесь, – хрипло оборвал говоривших третий голос из комнаты.

– Все равно, – сказал первый. – Запомните, вы двое должны приехать из города разными дорогами – не вместе! – и присоединиться к нам сегодня ночью. Во что бы то ни стало убедитесь, что за вами не следят, иначе мы все погибем.

На короткое время воцарилось молчание. Потом дверь в дальнем конце комнаты открылась, и Дэвин, который начал медленно, молча двигаться внутри Катрианы, узнал наконец этот голос.

Потому что тот зазвучал снова, но теперь в нем появились мягкие, памятные со вчерашнего дня интонации.

– Наконец-то! – пропел Томассо д’Астибар. – Мы ужасно боялись, что вы все заблудитесь в этих пыльных пространствах и вас никогда не найдут!

– Не будет тебе такой удачи, брат, – ворчливо ответил чей-то голос. – Хотя после восемнадцати лет отсутствия это было бы неудивительно. Я умираю от желания выпить пару бокалов вина. Сидеть смиренно под такую музыку все утро – эта работа вызывает ужасную жажду.

В чулане Дэвин и Катриана прильнули друг к другу и беззвучно рассмеялись. Потом Дэвина охватило страстное нетерпение, ему показалось, что Катриану тоже. Внезапно на всем полуострове не осталось ничего важнее постепенно ускоряющегося ритма их общего движения. Дэвин почувствовал, как ее ногти впились ему в спину. Ощущая приближение экстаза, он приподнял ее ладонями снизу; она подняла ноги и обхватила ими его талию. Через мгновение ее зубы во второй раз впились в его плечо, и в ту же секунду он сам в полном молчании взорвался внутри нее.

На какое-то время они замерли, обессиленные, их одежда стала влажной в тех местах, где прилегала к коже. Дэвину казалось, что голоса из двух соседних комнат доносятся из бесконечно далекого пространства. Совершенно из другого мира. Ему совсем не хотелось двигаться.

Тем не менее в конце концов Катриана осторожно опустила ноги на пол и перенесла на них вес тела. В черной тьме Дэвин провел пальцем по ее щеке.

За их спиной вельможи и купцы Астибара все еще шаркали ногами мимо тела герцога, которого столь многие ненавидели и столь немногие любили. Слева от Дэвина представители младшего поколения Сандрени ели и пили, поднимая тосты за окончание ссылки. Дэвин, тесно прижавшийся к Катриане и все еще погруженный в тепло ее тела, не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

Внезапно она схватила его за ласкающий ее палец и очень сильно укусила. Он вздрогнул от боли. Однако она ничего не сказала.

После того как семейство Сандрени удалилось, Катриана нашарила задвижку, и они выскользнули из чулана в комнату. Быстро поправили одежду. Задержались лишь для того, чтобы ухватить по куриному крылышку, а потом поспешили обратно через комнаты, ведущие к лестнице. По дороге им встретились трое одетых в ливреи слуг, и Дэвин, сбросивший сонное оцепенение, настороженный, схватил Катриану за руку и подмигнул слугам, проходя мимо.

Через секунду она отняла руку.

Он взглянул на нее:

– Что случилось?

Она пожала плечами:

– Я бы предпочла, чтобы об этом не объявляли по всему дворцу Сандрени и за его пределами, – пробормотала Катриана, глядя прямо перед собой.

Дэвин удивленно поднял брови:

– А какое объяснение нашего пребывания на втором этаже ты бы предпочла? Я только что дал им очевидное и скучное. Они даже не станут это обсуждать. Такие вещи случаются сплошь и рядом.

– Не со мной, – тихо ответила Катриана.

– Я не это имел в виду! – ошеломленно запротестовал Дэвин. Но, к сожалению, они уже спускались по лестнице, и он остановился у двери в их комнату, пропуская ее вперед, удивленный неожиданно возникшим между ними отчуждением.

Совершенно сбитый с толку, Дэвин занял свое место позади Менико, готовясь снова выйти вместе со всеми во двор.

В двух первых гимнах он исполнял небольшие второстепенные партии, поэтому мысли его все время возвращались к сцене, только что разыгравшейся наверху. Он снова и снова проигрывал отдельные эпизоды с помощью данной ему от рождения памяти, высвечивал будто

солнечным лучом одну подробность за другой, выявляя то, что ускользнуло от него в первый раз.

И к тому времени, когда настала его очередь завершить и увенчать траурный обряд, видя, что трое священнослужителей в ожидании подались вперед, а Томассо принял позу восторженного внимания, Дэвин смог отдать «Плачу по Адаону» всю душу без остатка, так как поборол все сомнения и твердо решил, что ему делать.

Он начал мягко, в среднем диапазоне, вместе с двумя сириньями, выстраивать древнюю историю бога. Затем, когда вступила свирель Алессана, голос Дэвина взмыл вверх вместе с ней, будто стремительно вознесся из узкой горной долины на утес у края пропасти.

Он пел о смерти бога чистым голосом, выплавленным в котле его собственного сердца, и мелодия поднималась над дворцом и летела дальше, над улицами, площадями и высокими стенами Астибара.

Над высокими стенами, которые он собирался сегодня ночью преодолеть, чтобы потом найти тропинку и пойти по ней в лес, где стоит охотничий домик. Домик, куда отнесут тело герцога и где соберутся несколько человек – шесть, напомнил ему ясный голос памяти. Катрина д'Астибар только что пошла на все, кроме убийства, чтобы он не узнал об этой встрече. Дэвин старался превратить едкую горечь своего понимания в печаль по Адаону, наполнить этой болью «Плач».

«Лучше для нас обоих», – вспомнил он ее слова и мысленно снова услышал в ее голосе сожаление и неожиданную мягкость. Но в возрасте Дэвина определенный вид гордости, вероятно, сильнее, чем в любом другом возрасте смертного, и он уже решил, еще даже не начав петь, здесь, во дворе, полном знатных людей Астибара, что он сам будет судить о том, что лучше.

И Дэвин пел о растерзанном руками женщин божестве. Он вложил в его смерть на горном склоне Тригии все, что должен был вложить, превратил свой голос в стрелу, пущенную ввысь, и попал в сердце каждого слушателя.

Он дал Адаону упасть с высокого утеса, услышал, как смолкла свирель, и его тоскующий голос слетел по спирали вместе с умирающим богом в Касадель, и песнопение подошло к концу.

И подошла к концу в то утро часть жизни Дэвина. Потому что все знают: если войдешь во Врата Мориан, назад дороги нет.

Глава IV

Томассо бар Сандре, сопровождающий гроб с телом отца, выехал из восточных ворот за час до рассвета, пустил коня неспешным шагом и позволил себе отвлечься впервые за сорок восемь очень напряженных часов.

Дорога была пустынна. Обычно в это время она бывала забита людьми, спешащими вернуться в дистраду до начала комендантского часа, когда запирают городские ворота. С заходом солнца улицы Астибара пустеют, остаются лишь патрули из барбадиорских наемников и отчаянные одиночки, достаточно безрассудные, чтобы бросить им вызов в поисках женщин, вина и других ночных развлечений.

Но сегодня день был необычный. Сегодня ночью и две следующие ночи в Астибаре не будет комендантского часа. Виноград собран, урожай в дистраде роскошный, и все три ночи люди будут петь, танцевать и даже буйствовать на Празднике Виноградной Лозы. Эти три ночи в году Астибар пытался притворяться чувственным, романтичным, как Сенцио. Ни один герцог в прежние времена и даже унылый Альберико теперь не пробовали совершить глупость и без особой необходимости вызвать недовольство, перекрыв людям эту древнюю отдушину в размеренном течении года.

Томассо оглянулся на город. Красное солнце садилось среди редких облаков за куполами храмов и башнями, окутывая Астибар призрачным, прекрасным сиянием. Поднялся ветер, он был холодным. Томассо хотел надеть перчатки, потом передумал: ему пришлось бы снять некоторые из колец, а ему очень нравился блеск камней в этом ускользающем, неверном свете. Определенно наступала осень, и дни Поста быстро приближались. Пройдет совсем немного времени, всего несколько дней, и первый мороз тронет последние, драгоценные кисти винограда, которые оставили на специально отобранных лозах, чтобы сделать из них, если все сложится удачно, ледяное, прозрачное голубое вино, гордость Астибара.

Восемь слуг с бесстрастными лицами тяжело шагали позади него по дороге, несли носилки с простым деревянным гробом отца Томассо, украшенным лишь герцогским гербом. По обе стороны от них в мрачном молчании ехали два человека, приглашенные для всенощного бдения у гроба. Учитывая характер их обязанностей и сложную, длящуюся много поколений вражду между этими двумя людьми, не стоило удивляться их молчанию.

«Между этими тремя людьми», – поправил себя Томассо. Их трое, если считать и мертвого, который так тщательно, до мелочей, спланировал все это, даже кто поедет по какую руку от носилок, кто впереди, а кто позади. Не говоря уже о еще более удивительных деталях: каких именно двух вельмож провинции Астибар следует пригласить сопровождать его в охотничий домик для всенощного бдения, а оттуда, на рассвете, в усыпальницу Сандрени. Или, если быть совсем точным, каким двум вельможам можно и нужно доверить то, что им предстоит узнать во время бдения в лесу этой ночью.

При этой мысли Томассо почувствовал укол страха под ребрами. Он подавил его, чему научился за долгие годы – даже невозможно поверить, сколь долгие, – обсуждения этих вопросов с отцом.

Но теперь Сандре мертв, и он действует в одиночку. И ночь, которую они так долго готовили, почти опустилась на них вслед за меркнущим светом заката. Томассо, еще два года назад миновавший свой сороковой день именин, знал, что если не будет осторожным, то легко может снова почувствовать себя ребенком.

Он был двенадцатилетним мальчиком, когда Сандре, герцог Астибарский, обнаружил его голым в соломе на конюшне с шестнадцатилетним сыном главного конюха.

Его любовника, разумеется, казнили, тайком, чтобы замять дело. Томассо отец порол три дня подряд, и каждое утро кнут снова педантично находил заживающие раны. Матери было запрещено к нему заходить. Никто к нему не заходил.

Это была одна из немногих ошибок отца, рассуждал Томассо, мысленно возвращаясь на тридцать лет назад из осенних сумерек. Он знал, что его особое пристрастие к кнуту во время занятий любовью появилось именно в те три дня. Это была одна из его, как он любил выражаться, счастливых находок.

Сандре больше никогда его так не наказывал. И никаким другим прямым способом. Когда стало очевидно, что предпочтения Томассо, мягко выражаясь, ни изменить, ни подавить не удастся, и что нет никакой надежды сохранить тайну, герцог просто перестал замечать своего среднего сына.

В течение более десяти лет таких отношений Сандре терпеливо пытался подготовить Джиано к роли своего преемника и почти столько же времени тратил на молодого Таэри, давая всем понять, что его младший сын стоит в линии наследования сразу за старшим. Более десяти лет Томассо просто не существовало в стенах дворца Сандрени.

Хотя он определенно существовал в других местах Астибара и в ряде других провинций тоже. По причинам, которые только теперь стали для него до боли очевидными, Томассо на протяжении всех этих лет пытался затмить своим беспутством всех вельмож Астибара, о которых до сих пор рассказывали ужасные истории, хотя некоторые из них были покойниками уже лет четырехста.

Он полагал, что ему это отчасти удалось.

Несомненно, «набег» на храм Мориан в ту далекую ночь весеннего Поста будут еще долго помнить как крайнюю глубину падения или как вершину (все зависит от точки зрения, как он любил говорить тогда) святотатственного разврата.

Этот набег никак не сказался на его взаимоотношениях с отцом. Не на чем было сказываться, не было никаких отношений с того самого утра в соломе, когда Сандре по воле судьбы вернулся с верховой прогулки на час раньше. Они с отцом умудрялись не разговаривать и даже не замечать друг друга и во время семейных обедов, и во время официальных мероприятий. Если Томассо узнавал то, что, по его мнению, следовало знать Сандре – а это случалось довольно часто, принимая во внимание те круги, в которых он вращался, и их хронически опасное время, – он рассказывал об этом своей матери во время еженедельных совместных завтраков, а она уже принимала меры, чтобы сведения дошли до отца. Томассо также знал, что она следила и за тем, чтобы Сандре становилось известно об источнике этих сведений. Но это не имело значения.

Она умерла, выпив отравленное вино, предназначенное для мужа, до последнего в своей жизни утра стараясь примирить Сандре с их средним сыном.

Если бы отец и сын были большими романтиками, они могли бы подумать, когда семья Сандрени крепко сплотилась в кровавые дни возмездия за отравление, что мать своей смертью осуществила эту надежду.

Оба они знали, что это не так.

Фактически лишь появление Альберико из Барбадиорской Империи, его подавляющее волю колдовство и жестокость поработителей-наемников привели Томассо и Сандре к поздней ночной беседе на второй год ссылки герцога. Вторжение Альберико и монументальная, неисправимая, непобедимая тупость Джиано д'Астибар бар Сандре, номинального наследника разрушенного состояния их семьи.

И к этим двум факторам постепенно прибавился третий, горькое открытие правды гордым ссыльным герцогом. Постепенно становилось все более очевидным, и невозможно стало отрицать, что его собственные характер и одаренность, тонкость и проницательность, способность скрывать свои мысли и читать в умах других людей – все, что он мог передать своим

сыновьям, – в конце концов унаследовал только средний сын. Томассо. Который любил мальчиков и не мог оставить ни собственного наследника, ни имени, которым можно было бы гордиться, ни в Астибаре, ни в одной из других провинций Ладони.

В том глубоко скрытом уголке души, который Томассо выделил для сложного процесса осмысления своих чувств к отцу, он всегда признавал – даже в те времена, а тем более во время этого последнего вечернего путешествия Сандре, – что истинным мерилom герцога как правителя стала та далекая зимняя ночь. Ночь, когда он нарушил десятилетнее каменное молчание, поговорил со своим средним сыном и доверился ему.

Он доверил ему свой план, с болезненной осторожностью вынашиваемый в течение восемнадцати лет, как изгнать Альберико, его колдовство и его наемников из Астибара и Восточной Ладони. План, ставший для них обоих навязчивой идеей, в то время как поведение Томассо на публике становилось все более эксцентричным и развязным, его голос и походка превращались в пародию – пародию на самого себя, жеманного и шепелявого любителя мальчиков.

Все это было частью плана, разработанного во время ночных бесед с отцом в их поместье за городскими стенами.

Одновременно Сандре играл свою роль: он у всех на виду превращался в бессильного, мрачного ссыльного, проклинающего Триаду, вечно жалующегося, устраивающего буйные охоты и слишком увлекающегося вином собственного производства.

Томассо никогда не видел отца по-настоящему пьяным и никогда не говорил тонким, как пение флейты, голосом во время их ночных бесед наедине.

Восемь лет назад они попытались организовать убийство. В деревенскую таверну у границы провинции Феррата с Астибаром устроили на работу повара, связи которого нельзя было проследить дальше семейства Канциано. Более полугода досужая молва Астибара воспевала эту таверну как место с очень приличной кухней. После никто так и не вспомнил, откуда пошли эти сведения: Томассо очень хорошо знал, как полезно небрежно распускать слухи такого рода среди друзей в храмах. Жрецы Мориан в особенности славились своим аппетитом. Аппетитом любого рода.

Прошел целый год после начала осуществления их плана, и однажды Альберико из Барбадиора, возвращаясь с Игр Триады – точно так, как предсказывал Сандре, – остановился пообедать в пользующейся хорошей репутацией таверне Феррата у границы с Астибаром.

К закату этого ясного летнего дня все, находившиеся в этой таверне – слуги, хозяева, конюхи, повара, дети и посетители, – были вздернуты живыми, но с перебитыми спинами, ногами и руками и с отрезанными кистями рук, на поспешно сооруженные барбадиорские «небесные колеса» и оставлены умирать.

Таверну сровняли с землей. Налоги в провинции Феррат были повышены вдвое на следующие два года и на год в Астибаре, Тригии и Чертандо. В течение следующих шести месяцев всех уцелевших членов семьи Канциано выследили, схватили, подвергли публичным пыткам и сожгли на Большой площади Астибара. Рты им затыкали отрубленными кистями их собственных рук, чтобы вопли не тревожили Альберико и его советников в правительственных кабинетах над площадью.

Вот так Сандре и Томассо убедились, что колдунов отравить невозможно. Следующие шесть лет они ничего не предпринимали, только беседовали по ночам в загородном доме среди виноградников и собирали все доступные сведения о самом Альберико и о событиях на востоке, в Барбадиоре, где, по слухам, император старел и дряхлел с каждым годом.

Томассо начал скупать и коллекционировать трости с ручками, вырезанными в форме мужского полового органа. Ходили слухи, что он заставлял позировать резчикам некоторых из своих юных друзей. Сандре охотился. Джиано, наследник, подтверждал свою репутацию искреннего, простодушного соблазнителя женщин и производителя детей, и законных, и вне-

брачных. Младшим Сандрени было позволено иметь скромные дома в городе, в русле общей политики Альберико быть как можно более мягким правителем – кроме тех случаев, когда ему угрожала опасность или общественные беспорядки.

В таких случаях дети могли умирать на «небесных колесах». Дворец Сандрени в Астибаре оставался заколоченным, пустым и пыльным. Полезный, многозначительный символ падения тех, кто мог сопротивляться тирану. Суеверные люди утверждали, что видели прозрачные огоньки, мелькающие в нем по ночам, особенно в ночи голубой луны или в осенние и весенние ночи Поста, когда мертвые, как известно, выходят из могил.

Однажды вечером в загородном поместье Сандре сказал Томассо, без всякого предупреждения или преамбулы, что предполагает умереть накануне Праздника Виноградной Лозы через две осени после этой. Затем он назвал имена двух вельмож, которые должны будут нести при нем ночное бдение, и объяснил почему. В ту же ночь они с Томассо решили, что настало время посвятить в свои планы Таэри, младшего сына. Он был отважен, неглуп и мог пригодиться для определенных дел. Они также согласились, что Джиано каким-то образом удалось произвести на свет сына с теми же достоинствами, пусть и незаконного. Херадо – в то время ему исполнился двадцать один год, и он выказывал обнадеживающие признаки мужества и честолюбия – был их самой большой надеждой на участие молодого поколения в беспорядках, которые Сандре рассчитывал спровоцировать сразу же после своей смерти.

Собственно говоря, вопрос был не в том, кому из семьи можно доверять: в конце концов, семья – это семья. Вопрос был в том, кто мог быть полезен, и то, что сразу приходило в голову только два имени, служило свидетельством деградации рода Сандрени.

Это была совершенно бесстрастная беседа, вспоминал Томассо, едущий впереди носилок с гробом отца между темными деревьями, окаймлявшими дорогу. Их беседы всегда были такими, и эта ничем не отличалась от прочих. Однако потом он не мог уснуть, дата Праздника, который состоится через два года, впечаталась в его мозг. День, когда его отец, всегда столь точный в своих планах, столь рассудительный, решил умереть, чтобы дать Томассо шанс на новую попытку.

Теперь этот день настал и закончился, унося с собой душу Сандре д'Астибара туда, куда уносятся души таких людей. Подумав об этом, Томассо сделал охранительный жест, чтобы отвести зло. За его спиной раздался голос управляющего, приказывающий слугам зажечь факелы. С наступлением темноты стало холоднее. Над головой последние лучи света окрасили тонкую полоску высоких облаков в мрачный оттенок пурпура. Само солнце уже скрылось, опустилось за деревья. Томассо подумал о душах, о душе отца и своей собственной. И вздрогнул.

Взошла белая луна, Видомни, а вскоре после нее появилась голубая – Иларион, безуспешно гнавшаяся за белой по небу. Обе луны были почти полными. Собственно говоря, процессия могла бы обойтись и без факелов, настолько ярким был свет двух лун, но свет факелов соответствовал его задаче и его настроению, поэтому Томассо оставил их гореть, когда они свернули с дороги на знакомую извилистую тропу, ведущую через лес Сандрени к простому охотничьему домику, который любил его отец.

Слуги поставили гроб на козлы в центре большой комнаты в передней части дома. Зажгли свечи и два камина. Еду приготовили еще в начале того же дня. Ее быстро расставили на буфете вместе с вином. Окна были открыты, чтобы проветрить помещение и впустить свежий воздух.

По кивку Томассо управляющий увел слуг. Они должны были отправиться в главное здание, расположенное восточнее, и вернуться на рассвете. В конце бдения.

Наконец они остались одни. Томассо и лорды Ньеволе и Скалвайя, столь тщательно выбранные два года назад.

– Вина, господа? – предложил Томассо. – Очень скоро к нам присоединятся еще трое.

Он намеренно произнес это своим естественным голосом, а не искусственным, высоким и певучим, который стал его отличительным знаком в Астибаре. Ему было приятно видеть, что оба лорда тотчас же отметили этот факт, повернулись и остро взглянули на него.

– Кто еще? – буркнул бородатый Ньеволе, ненавидевший Сандре всю свою жизнь. Ни он, ни Скалвайя никак не прокомментировали голос Томассо. Подобные вопросы выдавали слишком многое, а эти люди давно уже наловчились ничего не выдавать.

– Мой брат Таэри и племянник Херадо – один из внебрачных сыновей Джиано и самый умный из них.

Он говорил небрежно, откупоривая пару бутылок из запасов красных вин Сандрени. Разлил вино и подал каждому по бокалу, ожидая, кто из них первым нарушит краткое молчание, которое предсказал его отец после этих слов. Вопрос задаст Скалвайя, говорил Сандре.

– А кто третий? – тихо спросил лорд Скалвайя.

Томассо внутренне поклонился покойному отцу. Затем, осторожно поворачивая бокал за ножку, чтобы вино проявило свой букет, ответил:

– Не знаю. Отец не назвал его. Он назвал вас двоих и нас троих и сказал, что на нашем совете сегодня ночью будет еще и шестой.

Слово «совет» тоже было тщательно выбрано.

– Совет? – переспросил элегантный Скалвайя. – Кажется, меня неверно информировали. Я по наивности полагал, что это бдение у гроба.

Черные глаза Ньеволе сверкнули на бородатом лице. Оба лорда уставились на Томассо.

– Немного больше, чем бдение, – сказал Таэри, входя в комнату. За ним шел Херадо.

Томассо с радостью отметил, что оба были одеты с подобающей умеренностью и что, несмотря на легкомысленную учтивость, с которой Таэри выбрал момент для появления в этой комнате, выражение его лица было весьма серьезным.

– Вы знакомы с моим братом, – пробормотал Томассо, наливая еще два бокала для вновь прибывших. – Возможно, вы еще не знакомы с Херадо, сыном Джиано.

Юноша поклонился, но промолчал, как ему и подобало. Томассо принес брату и племяннику вино.

Еще несколько секунд было тихо, потом Скалвайя опустился в кресло, вытянул вперед больную ногу, поднял свою трость и ткнул ею в сторону Томассо. Кончик трости не колебался.

– Я задал вопрос, – холодно произнес он. – Почему вы называете это советом, Томассо бар Сандре? Почему нас привезли сюда под вымышленным предлогом?

Томассо перестал играть со своим бокалом. Они наконец-то подошли к этому моменту. Он перевел взгляд со Скалвайи на дородного Ньеволе.

– Мой отец, – серьезно ответил он, – считал вас двоих последними лордами, имеющими реальную власть в Астибаре. Две зимы назад он принял решение и сообщил мне о своем намерении умереть в канун этого Праздника. В такое время, когда Альберико не сможет отказать ему в похоронах со всеми почестями, в число которых входит ночное бдение у гроба. В такое время, когда вы оба будете находиться в Астибаре, что позволит мне назвать ваши кандидатуры для этого обряда.

Он сделал паузу в своей размеренной, неторопливой речи и задержал взгляд сначала на одном, потом на другом вельможе.

– Мой отец сделал это для того, чтобы мы могли собраться, не вызывая подозрений, не рискуя быть прерванными или обнаруженными, с целью привести в исполнение определенные планы для свержения Альберико, который правит Астибаром.

Они пристально наблюдали за ним, но Сандре сделал хороший выбор. Ни один из двоих, о которых он говорил, не выказал удивления или страха, ни один мускул не дрогнул на их лицах.

Скалвайя медленно опустил трость и положил ее на стол рядом с креслом. Томассо невольно отметил, что она сделана из оникса и макиала. Как странно работал его мозг в подобные моменты.

– Вы знаете, – сказал откровенный Ньеволе, сидящий у большего камина, – вы знаете, эта мысль приходила мне в голову, когда я пытался угадать, почему ваш проклятый Тριάдой отец... ах, простите, от старых привычек нелегко освободиться, – улыбка его была скорее волчьей, чем смущенной, и не затронула прищуренных глаз, – почему герцог Сандре пожелал, чтобы я участвовал в бдении после его смерти. Он ведь должен был знать, сколько раз я пытался приблизить выполнение этих похоронных обрядов в дни его правления.

Томассо улыбнулся в ответ столь же холодно.

– Он был уверен, что вы удивитесь, – вежливо ответил он человеку, который почти наверняка заплатил за чашу вина, погубившую его мать. – Он также был совершенно уверен, что вы согласитесь приехать, будучи одним из последних представителей вымирающей породы людей в Астибаре. Скорее даже, на всей Ладони.

Бородатый Ньеволе поднял свой бокал.

– Вы умеете льстить, бар Сандре. И должен сказать, что предпочитаю слышать ваш голос таким, как сейчас, без всех этих падений, вибраций и прочих штучек, обычно ему свойственных.

Казалось, Скалвайю это позабавило. Таэри громко рассмеялся. Херадо настороженно наблюдал за происходящим. Он очень нравился Томассо, но не тем особенным образом, который был ему присущ, как ему пришлось заверить отца в одной памятной беседе.

– Я тоже предпочитаю этот голос, – сообщил он двум вельможам. – За последние несколько минут вы, должно быть, уже поняли – что неудивительно для таких людей, как вы, – почему некоторые аспекты моей жизни приняли хорошо известное направление. В том, чтобы на тебя смотрели как на безвредного вырожденца, есть свои преимущества.

– Да, – вежливо согласился Скалвайя, – если у тебя есть цель, которой служит подобное заблуждение. Вы только что назвали одно имя и намекнули, что все мы могли бы быть счастливы, если бы носитель этого имени умер или уехал. Оставим пока в стороне те возможности, которые могут возникнуть в результате столь драматичной случайности.

Его взгляд оставался совершенно непроницаемым; Томассо был предупрежден, что так и будет. Он ничего не сказал. Таэри смущенно переступил с ноги на ногу, но, к счастью, промолчал, как ему и было велено. Он подошел и сел на один из стульев у дальнего края гроба.

Скалвайя продолжал:

– Мы не можем не понимать: сказав то, что вы сказали, вы полностью отдали себя в наши руки, или так может показаться на первый взгляд. В то же время я догадываюсь, что, если бы мы встали и поехали назад в Астибар, чтобы доложить о предательстве, мы присоединились бы к вашему отцу в царстве мертвых раньше, чем выехали бы из этого леса.

Это было сказано небрежно – мелкий факт, требующий подтверждения перед тем, как перейти к более важным вопросам.

Томассо покачал головой.

– Едва ли, – солгал он. – Вы оказали нам честь своим присутствием и абсолютно свободны, если решите уйти. Мы даже, если пожелаете, проводим вас, так как тропинка плохо видна в темноте. Мой отец предложил мне также указать вам на то, что, хотя вы могли бы легко отправить нас умирать на колесе после пыток, весьма вероятно, даже почти несомненно, что Альберико сочтет необходимым поступить так же и с вами обоими, как с нашими возможными сообщниками. Помните, что случилось с семейством Канциано после того несчастного случая в Феррате несколько лет назад?

Последовало вежливое молчание в знак признания справедливости сказанного.

Его прервал Ньеволе:

– Значит, то было делом рук Сандре? – проворчал он. – А вовсе не Канциано?

– Это было делом наших рук, – спокойно согласился Томассо. – Должен сказать, что мы многому научились.

– И Канциано тоже, – сухо пробормотал Скалвайя. – Ваш отец всегда ненавидел Фабро бар Канциано.

– Нельзя сказать, что они были лучшими друзьями, – сухо ответил Томассо. – Хотя должен заметить, что если вы сосредоточитесь на этом аспекте, то, боюсь, можете не понять сути дела.

– Той сути, которую вы нам навязываете, – ядовито уточнил Ньеволе.

Неожиданно на помощь Томассо пришел Скалвайя.

– Это несправедливо, милорд, – сказал он Ньеволе. – Если и можно признать истинность чего бы то ни было в этой комнате и в это время, так это ненависть Сандре и его страстное желание, выходящие за рамки старой вражды и соперничества. Его целью был Альберико.

Его голубые глаза долгое мгновение смотрели прямо в глаза Ньеволе, и в конце концов этот крупный мужчина кивнул. Скалвайя сменил позу в кресле, морщась от боли в ноге.

– Очень хорошо, – обратился он к Томассо. – Вы сообщили нам, почему мы здесь, и разъяснили цели вашего отца и ваши собственные. Со своей стороны сделаю признание. Признаюсь, в духе правдивости, внушаемом бдением у гроба покойника, что мое старое сердце не радуется то, что мною правит грубый, злобный, властный мелкий вельможа из Барбадиора. Я с вами. Если у вас имеется план, буду рад его выслушать. Клянусь честью, что в этом я сохраню верность семье Сандрени.

Томассо вздрогнул, услышав эти древние слова.

– Ваша клятва и ваша честь – самые надежные гарантии, – ответил он совершенно искренне.

– Это правда, бар Сандре, – сказал Ньеволе и тяжело шагнул вперед от камина. – И смею утверждать, что слово представителя семьи Ньеволе никогда не ценилось меньше. Самое заветное желание моей души – увидеть этого барбадиора мертвым и разрубленным на куски; если Триаде будет угодно – моим собственным мечом. Я тоже с вами, клянусь честью.

– Такие жутко красивые слова! – раздался насмешливый голос под окном напротив двери.

Пять лиц – четыре бледных от шока и одно бородатое, залившееся краской, – резко повернулись на звук. Говоривший стоял снаружи у открытого окна, облокотясь на подоконник и подпирая подбородок ладонями. Он благожелательно разглядывал их, его лицо оставалось в тени оконной рамы.

– Никогда в жизни не видел, чтобы галантными фразами, даже из уст самых благородных лордов, можно было изгнать тирана. На Ладони или в других местах. – Одним экономным движением он подпрыгнул, перекинул ноги в комнату и удобно уселся на подоконнике. – С другой стороны, – прибавил он, – единодушие по поводу целей действительно служит отправной точкой, с этим я согласен.

– Вы – тот шестой, о котором говорил мой отец? – осторожно спросил Томассо.

Теперь, когда этот человек был на свету, он показался ему знакомым. Он был одет для леса, не для города, в серую одежду двух оттенков, на рубаху была накинута куртка из шкуры черной овцы, штаны были заправлены в поношенные сапоги для верховой езды. На гладком ремне висел кинжал без украшений.

– Я слышал, как вы об этом упомянули, – ответил незнакомец. – И надеюсь, это не так, потому что это повлекло бы за собой, мягко говоря, тревожные выводы. Дело в том, что я никогда в жизни не говорил с вашим отцом. Если он знал о моей деятельности и каким-то чудом ожидал, что я узнаю об этой встрече и приду сюда... что ж, я был бы польщен его доверием, но гораздо больше встревожен тем, что он так много обо мне знает. С другой стороны, –

снова повторил он, – мы ведь говорим о Сандре д'Астибаре, и я здесь шестой, не так ли? – Он поклонился без сколько-нибудь заметной иронии в сторону гроба на козлах.

– Значит, вы также участвуете в заговоре против Альберико? – Глаза Ньеволе смотрели настороженно.

– Нет, – откровенно ответил сидящий на подоконнике человек. – Альберико ничего для меня не значит. Он только орудие. Клинок, при помощи которого я открою мою собственную дверь.

– А что находится за этой дверью? – спросил Скалвайя из глубины своего кресла.

Но в этот момент Томассо вспомнил.

– Я вас знаю! – внезапно воскликнул он. – Я видел вас утром. Вы тот пастух из Тригии, который играл на свирели во время обряда отпевания!

Таэри щелкнул пальцами, когда узнавание пришло и к нему.

– Я играл на свирели, да, – невозмутимо ответил сидящий на подоконнике человек. – Но я не пастух и не из Тригии. Для моих целей нужно было играть эту роль и еще много ролей в течение многих лет. Томассо бар Сандре должен это оценить. – И он усмехнулся.

Томассо не ответил на его улыбку.

– Возможно, в таком случае вы сделаете нам одолжение и скажете, кто вы на самом деле. – Он произнес эти слова так вежливо, как того требовала ситуация. – Отец, может быть, вас знал, но мы не знаем.

– И боюсь, что пока не узнаете, – ответил тот. И после паузы прибавил: – Хотя скажу, что, если бы я поклялся честью своей собственной семьи, моя клятва имела бы такой вес, что затмила бы обе данные здесь сегодня.

Эти слова были сказаны как нечто само собой разумеющееся и от этого прозвучали еще большим вызовом.

Томассо поспешно сказал, предупреждая предсказуемую вспышку гнева Ньеволе:

– Но вы ведь дадите нам хоть какую-то информацию, даже если предпочитаете сохранить в тайне свое имя. Вы сказали, что Альберико для вас орудие. Орудие для чего, Алессан не-из-Тригии? – Он с удовольствием обнаружил, что запомнил имя, названное вчера Менико ди Ферратом. – Каковы ваши собственные цели? Что привело вас в этот охотничий домик?

Лицо незнакомца, худое и странно вытянутое, с резко выступающими скулами, застыло и стало похожим на маску. И в полной ожидания тишине он ответил:

– Мне нужен Брандин. Я жажду смерти Брандина из Играта больше, чем бессмертия для своей души по ту сторону последних врат Морриан.

Снова воцарилось молчание, прерываемое лишь потрескиванием осеннего огня в двух очагах. Томассо показалось, что в комнату вместе с этими словами проник зимний холод.

А после:

– Какие ужасно красивые слова! – лениво пробормотал Скалвайя, разрушив это настроение.

И Ньеволе, и Таэри расхохотались. Сам Скалвайя не улыбнулся.

Человек на подоконнике принял этот выпад с легким кивком головы.

– На эту тему я шуток не позволю, милорд. Если нам предстоит работать вместе, вам необходимо это запомнить.

– Вынужден заявить, что вы чересчур горды, молодой человек, – резко ответил Скалвайя. – Не следует забывать, с кем вы разговариваете.

Незнакомец явно проглотил готовые вырваться резкие слова.

– Гордость – это семейный недостаток, – наконец ответил он. – Боюсь, я тоже не избежал его. Но я действительно помню, кто вы такой. И члены семьи Сандре, и лорд Ньеволе. Именно поэтому я здесь. Я уже много лет назад задался целью следить за любыми проявлениями недо-

вольства по всей Ладони. Иногда я его осторожно поощрял. Этот вечер примечателен тем, что я впервые пришел на подобную встречу лично.

– Но вы нам сказали, что для вас Альберико ничего не значит. – Томассо про себя выругал отца за то, что тот не подготовил его получше к появлению этого очень странного шестого участника встречи.

– Сам по себе – ничего, – поправил его тот. – Вы позволите? – Не дожидаясь ответа, он спрыгнул с подоконника и подошел к столу с вином.

– Пожалуйста, – с опозданием ответил Томассо.

Незнакомец щедро налил себе в бокал красного вина. Выпил его и налил еще. Только после этого он повернулся к остальным. Херадо смотрел на него огромными, широко раскрытыми глазами.

– Два факта, – кратко произнес человек по имени Алессан. – Запомните их, если вы всерьез хотите вернуть Ладони свободу. Первый: если вы выгоните Альберико, то не пройдет и трех месяцев, как на вас нападет Брандин. Второй: если изгнать или убить Брандина, через такое же время полуостровом будет править Альберико.

Он замолчал. Его глаза – серые, как теперь заметил Томассо, – с вызовом поочередно оглядели каждого из них. Все промолчали. Скалвайя теребил рукоять своей трости.

– Эти две вещи необходимо понимать, – продолжал незнакомец тем же тоном. – Ни я при достижении моих целей, ни вы при достижении ваших не можем себе позволить забыть о них. В них заключается основная истина положения дел на Ладони в наши дни. Двое колдунов из-за моря поддерживают собственное равновесие сил, и это единственное равновесие сил на полуострове в данный момент, пусть даже восемнадцать лет назад все было по-другому. Сегодня только мощь одного удерживает второго от применения магии, к которой они прибежали, покоряя нас. Значит, если мы собираемся их уничтожить, мы должны уничтожить их обоих – или заставить их уничтожить друг друга.

– Как? – спросил Таэри слишком поспешно.

Худое лицо под рано поседевшими черными волосами повернулось к нему с улыбкой:

– Терпение, Таэри бар Сандре. Мне еще надо многое рассказать вам о безопасности, прежде чем я решу, объединять ли наши пути. Я говорю это с бесконечным уважением к покойному, который нас сюда привел, как это ни удивительно. Боюсь, что вам придется согласиться принять мое руководство, или мы вообще ничего не сможем сделать вместе.

– Члены семьи Скалвайя добровольно не подчинялись ничему и никому на протяжении всей письменной и устной истории, – произнес бархатным голосом этот хитрый вельможа. – Я не готов стать первым, кто на это пойдет.

– Вы бы предпочли, чтобы ваши планы, и ваша жизнь, и долгая славная история вашей семьи угасли, словно свечи в дни Поста, из-за простой небрежности ваших приготовлений?

– Вам следует объясниться, – ледяным тоном произнес Томассо.

– Я и собираюсь. Кто из вас выбрал для встречи ночь, когда одновременно восходят обе луны? – резко спросил Алессан, и его голос внезапно приобрел остроту клинка. – Почему не расставили стражу в арьергарде вдоль лесной дороги, чтобы предупредить вас, если приблизится кто-нибудь посторонний, как это сделал я? Почему здесь не оставили слуг днем для охраны домика? Вы имеете хотя бы какое-то представление о том, насколько вы пятеро были бы сейчас мертвы – с отрубленными кистями рук в глотках, – если бы я был не тем, кто я есть?

– Мой отец... Сандре... сказал, что Альберико не станет следить за нами, – с яростью, запинаясь, ответил Томассо. – Он был в этом совершенно уверен.

– И, вероятно, был абсолютно прав. Но вы не можете позволить себе такую роскошь, как пренебрежение мелочами. Ваш отец – сожалею, что приходится говорить это, – слишком долго пробыл наедине со своей навязчивой идеей. Он слишком заиклился на Альберико. Это проглядывает во всем, что вы делали в последние три дня. Как насчет любопытных бездельников

или жадных до денег? Мелкий осведомитель мог решить последить за вами просто для того, чтобы посмотреть, что тут происходит. Просто для того, чтобы было о чем рассказать завтра в таверне. Вы или ваш отец хотя бы на секунду задумались об этом? Или о тех, кто мог узнать, куда вы планируете приехать, и оказаться здесь до вас?

Воцарилось враждебное молчание. Полено в малом камине обрушилось с громким треском и выбросило сноп искр. Херадо невольно подскочил.

– Интересно ли вам будет узнать, – продолжал человек, назвавшийся Алессаном, уже мягче, – что мои люди охраняют подходы к этому домику с момента вашего приезда? Или что с середины дня мой человек находился здесь и следил за слугами, которые готовили домик к вашему приезду, и за теми, кто мог прибыть за ними следом?

– Что? – вскричал Таэри. – Здесь? В нашем охотничьем домике?

– Для вашей и моей собственной безопасности, – ответил Алессан и допил второй бокал вина. Он взглянул вверх, в тень чердака над головой, где хранились запасные лежанки.

– Думаю, хватит, друг мой, – позвал он, повысив голос. – Ты заслужил бокал вина, так долго просидев в пыли с пересохшим горлом. Теперь можешь спуститься, Дэвин.

На самом деле это было очень легко.

Менико, в чьем кошельке после одного выступления звенело больше денег, чем он зарабатывал за всю свою жизнь, великодушно уступил выступление у виноторговца Бернету ди Корте. Бернет, нуждавшийся в этой работе, остался доволен; виноторговец сперва рассердился, но быстро смягчился, узнав, какую плату, предварительно не оговоренную с ним, запросил бы с него Менико теперь, после произведенного утром фурора.

Поэтому Дэвину и остальным членам труппы предоставили свободу на оставшуюся часть дня и вечер. Менико выделил каждому премию – по пять астинов – и милостиво отпустил их вкушать разнообразных развлечений на Празднике. Он даже не стал читать свою обычную нотацию по поводу подстерегающих их опасностей.

Едва минул полдень, но на каждом углу уже стояли прилавки с винами, а на оживленных площадях даже по нескольку штук. Все виноградники провинции Астибар и даже некоторые дальние – из Феррата и Сенцио – предлагали вина прошлых лет в качестве преамбулы к вину урожая этого года. Купцы, собирающиеся покупать оптом, пробовали вино придиричиво, а ранние кутежники пили без разбора.

Тут же бойко торговали разнообразными фруктами: инжир и дыни, огромные грозди винограда этого урожая были выставлены рядом с громадными кругами белых сыров из Тригии или кирпичами красных из Северного Чертандо. Ближе к базару шум становился оглушительным – там жители города и его дистрикты покупали товары, привезенные заезжими торговцами. Знамена дворянских домов и крупных винодельческих поместий весело развевались на осеннем ветру над головой Дэвина, когда он целеустремленно шагнул к самой модной, как ему только что сказали, кавнице в Астибаре.

У славы есть свои преимущества. Его узнали еще у порога, о его приходе взволнованно объявили, и через несколько мгновений он очутился у темной деревянной стойки «Паэлиона» с кружкой горячего кава, сдобренного фламбардином, в руках. И, хвала Триаде, никто не задавал неловких вопросов насчет возраста.

За полчаса он узнал все, что хотел знать о Сандре д'Астибаре. Его вопросы казались совершенно естественными для тенора, который только что исполнял ритуальные песнопения на похоронах герцога. Дэвин узнал о долгом правлении Сандре, о его врагах, о горькой ссылке и о его достойном сожаления превращении в последние несколько лет в вечно пьяного охотника на мелкую дичь, в тень того человека, которым он некогда был.

В русле последней темы Дэвин спросил о том, где любил охотиться герцог. Ему объяснили. Сказали, где находился его любимый охотничий домик. Он перевел разговор на вино.

Это было легко. В тот час он был героем, а в «Паэлионе» любили героев на час. В конце концов его отпустили: он стал жаловаться на утомление, естественное для артиста после утренних подвигов. Задним числом до него теперь дошла значительность того факта, что за соседним столом сидел Алессан ди Тригия в компании художников и поэтов. Они смеялись над каким-то пари по поводу соболезнавания в стихах, которое еще не прибыло из Кьяры. Они с Алессаном приветствовали друг друга вычурными, театральными актерскими поклонами, приведшими в восторг переполненный зал.

Вернувшись в гостиницу, Дэвин отбился от самых горячих поклонников, которые провожали его домой, и поднялся наверх один. Он нетерпеливо ждал в своей комнате час, чтобы удостовериться, что последний из них ушел. Переоделся в темно-коричневую тунику и штаны, надел шапку, чтобы спрятать волосы, и шерстяную рубашу в преддверии холодного вечера. Потом незамеченным пробрался сквозь бурлящую на улицах толпу к восточным городским воротам.

Из города Дэвин вышел вслед за несколькими пустыми повозками, товары с которых уже продали. Их гнали обратно в дистраду трезвые, осторожные крестьяне, предпочитавшие снова их загрузить и вернуться утром, а не гулять всю ночь и тратить то, что только что заработали.

Часть пути Дэвин проехал на попутной телеге, беседуя с возницей о налогах и низких ценах на овечью шерсть в этом году. В конце он спрыгнул, изобразив нетерпение молодости, и с милю пробежал по дороге на восток.

В одном месте он увидел с правой стороны храм Адаона и улыбнулся, узнав его. Как и было сказано, совсем рядом с храмом на воротах скромного деревенского дома красовалось изображение кораблика. Дом Ровиги, стоящий вдали от дороги среди кипарисов и олив, насколько Дэвин мог разглядеть, выглядел уютным и ухоженным.

Еще вчера, когда был другим человеком, он бы остановился. Но сегодня утром с ним что-то произошло в пыльных покоях дворца Сандрени. И он пошел дальше.

Через полмили он нашел то, что искал. Удостоверившись, что вокруг никого нет, Дэвин быстро свернул направо, на юг, и углубился в лес, прочь от основной дороги, ведущей к восточному побережью и городу Ардин.

В лесу было тихо и прохладно, ветки и пестрые листья заслоняли солнечный свет. Между деревьев вилась тропа, и Дэвин двинулся по ней к охотничьему домику Сандрени. С этого места он удвоил осторожность. На дороге он был просто путником в осенней сельской местности; здесь превратился в нарушителя границ частного владения, у него не было никаких причин сюда вторгаться.

Если, конечно, гордость и странные, похожие на сон события минувшего утра не могли считаться вескими причинами. Дэвин в этом сильно сомневался. В то же время еще предстояло увидеть, сам он или же некая рыжая девица будет управлять течением событий этого дня и всех последующих. Если у нее создалось впечатление, что его легко одурачить – юного беспомощного раба своих страстей, ничего не видящего и не слышащего, кроме ее столь милостиво предложенного тела, – что ж, сегодняшний вечер покажет, как жестоко ошиблась эта наглая девчонка.

Что еще может открыть ему этот вечер, Дэвин не знал; он не разрешал себе настолько замедлить шаг, чтобы задуматься над этим вопросом.

Когда он подошел к домику, там никого не было, однако он долго лежал на земле, чтобы в этом убедиться. Передняя дверь была закрыта на цепь, но Марра очень хорошо справлялась с подобными устройствами и научила его паре хитростей. Он отпер замок пряжкой своего ремня, вошел, открыл окно и снова вылез наружу, чтобы вернуть цепь на место. Потом проскользнул внутрь через окно, закрыл его и огляделся.

Выбор у него был невелик. Две спальни в задней части домика опасны и не слишком полезны, если он хочет что-нибудь услышать. Дэвин встал на широкий подлокотник тяжелого

деревянного кресла, подпрыгнул и ухитрился со второй попытки забраться на чердак, нависающий над половиной комнаты.

Потирая ушибленную коленку, он взял подушку с одной из хранящихся там лежанок и забился в самый дальний и темный угол, какой только смог найти, спрятавшись за чучелом рогатой головы оленя. Лежа на левом боку и прильнув глазом к щели в полу, он получал почти полный обзор комнаты внизу.

Дэвин старался настроиться на спокойствие и терпение. К несчастью, вскоре его начал преследовать сверкающий стеклянный глаз оленя, который почему-то упорно смотрел прямо на него. В такой обстановке Дэвин стал нервничать. В конце концов он встал, повернул в другую сторону коричневую голову и снова устроился в своем убежище.

И как раз в эти минуты, когда целеустремленная деятельность этого дня сменилась промежутком времени, в течение которого ему нечем было заняться, кроме ожидания, Дэвина охватил страх.

Он не питал иллюзий: если его здесь найдут, он погиб. Таинственность и напряженность поведения и речей Томассо бар Сандре ясно говорили об этом. Даже не учитывая того, что сделала Катриана, чтобы подслушать эти речи, а потом – чтобы помешать ему их услышать. Впервые Дэвин задумался над тем, куда его завел опрометчивый порыв уязвленной гордости.

Когда через полчаса явились слуги и стали готовить комнату, он пережил несколько очень неприятных минут. Настолько неприятных, что ему даже на мгновение захотелось оказаться дома, в Азоли, и шагать за плугом вслед за парой невозмутимых водяных буйволов. Они прекрасные создания, эти водяные буйволы, терпеливые, никогда не жалуются. Они пахнут для тебя поле, а из их молока крестьяне делают сыр. Есть даже нечто хорошее в предсказуемо сером осеннем небе Азоли и его столь же предсказуемых жителях. Ни одна из их девушек, например, не может быть так раздражающе превосходна, как Катриана д'Астибар, которая втянула его в эту историю. И ни один слуга из Азоли, в этом Дэвин был уверен, не вызвался бы, как только что один из этих проклятых Тριάдой добрых парней, принести с чердака лежанку на тот случай, если один из лордов, дежурящих у гроба, устанет.

– Гоч, не будь большим дураком, чем нужно! – резко оборвал его управляющий. – Они здесь для того, чтобы не спать всю ночь, – лежанка в этой комнате нанесет оскорбление им обоим. Скажи спасибо, что ты зарабатываешь еду для своего брюха не мозгами, Гоч!

Дэвин горячо поддержал эти оскорбления и пожелал управляющему долгой и обеспеченной жизни. В десятый раз с той минуты, как слуги Сандрени вошли в нижнюю комнату, он проклял Катриану и в двадцатый раз – себя самого. Соотношение казалось ему относительно справедливым.

Наконец слуги ушли; отправились обратно в Астибар, за телом герцога. Наставления управляющего были подробными и точными. Так и надо с такими идиотами, как этот Гоч, ядовито подумал Дэвин.

С того места, где он лежал, Дэвин видел, как дневной свет постепенно уступает место сумеркам. Он поймал себя на том, что тихо напевает свою старую колыбельную. И заставил себя замолчать.

Его мысли снова вернулись к сегодняшнему утру. К долгому пути через пустые, пыльные комнаты дворца. К потайному чулану в конце этого пути. К внезапному прикосновению шелковистой кожи Катрианы, когда ее платье поднялось выше бедер. Тут он тоже заставил себя остановиться.

Смеркалось. Невдалеке первый раз крикнула сова. Дэвин вырос в деревне: этот крик был ему знаком. Он слышал, как мыши копошатся под стеной. Время от времени под порывом ветра шуршали листья.

Потом внезапно сквозь задернутые шторы одного из окон пробился белый луч света, и Дэвин понял, что Видомни поднялась уже настолько высоко, что осветила поляну среди высо-

ких деревьев, а это означало, что как раз сейчас восходит голубая Иларион. И ждать осталось недолго.

Так и случилось. Послышались голоса, замелькали факелы. Загремел замок, и дверь широко распахнулась. Вошел управляющий, за ним восемь человек внесли гроб. Прильнув глазом к щели в полу и затаив дыхание, Дэвин смотрел, как они устанавливают его. Вошел Томассо вместе с двумя лордами, чьи имена и родословные Дэвин узнал в «Паэлионе».

Слуги расставили блюда с едой, а потом ушли, Гоч споткнулся на пороге и, к удовольствию Дэвина, стукнулся плечом о дверной косяк. Управляющий шел последним, он пожал плечами, извиняясь за неловкость слуги, поклонился и закрыл за собой дверь.

– Вина, господа? – предложил Томассо д’Астибар голосом, который Дэвин слышал из потайного чулана. – Очень скоро к нам присоединятся еще трое.

И с этого момента они говорили то, что говорили, и Дэвин слышал то, что слышал, и постепенно до него дошло, как важно то, на что он случайно наткнулся, и в какую губительную историю он ввязался.

Потом Алессан появился у окна напротив двери.

Собственно говоря, Дэвин не видел окна, но тут же узнал голос и, остолбенев от изумления, услышал, как нанятый Менико две недели назад новичок отрицает, что он из Тригии, а потом называет имя Брандина, короля Играта, которого всей душой ненавидит.

Конечно, Дэвин действовал необдуманно и поспешно и не стал бы отрицать, что импульсивного безрассудства в нем больше, чем положено, но он не страдал от хронического недостатка сообразительности или ума. В Азоли маленьким мальчикам приходится быть сообразительными.

Поэтому к тому моменту, когда Алессан назвал его имя и пригласил спуститься вниз, ловкий ум Дэвина уже сложил из кусочков картинку, и он быстро принял предложенную ему игру.

– Все тихо с середины дня, – отозвался он, выбираясь из угла и проходя мимо оленьих рогов к краю чердака. – Здесь были только слуги, но они не слишком старались, запирая дверь на цепь, этот замок вскрыть легко. Два вора и император Барбадиора могли бы побывать здесь тайком и не встретиться друг с другом или с кем-нибудь еще.

Он произнес эти слова как можно спокойнее. Потом сделал нарочито картинный прыжок и оказался внизу. Он мельком заметил выражения лиц пяти человек – все они наверняка его узнали, – но его внимание было отдано быстрой одобрительной улыбке, которой одарил его Алессан, и Дэвин остался доволен.

Теперь страх исчез, его сменило совершенно другое чувство. Алессан призвал его, сделал законным его пребывание здесь. Он явно был связан с человеком, контролировавшим события в этой комнате. А события эти были такого масштаба, что охватывали всю Ладонь. Дэвину пришлось приложить все силы, чтобы подавить растущее возбуждение.

Томассо подошел к буфету и непринужденно налил ему бокал вина. Дэвина поражало самообладание этого человека. Он также видел по преувеличенной вежливости и заметному блеску подведенных глаз бар Сандре, что, хотя его похожий на пение флейты голос и был притворством, Томассо, в определенных вопросах и пристрастиях, все же соответствует своей репутации. Дэвин принял бокал, тщательно избегая прикосновения его пальцев.

– Интересно, – протянул Скалвайя своим великолепным голосом, – нас собираются развлекать представлением во время ночного бдения? Кажется, сегодня ночью здесь собралось довольно много музыкантов.

Дэвин ничего не ответил, но, следуя примеру Алессана, не улыбнулся.

– Следует ли мне называть вас виноградарем из провинции, милорд? – В голосе Алессана прозвучал гнев. – А Ньеволе – земледельцем, который растит зерно в юго-западной части дистрикта? То, чем мы занимаемся вне этих стен, имеет слабое отношение к тому, зачем мы здесь,

за исключением, возможно, двух вещей. – Он поднял длинный палец. – Первое: так как мы музыканты, у нас есть возможность бродить взад и вперед по Ладони, что дает преимущества, на которых я не стану останавливаться. – Второй палец поднялся рядом с первым. – Второе: музыка тренирует ум, как математика или логика, требуя точности деталей. Той точности, господи, которая предотвратила бы небрежность, допущенную этой ночью. Если бы Сандре д'Астибар был жив, я бы с ним это обсудил и, может быть, положился бы на его опыт и длительную подготовку. – Алессан сделал паузу, переводя взгляд с одного собеседника на другого, потом прибавил уже мягче: – Возможно. А возможно, и нет. Эта мелодия исчезла, ее никогда уже не споют. Сейчас дела обстоят так, что я могу лишь повторить: если нам предстоит работать вместе, вы должны принять мое руководство.

Эти последние слова он произнес, обращаясь непосредственно к Скалвайе, который все еще сидел в глубоком кресле, элегантный и бесстрастный. Но ответил Ньеволе, откровенно и напрямик:

– Я не привык откладывать на потом свои суждения о людях. Думаю, вы говорите серьезно и у вас больше опыта в подобных вещах, чем у нас. Я согласен. Согласен вам подчиняться. Но с одним условием.

– С каким?

– Что вы назовете нам свое имя.

Дэвин, наблюдавший за этой сценой с жадным вниманием, стараясь не пропустить ни единого слова или нюанса, увидел, как Алессан на мгновение прикрыл глаза, словно пытаясь скрыть то, что могло в них отразиться. Остальные ждали в молчании.

Потом Алессан покачал головой:

– Это справедливое условие, милорд. При данных обстоятельствах оно абсолютно справедливо. Тем не менее я могу только молиться, чтобы вы отказались от него. Мне очень жаль – я даже не могу передать вам, как сильно, – но я не могу на него согласиться. – Впервые, казалось, он ищет слова, тщательно их подбирает. – Имена – это власть, как вам известно. И как наверняка известно двум заморским тиранам-колдунам. И как я сам убедился на собственном очень горьком опыте. Вы узнаете мое имя в минуту нашего триумфа, если она наступит, и не раньше. Скажу, что это не мой свободный выбор, меня обязали так поступить. Вы можете называть меня Алессаном, это имя достаточно распространено здесь, на Ладони, и по случайности это действительно мое имя, данное мне матерью. Проявите ли вы достаточно великодушия, милорд, чтобы удовольствоваться этим, или нам придется теперь расстаться?

Последний вопрос был задан без вызова, который чувствовался в речах и в поведении этого человека с момента его появления.

Как прежний страх Дэвина уступил место возбуждению, так теперь возбуждение сменилось другим чувством, которое он пока не мог понять. Он во все глаза смотрел на Алессана. Этот человек почему-то выглядел моложе, чем прежде, и явно не мог скрыть охватившее его страстное нетерпение.

Ньеволе громко прочистил горло, словно готовясь своими словами рассеять что-то, что проникло в комнату, подобно смешанному свету двух лун за окном. На поляне заухала еще одна сова. Ньеволе открыл рот, чтобы ответить Алессану.

Но присутствующие так никогда и не узнали, что сказал бы он или Скалвайя.

Позже, в те ночи, когда ему не удавалось заснуть и он наблюдал за тем, как одна или обе луны плывут по небу, или пересчитывал звезды в Диадеме Эанны в безлунной темноте, Дэвин позволял своим ярким воспоминаниям о том моменте вернуть себя в прошлое и пытался – по причинам, которые ему трудно было бы объяснить, – представить, что лорды могли бы сказать или сделать, если бы их ненадолго пересекшиеся в этом домике линии судьбы избрали другое направление.

Он мог гадать, анализировать, проигрывать в уме сценарии, но узнать ему было не суждено. Эта ночная истина сделалась для него странной личной печалью в свете того, что случилось после. Символом, воплощением сожалений. Напоминанием о том, что такое быть смертным и, значит, обреченным идти лишь одной дорогой, и лишь однажды, пока Морриан не призовет душу к себе и огни Эанны не будут потеряны. Мы не можем познать тропу, по которой не прошли.

Тропы, которыми предстояло пройти каждому из собравшихся в том домике мужчин, ведущие к их личным последним вратам, далеким или близким, были проложены совой, прокричавшей второй раз, очень громко, как раз в тот момент, когда Ньеволе заговорил.

Рука Алессана взлетела вверх.

– Тревога! – резко произнес он. И прибавил: – Баэрд?

Дверь со стуком распахнулась. Дэвин увидел крупного мужчину, его очень длинные, желтые как солома волосы были перетянуты на лбу кожаным ремешком. Еще один кожаный шнурок висел у него на шее. Мужчина был одет в куртку и узкие штаны, какие носят в южных горных районах. Глаза его даже при свете очага сверкали ослепительной синевой. В руке он держал обнаженный меч, что каралось смертью в такой близости от Астибара.

– Уходим! – настойчиво произнес этот человек. – Ты и мальчик. Остальные имеют право находиться здесь, младший сын и внук легко объяснят свое присутствие. Избавьтесь от лишних бокалов.

– Что такое? – быстро спросил Томассо д'Астибар, широко раскрыв глаза.

– Двадцать всадников на лесной дороге. Продолжайте свое бдение и постарайтесь выглядеть как можно спокойнее, мы будем поблизости. Вернемся позже. Алессан, *идем же!*

Он говорил таким тоном, что Дэвин сам не заметил, как очутился на полпути к двери. Однако Алессан задержался, его глаза почему-то были прикованы к глазам Томассо, и взгляд, которым обменялись эти двое, стал еще одной загадкой, которую Дэвин не мог ни забыть, ни понять.

Долгие секунды – они показались Дэвину очень долгими, ведь сюда через лес ехали двадцать всадников, а в комнате стоял человек с обнаженным мечом, – все молчали. Потом Томассо бар Сандре пробормотал с поистине впечатляющим самообладанием:

– Кажется, нам придется продолжить эту крайне интересную дискуссию позже. Не хотите перед уходом выпить последний бокал за моего отца?

Тут Алессан улыбнулся широкой, открытой улыбкой. Но покачал головой.

– Надеюсь, нам представится случай сделать это позднее, – ответил он. – Я с радостью выпью за вашего отца, но у меня есть правило, которое я не смогу соблюсти в отпущенное нам время.

Губы Томассо дрогнули в лукавой улыбке.

– В свое время я нарушил многие правила. Расскажите же мне о вашем.

Ответ прозвучал тихо; Дэвину пришлось напяречь слух, чтобы расслышать.

– В третий бокал за ночь я наливаю голубое вино, – сказал Алессан. – Третий бокал, который я пью, – всегда голубое вино. В память об утраченном. Чтобы ни на одну ночь не забывать то, ради чего я живу.

– Надеюсь, это утрачено не навсегда, – так же тихо произнес Томассо.

– Не навсегда. Я поклялся в этом своей душой и душой моего отца, где бы она сейчас ни находилась.

– Тогда будет вам голубое вино, когда мы выпьем с вами в следующий раз, – пообещал Томассо. – Если в моей власти будет его доставить. И я выпью его вместе с вами за души наших отцов.

– Алессан! – рявкнул человек с соломенными волосами по имени Баэрд. – Во имя Адаона, я же сказал, двадцать всадников! Ты идешь?

– Иду, – ответил Алессан и швырнул свой бокал и бокал Дэвина в ближайшее окно. – Храни вас всех Триада, – обратился он к пятерым, остающимся в комнате. Затем они с Дэвином вышли вслед за Баэрдом в пятна тени и лунного света на поляне.

Поставив Дэвина между собой, они быстро обежали вокруг домика к дальней от лесной дороги стороне. Далеко они не ушли. С бешено бьющимся сердцем Дэвин упал на землю вместе с двумя другими мужчинами. Осторожно выглядывая из-за кустов темно-зеленого серрано, они видели охотничий домик. В открытых окнах тепло мерцал огонь свечей.

Через секунду сердце Дэвина подпрыгнуло, словно корабль под ударом обрушившейся на его нос волны, так как за их спинами хрустнул сучок.

– Двадцать два всадника, – произнес чей-то голос. Говоривший аккуратно лег на землю по другую сторону от Баэрда. – Тот, что едет в середине, прячется под капюшоном.

Дэвин оглянулся. И в смешанном свете двух лун увидел Катриану д'Астибар.

– Под капюшоном? – повторил Алессан, резко втянув воздух. – Ты уверена?

– Конечно, – ответила Катриана. – А что? Что это значит?

– Эанна, смилуйся над всеми нами, – прошептал Алессан, не отвечая.

– Я бы на это сейчас не рассчитывал, – мрачно произнес человек по имени Баэрд. – Помоему, надо уходить отсюда. Они будут искать.

На секунду показалось, что Алессан собирается возразить, но как раз в этот момент они услышали позвякивание сбруи множества лошадей на тропе по другую сторону от домика.

Не говоря ни слова, все четверо поднялись и бесшумно скрылись в лесу.

– Вечер с каждой минутой становится все более интересным, – пробормотал Скалвайя.

Томассо был благодарен элегантному вельможе за его хладнокровие. Это помогало ему самому успокоить нервы. Он оглянулся на брата: кажется, Таэри был в порядке. А вот Херадо сильно побледнел. Томассо подмигнул юноше:

– Выпей еще, племянник. Ты выглядишь несравненно красивее с румянцем на щеках. Бояться нечего. Мы делаем здесь именно то, что нам позволено.

Они услышали топот коней. Херадо подошел к буфету, налил бокал вина и опустошил его залпом. Как раз в тот момент, когда он ставил его на стол, дверь с треском распахнулась, стукнувшись о стену, и четверо огромных барбадиорских солдат в полном вооружении ввалились в домик, отчего в нем сразу же стало тесно.

– Господа! – высоким голосом простонал Томассо, ломая руки. – Что это? Что привело вас сюда и заставило прервать наше бдение у гроба? – Он старался, чтобы его голос звучал капризно, а не сердито.

Наемники даже не сообразовали взглянуть на него, не то что ответить. Двое быстро пошли проверить спальни, а третий схватил лестницу и взбежал вверх – осмотреть чердак, где недавно прятался молодой певец. Другие солдаты, с тревогой заметил Томассо, заняли позиции снаружи у каждого окна. Оттуда доносился громкий топот коней и мелькали факелы.

Томассо в отчаянии резко топнул ногой.

– Что все это значит? – пронзительно крикнул он, так как солдаты продолжали его игнорировать. – Скажите мне! Я подам протест прямо вашему господину. Мы получили ясно выраженное разрешение Альберико организовать ночное бдение у гроба, а завтра – похороны. У меня имеется бумага с его печатью! – Он обращался к командиру барбадиоров, стоящему у двери.

И снова солдаты не отреагировали, будто он и не говорил ничего. Вошли еще четверо и встали по углам комнаты, на их лицах застыла угроза.

– Это невыносимо! – взвыл Томассо, не выходя из роли и ломая руки. – Я немедленно еду к Альберико! Я потребую, чтобы вас всех отправили прямо в ваши лачуги в Барбадиоре!

– В этом нет необходимости, – произнес человек в капюшоне, стоящий в дверях.

Он шагнул вперед и откинул капюшон.

– Можете предъявить мне ваше ребяческое требование прямо здесь, – произнес Альберико Барбадиорский, тиран Астибара, Тригии, Феррата и Чертандо.

Руки Томассо взлетели к горлу, он рухнул на колени. Остальные также немедленно опустились на колени, даже Скалвайя с его больной ногой. Черный плащ одуряющего ужаса накрыл Томассо, угрожая лишить его способности говорить и думать.

– Милорд, – заикаясь, проговорил он, – я не... я не мог... мы не могли знать!

Альберико молчал, без всякого выражения глядя на него сверху вниз. Томассо пытался подавить в себе ужас и недоумение.

– Мы очень рады видеть вас здесь, – проблеял он, осторожно поднимаясь. – Очень рады, это для нас большая честь. Вы оказали нам большую честь присутствием на похоронах моего отца.

– Да, – резко ответил Альберико. Тяжелый, пристальный взгляд маленьких, близко посаженных, немигающих, спрятанных в глубоких складках крупного лица колдуна глаз буквально придавил Томассо. Голый череп Альберико блестел при свете горящих дров. Он вынул руки из карманов своего одеяния.

– Я выпью вина, – требовательно сказал он, махнув мясистой ладонью в сторону буфета.

– Ну конечно, конечно.

Томассо поспешно повиновался, как всегда напуганный самой массивной внешностью Альберико и барбадиоров. Он знал, что они его ненавидят, его и всех ему подобных. Эта ненависть была сильнее любых других чувств, испытываемых ими к народу Восточной Ладони, которым они теперь правили. Каждый раз, когда Томассо сталкивался с Альберико, он остро ощущал, что тиран может переломать ему кости голыми руками и сделает это, не задумываясь.

Эта мысль не принесла успокоения. Только благодаря тому, что он восемнадцать лет учил свое тело не выдавать его мысли, ему удалось заставить руки не дрожать, когда они церемонно подносили Альберико полный бокал. Солдаты наблюдали за каждым его движением. Ньеволле находился сзади, у большого камина, Таэри и Херадо вместе стояли у меньшего. Скалвайя стоял, опираясь на трость, рядом с креслом, в котором перед этим сидел.

Пора, решил Томассо, заговорить более уверенно, менее виновато:

– Простите меня, милорд, за опрометчивые слова в адрес ваших солдат. Я не знал, что вы здесь, и мог лишь предположить, что они действуют, не ведая ваших желаний.

– Мои желания меняются, – ответил Альберико, роняя слова, как тяжелые камни. – Стоит ли удивляться, что они узнают о таких переменах раньше вас, бар Сандре.

– Разумеется, милорд. Конечно. Они...

– Я хотел, – сказал Альберико Барбадиорский, – взглянуть на гроб вашего отца. Взглянуть и посмеяться. – На его лице не было и намека на веселье.

Кровь внезапно застыла в жилах Томассо.

Альберико прошел мимо него и навис всем мощным телом над останками герцога.

– Здесь лежит тело, – ровным голосом продолжал он, – тщеславного, жалкого, бесполезного старика, который без всякого смысла определил час собственной смерти. Совершенно без всякого смысла. Разве это не смешно?

Тут он все-таки рассмеялся, издал три коротких, хриплых, лающих звука, более страшных, чем все, что слышал Томассо за свою жизнь. Как он узнал?

– Вы не посмеетесь вместе со мной? Вы, трое потомков Сандре? Ньеволле? Мой бедный, искалеченный, немощный Скалвайя? Разве не забавно, что всех вас привела сюда и обрекла на смерть старческая глупость? Старик, который слишком долго жил и потерял способность понимать, что хитрые ходы лабиринта его времени сегодня так легко разрушить ударом кулака.

Его кулак тяжело обрушился на деревянную крышку гроба, разбив в щепки резной герб семьи Сандрени. Скалвайя издал слабый стон и снова рухнул в кресло.

– Милорд, – отчаянно жестикулируя, начал Томассо, задыхаясь. – Что вы хотите сказать? Что вы...

Больше он ничего не сказал. Яростно обернувшись, Альберико дал ему пощечину открытой ладонью. Томассо от удара опрокинулся назад, из рассеченных губ полилась кровь.

– Говори нормальным голосом, сын глупца, – приказал чародей, и слова его звучали тем страшнее, что он произнес их таким же ровным голосом, как и раньше. – Тебя хотя бы позабавит, если ты узнаешь, как это было легко? Если узнаешь, как давно Херадо бар Джиано доносил на вас?

И при этих словах спустилась ночь.

Тот самый черный плащ боли и ужаса, который так отчаянно пытался сбросить с себя Томассо. «Ох, отец!» – подумал он, пораженный до глубины души тем, что их погубил член их семьи. Их семьи!

Затем в очень короткий промежуток времени произошло сразу несколько событий.

– Милорд! – в отчаянии воскликнул Херадо. – Вы обещали! Вы говорили, что они не узнают! Вы обещали мне...

Больше он ничего не успел сказать. Трудно протестовать с кинжалом в горле.

– Сандрени сами вычищают грязь из-под ногтей, – произнес его дядя Таэри, который вытащил клинок из-за голенища сапога. Говоря это, Таэри одним плавным движением выдернул кинжал из горла Херадо и вонзил его в собственное сердце.

– Одним Сандрени меньше для твоих пыточных колес, барбадиор! – задыхаясь, с насмешкой сказал он. – Да пошлет Триада чуму обглодать плоть на твоих костях. – Он упал на колени. Его руки сжимали рукоять кинжала, по ним лилась кровь. Глаза его нашли Томассо. – Прощай, брат, – шепнул он. – Пусть дарует нам Мориан свою милость, и мы встретимся в ее чертогах.

Что-то сжимало сердце Томассо, сдавливало и сдавливало, пока он смотрел, как умирает его брат. Двое стражей, обученные отводить от своего господина совсем другие удары, шагнули вперед и носками сапог перевернули Таэри на спину.

– Глупцы! – рявкнул Альберико, впервые выказывая признаки недовольства. – Он был нужен мне живым! Они оба были нужны мне живыми!

Солдаты побледнели при виде ярости на его лице.

Затем центр действий переместился в другую часть комнаты.

С животным ревом, в котором смешались ярость и боль, Ньеволе д'Астибар, сам очень крупный человек, сцепил пальцы обеих рук, наподобие молота или булавы, и изо всех сил обрушил их на лицо ближайшего к нему солдата. Этот удар расколол кости, словно дерево. Хлынула кровь, солдат вскрикнул и тяжело осел, привалившись к гробу.

Все с тем же ревом Ньеволе схватил меч своей жертвы.

Он уже выхватил его из ножен и начал поворачиваться для битвы, когда четыре стрелы вонзились в его горло и грудь. На мгновение лицо его обмякло, глаза широко раскрылись, губы расслабились и сложились в мрачную, торжествующую улыбку, потом он соскользнул на пол.

И тогда, именно тогда, когда все глаза были устремлены на упавшего Ньеволе, лорд Скалвайя сделал то, на что не решился никто. Утонувший в кресле, настолько неподвижный, что о нем почти забыли, престарелый патриций твердой рукой поднял свою трость, прицелился прямо в лицо Альберико и нажал на скрытую пружину, спрятанную в ручке.

Это правда, что колдунов невозможно отравить – несложным охранным заклинанием большинство из них овладевает еще в юности. С другой стороны, их, несомненно, можно убить стрелой, или мечом, или другим орудием насильственной смерти. Вот почему подобные вещи были запрещены в установленном радиусе от возможного местонахождения Альберико.

Существует также широко известная истина насчет человека и его богов – будь то Триада у жителей Ладони или разнообразный пантеон, которому поклоняются в Барбадиоре, будь то

мать-богиня, или умирающий и воскресающий бог, или повелитель вращающихся звезд, или одна-единственная внушающая благоговение Сила, стоящая над всеми ними, которая, по слухам, обитает в некоем первичном мире, в туманных далих космоса.

Эта простая истина гласит, что смертному не дано понять, почему боги выстраивают события именно так, а не иначе. Почему одни мужчины и женщины гибнут в самом расцвете лет, а другие живут и увядают, превращаясь в собственные тени. Почему добродетель иногда вытаптывают, а зло процветает среди прекрасных садов. Почему случай, простой случай, играет такую подавляющую роль в беге линий жизни и линий людских судеб.

Именно случай спас Альберико из Барбадиора тогда, в то мгновение, когда его имя уже наполовину прозвучало в списке обреченных на смерть. Внимание его охраны было сосредоточено на упавших людях и на сжавшемся в комок, обливаемом кровью Томассо. Никто не удосужился взглянуть на старого, искалеченного вельможу, сидящего в кресле.

И только безжалостная случайность – появление начальника стражи в комнате с той стороны, где сидел Скалвайя, – изменила ход истории на полуострове Ладонь и за его пределами. Какие удручающе ничтожные события измеряют и сокрушают жизни людей!

Разъяренный Альберико повернулся к начальнику стражи, чтобы отдать ему приказ, и заметил поднятую трость и палец Скалвайи, нажавший на пружину. Если бы он смотрел прямо перед собой или повернулся в другую сторону, он бы погиб: заостренное лезвие вонзилось бы в его мозг.

Но он повернулся в сторону Скалвайи, и он был вторым из самых могущественных мастеров магии на Ладони в то время. И, несмотря на это, то, что он сделал, – единственное, что он мог сделать, – потребовало от него всех его сил, и даже больше сил, чем он мог собрать. Не оставалось времени, чтобы произнести заклинание, сделать магический жест. Пружина, несущая смерть, уже была отпущена.

Альберико отпустил силы, которые держали его тело и делали его единым целым.

Томассо не поверил собственным глазам, в ужасе глядя на то, как смертельный снаряд пролетел сквозь туманное пятно вещества в воздухе на том месте, где только что находилась голова Альберико. Острие вонзилось в стену над окном, не причинив никому вреда.

И в то же мгновение, зная, что еще секунда, и будет уже слишком поздно, – что его тело может быть развеяно навсегда, а душа, не живая и не мертвая, останется бессильно стонать в пустыне, подстерегающей тех, кто посмел обратиться к подобному колдовству, – Альберико снова вернул своему телу прежние очертания.

Он уцелел.

С того самого дня веко его правого глаза осталось припухшим, а физическая сила никогда уже не была прежней. Когда он уставал, его правая нога норовила вывернуться наружу, словно желая вернуть себе странную свободу того мгновенного колдовства. Тогда он хромал почти так же, как Скалвайя.

Глазами, которые еще смутно различали окружающее, Альберико увидел, как голова Скалвайи с гривой седых волос перелетела через комнату и с тошнотворным звуком запрыгала по устеленному тростником полу, снесенная запоздалым ударом меча начальника стражи. Смертоносная трость, сделанная из камней и металлов, неизвестных Альберико, с громким стуком упала на пол. Воздух казался колдуну густым и вязким, неестественно плотным. Он слышал дребезжащий звук собственного дыхания и чувствовал, как ноги дрожат в коленях.

Еще одна секунда пролетела в застывшей, ошеломленной тишине комнаты, и только потом он осмелился хотя бы попытаться заговорить.

– Ты дерьмо, – невнятным, хриплым голосом сказал он бледному как смерть начальнику стражи. – Даже еще хуже. Ты дрянь и ползучая слизь. Ты себя убьешь. Немедленно! – Он говорил, словно выталкивал изо рта забившуюся грязь. С большим трудом ему удалось проглотить слюну.

Делая яростные усилия, чтобы заставить глаза служить ему как следует, он увидел, как расплывающаяся фигура начальника стражи рывками согнулась в поклоне, повернула меч острием к себе и перерезала себе горло быстрым, неровным взмахом. Альберико чувствовал, как в его мозгу кипит и пенится ярость. Он изо всех сил старался остановить параличную дрожь левой руки. И не мог.

В комнате было много мертвецов, и он чуть было не стал одним из них. Он даже чувствовал себя не совсем живым – кажется, его тело собралось в единое целое не совсем в прежнем виде. Ослабевшими пальцами он потер приспущенное веко. Его тошнило, он чувствовал себя больным. Трудно было дышать этим воздухом. Ему необходимо было выйти наружу, прочь из этой внезапной духоты враждебного охотничьего домика.

Все получилось совсем не так, как он ожидал. Только один элемент остался от его первоначальных замыслов. Одно могло еще доставить хоть какое-то удовольствие, немного компенсировать безнадежно испорченный план.

Он медленно повернулся и взглянул на сына Сандре. На любителя мальчиков. И с трудом приподнял уголки губ в улыбке, не зная о том, насколько уродливо он выглядит.

– Возьмите его, – хрипло приказал он солдатам. – Свяжите и возьмите с собой. Мы можем позабавиться с ним перед тем, как позволим ему умереть. Позабавиться в соответствии с его наклонностями.

Его зрение все еще не заработало как следует, но он заметил, как улыбнулся один из наемников. Томасо бар Сандре закрыл глаза. На его лице и одежде была кровь. Ее будет еще больше, когда они с ним покончат.

Альберико накинул капюшон и захромал прочь из комнаты. Позади него солдаты подняли тело мертвого начальника стражи и помогли подняться мужчине, которому разбил лицо Ньеволе. Им пришлось помочь Альберико сесть на коня, что он счел унижительным, но на обратном пути в Астибар при свете факелов он почувствовал себя лучше. Тем не менее он полностью лишился своей колдовской силы. Даже несмотря на приглушенные ощущения в его изменившемся, заново собранном теле, он ощущал пустоту там, где следовало находиться могуществу. Пройдет по крайней мере две недели, может быть и больше, прежде чем все это вернется. Если вернется все. То, что он сделал за долю секунды в охотничьем домике, опустошило его больше, чем любое другое магическое действие всей прежней жизни.

И все же он жив и только что уничтожил три самых опасных семейства из оставшихся на Восточной Ладони. Более того, у него в руках средний сын Сандре – он послужит для общества доказательством существования заговора на все последующие дни. Извращенец, который, как говорят, получает удовольствие от боли. Альберико позволил себе слегка улыбнуться в тени своего капюшона.

Все будет сделано по закону, открыто, как он всегда поступал почти с того самого дня, когда пришел к власти. Никаких беспорядков, вызванных произвольной демонстрацией силы. Они могут его ненавидеть – конечно, они его ненавидят, – но ни один житель его четырех провинций не сможет усомниться в справедливости или отрицать законность его ответа на заговор Сандрени.

Или не заметить, насколько всеохватным будет этот ответ.

С осторожной предусмотрительностью, составлявшей истинную основу его характера, Альберико Барбадиорский начал продумывать свои действия на следующие несколько часов и дней. Высокие боги Империи знают, что этот далекий полуостров – место постоянной опасности и нуждается в суровой власти, но ведь они не слепы, они видят, что он знает, как дать то, что необходимо. И велика вероятность, что там, дома, советники императора, которые не более близоруки, чем боги, увидят то же самое.

А император уже стар.

Альберико запретил себе останавливаться на этих знакомых, слишком соблазнительных мыслях. Он снова заставил себя сосредоточиться на деталях; в таких делах детали решают все. Точно продуманные пункты его планов со щелчками становились на свои места, подобно бусинам на нитке четок из джарры. Сухо, аккуратно он перебрал те приказы, которые отдаст. Единственные из этих приказов, которые вызывали в нем вспышку хоть каких-то чувств, касались Томассо бар Сандре. По крайней мере они не подлежали огласке и не будут ей преданы. Стены дворца должны покинуть только признание и разоблачающие подробности. То, что будет происходить в глубоких подземельях, можно сделать исключительно тайно. Он слегка удивился самому себе, когда его охватило радостное предвкушение.

В какой-то момент он вспомнил, что хотел приказать поджечь охотничий домик перед отъездом. Потом решил: пусть младшие Сандрени и слуги обнаружат мертвецов, когда придут туда на рассвете. Пусть они поразятся и ужаснутся. Их сомнения продлятся недолго.

Затем он внесет полную ясность.

Глава V

– О Мориан, – прошептал Алессан горестно. – Я мог бы прямо сейчас отправить его на твой суд. Даже ребенок смог бы отсюда попасть ему стрелой в глаз.

«Только не я», – с грустью подумал Дэвин, оценив освещение и прикинув расстояние от того места, где они спрятались среди деревьев к северу от дороги, по которой только что проехали барбадиоры. Он с еще большим уважением, чем прежде, посмотрел на Алессана и его арбалет, который тот достал из тайника по пути сюда.

– Она призовет его к себе, когда будет готова, – прозаически заметил Баэрд. – И потом, ты сам все время повторяешь: нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из них умер раньше времени.

Алессан застонал.

– Разве я выстрелил? – ядовито спросил он.

Зубы Баэрда сверкнули в лунном свете.

– Я бы все равно тебя остановил.

Алессан выругался. Затем, через мгновение, расслабился и улыбнулся. Манера этих двоих общаться друг с другом говорила о давних близких отношениях. Дэвин видел, что Катриана не улыбается. По крайней мере ему. С другой стороны, напомнил он себе, из них двоих именно ему следовало сердиться. Однако при данных обстоятельствах это было затруднительно. Он испытывал тревогу, гордость и волнение одновременно.

И он единственный из четверых не заметил Томассо, проехавшего мимо на своей лошади со связанными руками и ногами.

– Нам лучше проверить охотничий домик, – предложил Баэрд, хорошее настроение которого быстро улетучилось. – А потом, по-моему, нам придется поторопиться. Сын Сандре назовет тебя и мальчика.

– Лучше сначала поговорим о мальчике, – сказала Катриана таким тоном, что Дэвин вдруг с легкостью вспомнил о своем гневе.

– О мальчике? – переспросил он, поднимая брови. – Мне кажется, я доказал тебе обратное. – Он холодно уставился на нее и был вознагражден, увидев, как она вспыхнула и отвернулась.

Но торжествовал он недолго.

– Это непорядочно, Дэвин, – сказал Алессан. – Я надеюсь больше никогда не слышать от тебя подобных замечаний. Сегодня утром Катриана совершила поступок, идущий совершенно вразрез с ее характером. Если у тебя хватило ума прийти сюда, то должно хватить и на то, чтобы понять, почему она это сделала. Мог бы забыть о собственной гордости хотя бы на это время и подумать о ее чувствах.

Это было сказано мягко, но Дэвину показалось, что он получил удар кулаком в живот. Он с трудом глотнул и перевел взгляд с Алессана на Катриану, но ее глаза были устремлены на звезды, сияющие далеко и высоко в небе над ними. В конце концов, пристыженный, он уставился на темную лесную почву. Он снова чувствовал себя четырнадцатилетним мальчишкой.

– Я не стану благодарить тебя за это, Алессан, – услышал он холодный голос Катрианы. – Я сама умею за себя постоять. Ты это знаешь.

– Не говоря уже о том, – небрежно прибавил Баэрд, – что тебе уж точно не стоит делать выговор любому из живых существ за то, что у него слишком много гордости.

Алессан предпочел проигнорировать его замечание. Катриане он сказал:

– Яркая звезда Эанны, ты думаешь, я не знаю, как ты умеешь сражаться? Но это другое. То, что произошло сегодня утром, не должно иметь значения. Я не могу допустить, чтобы это стало поводом для битв между тобой и Дэвином, если он станет одним из нас.

– Если он что? – Катриана быстро повернулась к нему. – Ты сошел с ума? Это из-за музыки? Из-за того, что он умеет петь? Почему пришелец из Азоли...

– Успокойся! – резко прервал ее Алессан.

Катриана тут же замолчала. Не зная, куда девать глаза и что думать, Дэвин продолжал притворяться крайне заинтересованным лесной подстилкой под ногами. Его мысли и чувства кружились в вихре смятения.

Алессан снова заговорил, уже мягче:

– Катриана, в том, что случилось сегодня утром, его вины тоже нет. Ты не должна так думать. Ты сделала то, что считала себя обязанной сделать, и не добилась успеха. Его нельзя винить или проклинать за то, что он последовал за тобой в полном неведении. Если хочешь, проклинай меня за то, что я его не остановил, когда он выходил из комнаты. Я мог это сделать.

– Так почему же не сделал? – спросил Баэрд.

Дэвин вспомнил, как Алессан смотрел на него, когда он остановился под аркой той двери, которая казалась ему тогда вратами в страну грез.

– Да, почему? – смущенно спросил он, поднимая глаза. – Почему позволил мне пойти за ней?

Лунный свет был теперь чисто голубым. Видомни ушла на запад, за вершины деревьев. Только Иларион стояла над головой среди звезд, и в ее сиянии ночь выглядела странно. «Свет призрака» – так говорил деревенский люд, когда голубая луна в одиночестве плыла по небу.

Алессану луна светила в спину, поэтому глаз его не было видно. Несколько мгновений слышны были лишь ночные звуки леса: шелест листьев на ветру, шорох травы, сухое потрескивание лесной подстилки, быстрое хлопанье крыльев в ветвях соседнего дерева. Где-то к северу от них закричал мелкий зверек, а другой отозвался.

Алессан ответил:

– Потому что я знаю ту мелодию, которой его научил в детстве отец, и знаю, кто его отец, и он не из Азоли. Катриана, дорогая моя, дело не только в музыке, что бы ты ни думала о моих слабостях. Он – один из нас, милая. Баэрд, ты испытываешь его?

На сознательном, рациональном уровне Дэвин почти ничего из сказанного не понял. Тем не менее, пока Алессан говорил, его охватывал холод. На него стремительно, как хищная птица налетает на жертву, налетело ощущение, что он достиг того, к чему вели его Врата Мориан, здесь, в сумраке этого леса, залитого светом прибывающей голубой луны.

Когда же он обернулся к Баэрду и увидел его потрясенное лицо, ему не стало легче. Даже при все искажающем свете луны было видно, как сильно побледнел Баэрд.

– Алессан... – начал было Баэрд охрипшим голосом.

– Ты мне дороже всех, живущих в этом мире, – сказал Алессан спокойно и серьезно. – Ты мне больше, чем брат. Я ни за что на свете не причинил бы тебе боли, особенно такой. Никогда. Я бы не стал просить, если бы не был уверен. Испытай его, Баэрд.

Но Баэрд все еще колебался, отчего тревога Дэвина только усилилась; он все меньше понимал, что происходит. Было ясно лишь, что для других все происходящее имело огромное значение.

Долгое мгновение никто не шевелился. Наконец Баэрд, осторожно ступая, словно изо всех сил стараясь сохранить самообладание, взял Дэвина за локоть и отвел его на десяток шагов в глубину леса, к маленькой прогалине среди деревьев.

Он аккуратно опустился на землю, скрестив ноги. После секундного колебания Дэвин сделал то же самое. Ему ничего не оставалось, как только следовать по указанному ему пути, и он понятия не имел, куда этот путь ведет. «Не на той дороге, по которой я иду», – вспомнил он слова Катрианы, сказанные во дворце сегодня утром. Он сжал ладони, чтобы не дрожали руки; его окутывал холод, не имевший отношения к ночной прохладе.

Он слышал, что Алессан и Катриана идут следом за ними, но не оглянулся. В этот момент важнее всего было то огромное, что бы это ни было, что возникало в глазах Баэрда. Светловолосый мужчина до этого мгновения казался таким уверенным и вдруг, как это ни абсурдно, стал страшно уязвимым. Человеком, которого можно погубить с пугающей легкостью. Внезапно, во второй раз за этот долгий день, Дэвин почувствовал, что входит в страну грез, оставив позади простые, четкие границы дневного мира.

И в этом настроении, в голубом свете Иларион, он услышал, как Баэрд начал свой рассказ. В тот первый раз он услышал его как волшебное заклинание, которое было соткано из слов, взятых из провалов в пространстве его детства. В конечном счете так оно и было.

– В тот год, когда Альберико захватил Астибар, – говорил Баэрд, – пока провинции Тригия и Чертандо готовились бороться с ним каждая в одиночку, перед падением Феррата, Брандин, король Играта, напал на полуостров с запада. Он привел свой флот в Большую гавань Кьяры и захватил остров. Захватил без труда, так как Великий герцог убил себя, увидев, как много кораблей приплыло из Играта. Это, я думаю, тебе известно.

Он говорил тихо. Дэвин поймал себя на том, что наклонился вперед, стараясь расслышать. В кустах за его спиной сладко и печально пела триала. Алессан и Катриана не издавали ни звука. Баэрд продолжал:

– В тот год полуостров Ладонь превратился в поле боя в чудовищной игре равновесия между силами Играта и Империи Барбадиор. Ни одна из сторон не могла позволить другой свободно править на полуострове. Это была одна из причин появления Брандина. Другая, как мы потом узнали, была связана с его младшим, самым любимым сыном, Стиваном. Брандин из Играта хотел создать второе королевство, которым правил бы его сын. Но вышло иначе...

...Триала продолжала петь. Баэрд замолчал и прислушался, словно ее прозрачный голос, нежнее, чем у соловья, отражал его собственные чувства.

– Жителей Кьяры, пытавшихся организовать сопротивление, перебили на склонах горы Сангариос. Вскоре после этого Брандин захватил провинцию Азоли. Слава о его могуществе опережала его. Он был очень силен в магии, сильнее даже, чем Альберико. И хотя у него было меньше солдат, чем у барбадиоров на востоке, его воины были больше ему преданы и лучше обучены. Потому что Альберико был всего лишь богатым, честолюбивым мелким вельможей Империи и использовал наемников, а Брандин правил Игратором и взял в поход отборных солдат своего королевства. Они почти без усилий двигались на юг через Корте, одну за другой побеждая армии каждой провинции, потому что в тот год каждая провинция действовала обособленно. Как и после, естественно.

Голос Баэрда был недостаточно отстраненным для той иронии, которую он пытался изобразить.

– Из Корте сам Брандин повернул на восток с меньшей частью своей армии, чтобы встретить Альберико в Феррате и остановить его там. Он послал Стивана на юг, на захват последней свободной провинции запада, а затем тот должен был присоединиться к нему в Феррате, чтобы вместе сражаться против барбадиоров в битве, которая, как они все ожидали, решит судьбу Ладони. Это было ошибкой, хотя тогда, восемнадцать лет назад, он не мог знать об этом. Он только что высадился на полуострове и не знал характера различных провинций. Мне кажется, он хотел дать Стивану самому почувствовать вкус лидерства. Он отдал ему большую часть армии, полагая, что сможет сдерживать Альберико своей колдовской силой до подхода остальных.

Баэрд сделал паузу, его голубые глаза смотрели куда-то внутрь. Когда он заговорил снова, тембр его голоса изменился; Дэвину показалось, что он отражает много разных чувств, и все они давние, и все полны печали.

– На берегу реки Дейзы, – продолжал Баэрд, – почти на полпути между Чертандо и морем у Корте, Стиван столкнулся с самым яростным сопротивлением, с каким не встречались

прежде на Ладони армии захватчиков. Жители последней провинции во главе с принцем – эти гордые люди всегда называли так своего правителя – встретили игратян, и остановили их, и отогнали от реки назад с тяжелыми потерями для обеих сторон. И принц Валентин, принц той провинции, которую ты знаешь под именем Нижний Корте, сразил Стивана Игратского, любимого сына Брандина, на берегу реки, на закате, после страшного дня, полного смертей.

Дэвин почти ощущал в его словах горький привкус этой старой боли. Он увидел, как Баэрд в первый раз бросил взгляд туда, где стоял Алессан. Никто из них не сказал ни слова. Дэвин неотрывно смотрел на Баэрда. Он сосредоточился так, словно от этого зависела вся его жизнь, ловил каждое слово, словно оно было кусочком драгоценной мозаики, занимающей свое место в памяти, которой он так гордился.

И именно в тот момент Дэвину показалось, что где-то в отдаленном уголке его памяти зазвонил колокол. Колокол тревоги. Будто колокол деревенского храма Адаона, который спешно созывает крестьян с полей. Далекий звон колокола, слабый, но ясно слышный, несущийся утром над полями колышущейся желтой пшеницы.

– Брандин сразу же узнал о случившемся благодаря своему колдовству, – продолжал Баэрд хриплым, словно скрип мельничного жернова, голосом. – Он бросился обратно на юго-запад, оставив Альберико Феррат и Чертандо. Он обрушился на противника всей мощью своей армии и своей магической силы, с яростью отца, у которого убили сына, и встретился с остатками сил своих последних врагов там, где они его ждали, у Дейзы.

Баэрд снова взглянул на Алессана. Его лицо в лунном свете было бледным, как у призрака.

– Брандин их уничтожил. Он разбил их наголову, не ведая пощады и милосердия. Погнал их, беспомощных, перед собой обратно в собственную страну к югу от Дейзы, сжигая по дороге каждое поле, каждую деревню. Пленных он не брал. Во время того первого похода он убивал женщин и детей, чего не делал больше нигде. Но больше нигде не погибал его собственный ребенок. Так много душ перешло в царство Мориа в отместку за душу Стивана Игратского. Его отец прошел по этой провинции огнем и мечом. Не успело закончиться лето, как он сровнял с землей великолепные башни города у подножия гор, который теперь называется Стиваньен. Он превратил в щебень и песок стены и порттовые сооружения королевского города у моря. А в битве у реки он взял в плен принца, который убил его сына, и в тот же год подверг его пыткам, изувечил и предал казни в Кьяре.

Голос Баэрда стал сухим шепотом при свете звезд и единственной луны. И вместе с ним в голове Дэвина все громче звучал тревожный колокол, предупреждая о грядущих бедах. Баэрд продолжал:

– Брандин Игратский сделал еще больше. Он собрал все свое колдовство, всю волшебную силу, которой обладал, и наложил на эту землю такое заклятие, какого никто до него не мог придумать. И этим заклятием он... отобрал у нее имя. Он совершенно стер это имя из памяти каждого мужчины и каждой женщины, которые родились за пределами этой провинции. Это было его самое страшное проклятие, самая страшная месть. Он сделал так, словно этой провинции никогда не существовало. Наши дела, наша история, само наше имя исчезли. А потом он назвал нас Нижним Корте, в честь одной из провинций, которая прежде была нашим самым древним и заклятым врагом.

Дэвин услышал какие-то звуки за спиной и понял, что это плачет Катриана.

– Брандин сделал так, что никто из живущих не может услышать и запомнить название этой страны, и королевского города у моря, и даже тех высоких золотистых башен на старой дороге, ведущей в горы. Он нас сломил и уничтожил. Он убил целое поколение, а потом *лишил нас имени*.

Эти последние слова не были шепотом или хрипом, посланным в осеннюю тьму Астибара. Они были брошены как обвинение, как приговор самой ночи, деревьям и звездам, которые наблюдали за всем происходящим.

Горе, звучащее в этом обвинении, стиснуло сердце Дэвина, как стальной кулак, Баэрд даже не подозревал, как сильно. И никто не подозревал. Потому что никто после смерти Марры не знал, что значит память для Дэвина д'Азоли и как она превратилась в краеугольный камень его души.

Память была его талисманом и оберегом, вратами и очагом. Она была гордостью и любовью, защитой от потерь: ведь нельзя потерять навсегда то, о чем можно вспомнить. Ничто не умирало и не уходило навсегда. Марра могла жить; его суровый отец напевал ему колыбельную. И поэтому, потому что это было сущностью Дэвина, давняя месть Брандина Игратского в ту ночь ударила по нему так, словно ее только что выковали, пробила уязвимую броню отношений Дэвина с миром у самого сердца и нанесла ему новую, смертельную рану.

Он усилием воли заставил себя успокоиться, приказав себе сосредоточиться на том, чтобы запомнить. Все запомнить. Теперь это имело еще большее значение, чем раньше. Особенно сейчас, когда эхо последних, ужасных слов Баэрда затихало в ночи. Дэвин смотрел на русоволосого человека с кожаными ремешками на лбу и на шее и ждал. Он был сообразительным мальчиком, теперь стал умным мужчиной. Он понимал, что сейчас произойдет; все кусочки мозаики встали на свои места.

Теперь Дэвин стал гораздо старше, чем час тому назад. Он услышал шепот Алессана у себя за спиной:

– Колыбельная, которую ты играл тогда, родилась в этой провинции, Дэвин. Песнь о городе башен. Только человек из этого города мог узнать эту мелодию так, как узнал ее ты. Вот как я понял, что ты один из нас. Вот почему я не остановил тебя, когда ты последовал за Катрианой. Я предоставил Мориан решать, что может лежать за тем порогом.

Дэвин кивнул, осмысливая услышанное. Через мгновение он сказал, как можно тщательнее подбирая слова:

– Если это так, если я тебя правильно понял, тогда я должен быть одним из тех, кто может услышать и запомнить то, прежнее имя, отнятое у всех остальных.

– Это так, – ответил Алессан.

Дэвин почувствовал, что у него дрожат руки. Он опустил на них глаза, сосредоточился, но не смог унять дрожь.

– Значит, это нечто такое, что было отнято у меня всю жизнь. Вы... вернете мне его? Назовете мне имя той земли, где я родился?

Он смотрел на Баэрда при свете звезд, так как Иларион теперь тоже скрылась за деревьями. Алессан говорил, что сказать должен Баэрд. Дэвин не знал почему. В темноте они еще раз услышали триалу, длинную, замирающую ноту, а затем заговорил Баэрд, и впервые в жизни Дэвин услышал, как кто-то произносит:

«Тигана».

Колокол, который до сих пор звучал в нем, словно во сне о неведомых летних полях, смолк. И в этой внезапно наступившей, абсолютной, внутренней тишине ощущение потери нахлынуло на него, подобно океанской волне. А после этой волны нахлынула другая, а потом третья – одна несла любовь, а другая огромную гордость. Он ощутил странное головокружение, словно услышал призыв, разнесшийся по телу с потоком крови.

Потом он увидел, как смотрит на него Баэрд. Увидел его застывшее, белое лицо, при свете звезд на нем отражался страх и еще что-то: горькая жажда, боль, неутоленный голод души. А затем Дэвин понял и дал этому человеку то освобождение, которого он ждал.

– Спасибо, – сказал Дэвин. Он больше не дрожал. Преодолевая комок в горле, он продолжил, потому что теперь настала его очередь, его испытание.

– Тигана. *Тигана*. Я родился в провинции Тигана. Мое имя... мое настоящее имя – Дэвин ди Тигана бар Гэрин.

Он еще не кончил говорить, когда в глазах Баэрда блеснуло чувство, похожее на торжество. Светловолосый мужчина крепко зажмурился, словно хотел удержать внутри это торжество, не дать ему вырваться в рассеивающуюся тьму, крепко зажать его в себе. Дэвин услышал, как Алессан прерывисто вздохнул, а потом с удивлением почувствовал, как Катриана коснулась его плеча и отдернула руку.

Баэрд был далеко, он не мог говорить. Но Алессан произнес:

– Это одно из двух отнятых имен, самое главное. Тиганой назывались наша провинция и город принца у моря. Тогда ее считали самым прекрасным городом под светом звезд Эанны. Или, может быть, вторым по красоте.

В его голосе прозвучало нечто, напоминающее смех. Смех и любовь одновременно. В первый раз Дэвин обернулся и посмотрел на него.

– Если бы ты поговорил с жителями внутренних земель, расположенных южнее, из того города, где река Сперион начинает свой бег на запад, к морю, ты бы услышал другое мнение. Потому что мы всегда были горды и всегда между этими двумя городами существовало соперничество.

В конце, как он ни старался скрыть это, в его голосе звучала только горечь утраты.

– Ты родился в этом городе вдали от моря, Дэвин, и я тоже. Мы – дети этой долины в горах и серебристого бега этой горной реки. Мы родились в Авалле. В Авалле, городе Башен.

Музыка снова родилась в голове у Дэвина при звуке этого имени, но на этот раз она не была похожа на звон колоколов, который он слышал раньше. На этот раз музыка унесла его далеко назад, к отцу, в детство.

– Значит, ты все-таки знаешь слова той песни? – спросил он.

– Конечно, – мягко ответил Алессан.

– Прошу тебя, – сказал Дэвин.

Но ответила ему Катриана, голосом, каким могла петь молодая мать, баюкая своего ребенка далеким вечером, много лет назад:

Весеннее утро в Авалле.
Что бы мне жрец ни предрекал,
Спущусь я туда, где сияет река,
Весенним утром в Авалле.
Дорога из детства моя далека.
Я лодку построю, не дрогнет рука,
Возьмет ее в бухту Тиганы река
И в море, прочь от Авалле.
Но где бы я ни был, с водой ручейка
Пусть шепчутся сосны, но издалека
Будет мне в сердце стучаться тоска,
Мечта о башнях Авалле.
О доме моем в Авалле².

Эти сладкие, грустные слова на мелодию, которую он знал всегда, проникли в сердце Дэвина, а с ними и нечто другое. Ощущение потери – такое острое, что оно почти затмило легкое изящество песни Катрианы. Теперь в нем не было никаких волн, никакие горны не пели в крови – лишь глубокие воды тоски. Тоски по тому, что у него отняли еще до того, как он

² Здесь и далее перевод стихов К. Торшиной.

узнал, что это принадлежит ему, отобрали насовсем, полностью, и он мог бы прожить всю жизнь, даже не узнав, что оно существует.

И поэтому Дэвин плакал, пока пела Катриана. Юноши невысокого роста, слишком молодо выглядящие для своих лет, очень рано узнают в Азоли, как рискованно плакать там, где тебя могут увидеть. Но сегодня в лесу Дэвина настигло нечто такое, с чем он не смог справиться.

Если он правильно понял то, что сказал ему Алессан, эту песню могла ему петь его мать.

Его мать, чью жизнь прервал Брандин Игратский. Он склонил голову, но не для того, чтобы скрыть слезы, и слушал, как Катриана допевает эту сладкую и горькую колыбельную, песню ребенка, бросающего вызов запретам и власти, еще совсем юного, но достаточно самоуверенного, чтобы захотеть в одиночку построить корабль, и достаточно смелого, чтобы захотеть плыть на нем по просторам мира, не оглядываясь назад. Но не теряя и не забывая того места, где все началось.

Дэвин был этим ребенком.

И это было одной из причин его слез. Потому что его заставили потерять и забыть те башни, у него украли все сны, которые могли присниться ему об Авалле. Или о Тигане над бухтой.

Поэтому его слезы одна за другой падали в темноте на землю, пока он оплакивал свою мать и свой дом. И в тени леса неподалеку от Астибара эти два горя слились в Дэвине и спаялись в его сердце с тем, что значила для него память и потеря памяти. И тогда в Дэвине вдруг вспыхнуло нечто такое, что должно было с этой ночи изменить течение его жизни.

Он вытер глаза рукавом и поднял взгляд. Никто не заговорил. Он видел, что Баэрд смотрит на него. Очень медленно Дэвин протянул левую руку, руку сердца. Очень осторожно согнул третий и четвертый пальцы так, что получилось символическое изображение полуострова Ладонь.

Жест, которым дают клятву.

Баэрд поднял правую руку и повторил его жест. Они соприкоснулись кончиками пальцев, маленькая ладонь Дэвина против более крупной, огрубевшей ладони Баэрда.

– Если вы меня принимаете, я с вами, – сказал Дэвин. – Именем моей матери, которая погибла в той войне, клянусь, что не нарушу данное вам слово.

– И я не нарушу данное тебе слово, – сказал Баэрд. – Клянусь исчезнувшей Тиганой.

Послышался шорох, и Алессан опустился рядом с ним на колени.

– Дэвин, я должен тебя предостеречь, – серьезно произнес он. – С таким решением не следует спешить. Ты можешь помогать нашему делу, но тебе не обязательно ломать свою жизнь и следовать за нами.

– У него нет выбора, – пробормотала Катриана, подходя ближе с другой стороны. – Томассо бар Сандре назовет ваши имена под пыткой сегодня ночью или завтра. Боюсь, что карьера певца для Дэвина д'Азоли закончилась, не успев толком начаться. – Она смотрела вниз, на троих мужчин, глаза ее в темноте были непроницаемы.

– Она действительно закончилась, – тихо сказал Дэвин. – Она закончилась, когда я узнал свое имя.

Выражение лица Катрианы не изменилось; он не мог себе представить, о чем она думает.

– Пусть будет так, – сказал Алессан. Он тоже поднял левую руку с двумя согнутыми пальцами. Дэвин протянул ему навстречу правую. Алессан колебался.

– Клятва именем твоей матери для меня значит больше, чем ты можешь себе представить, – заметил он.

– Ты ее знал?

– Мы оба ее знали, – тихо ответил Баэрд. – Она была на десять лет старше нас, но любой подросток в Тигане был немного влюблен в Микаэлу. И, полагаю, большинство взрослых мужчин тоже.

Еще одно новое имя и боль, связанная с ним. Отец Дэвина ни разу не произносил его. Его сыновья никогда не знали имени матери. В этой ночи было больше дорог к страданию, чем Дэвин мог себе представить.

– Мы все безмерно завидовали твоему отцу и восхищались им, – прибавил Алессан. – Хотя я был рад, что в конце концов ее завоевал мужчина из Авалле. Помню то время, когда ты родился, Дэвин. Мой отец послал подарок на твои крестины. Не помню, что именно это было.

– Вы восхищались моим отцом? – переспросил ошеломленный Дэвин.

Алессан услышал это, и его голос изменился.

– Не суди о нем по тому, чем он стал. Ты знал его лишь после того, как Брандин смел с лица земли целое поколение и весь их мир. Оборвал их жизни или погубил их души. Твоя мать погибла, Авалле пал, Тигана исчезла. Он сражался и выжил в обеих битвах у Дейзы.

У стоящей над ними Катрианы вырвался слабый стон.

– Я не знал, – запротестовал Дэвин. – Он никогда нам ничего подобного не рассказывал.

В нем росла новая боль. Так много дорог к страданию...

– Немногие из уцелевших рассказывали о тех днях, – сказал Баэрд.

– Мои родители тоже, – неловко вставила Катриана. – Они увезли нас как можно дальше, в рыбацкую деревушку Астибара, вниз по побережью от Ардина, и никогда ни слова не говорили об этом.

– Чтобы оградить тебя, – мягко объяснил Алессан. Его ладонь все еще касалась ладони Дэвина. Она была меньше, чем у Баэрда. – Многие, кому удалось уцелеть, бежали, чтобы дать своим детям шанс на жизнь, не омраченную гнетом и позором, которые давили тогда – и до сих пор давят – на Тигану. Или на Нижний Корте, как мы должны теперь ее называть.

– Они бежали, – упрямо произнес Дэвин. Он чувствовал себя обманутым, преданным, обездоленным.

Алессан покачал головой:

– Дэвин, думай. Не суди пока, думай. Ты в самом деле воображаешь, что узнал эту мелодию случайно? Твой отец предпочел не обременять тебя и твоих братьев таким опасным наследием, но он тебя отметил – мелодией без слов, ради безопасности, и послал тебя в мир с тем, что безошибочно выдаст тебя любому выходцу из Тиганы, но больше никому. Не думаю, что это было сделано случайно. Не более случайно, чем то, что мать Катрианы подарила дочери кольцо, которое отличает ее в глазах тех, кто родился там же, где родилась она.

Дэвин оглянулся. Катриана протянула к нему руку. Было темно, но его глаза уже приспособились к темноте, и он разглядел странную форму мерцающего кольца: фигура наполовину человека, наполовину морского животного. Он с трудом сглотнул.

– Ты мне расскажешь о нем? – спросил он, снова поворачиваясь к Алессану. – О моем отце?

О флегматичном, скучном Гэрине, мрачном крестьянине из серой, дождливой страны. Который, как теперь оказалось, был родом из яркого Авалле, города Башен, в южных горах Тиганы, и который в молодости полюбил и завоевал женщину, покорявшую всех, кто ее видел. Который сражался и выжил в двух страшных битвах у реки и который – если Алессан прав в своих построениях – нарочно послал бродить по свету своего единственного сообразительного, наделенного воображением ребенка, способного найти то, что он, кажется, нашел этой ночью.

И который, осознал вдруг Дэвин, почти наверняка солгал, сказав, что забыл слова колыбельной. Все это внезапно навалилось на него страшной тяжестью.

– Я расскажу тебе все, что знаю о нем, и с радостью, – ответил Алессан. – Не сегодня, так как Катриана права и мы должны уйти отсюда до рассвета. А сейчас я обменяюсь с тобой

клятвами, как это сделал Баэрд. Я принимаю твою клятву верности. И тебе клянусь в том же. Ты стал мне родным отныне и до конца моих дней.

Дэвин обернулся и посмотрел на Катриану:

– А ты меня принимаешь?

Она тряхнула волосами.

– У меня нет выбора, не так ли? – небрежно ответила она. – Ты довольно прочно впутался в наши дела.

Однако, говоря так, она опустила левую руку с двумя согнутыми пальцами. Ее прохладные пальцы слегка соприкоснулись с пальцами Дэвина.

– Добро пожаловать, – сказала Катриана. – Клянусь не нарушать данное тебе слово, Дэвин ди Тигана.

– И я тоже. Мне очень жаль, что все так случилось сегодня утром, – рискнул извиниться Дэвин.

Она убрала руку, и глаза ее сверкнули, это было видно даже при свете звезд.

– О да, – сардонически ответила она. – Конечно, тебе жаль. Все время было ясно, как ты жалеешь о том, что произошло.

Алессан фыркнул от смеха.

– Катриана, дорогая, – сказал он, – я только что запретил ему упоминать о любых деталях случившегося. Как мне требовать этого, если ты сама о них говоришь?

Без малейших следов улыбки Катриана ответила:

– Здесь я пострадавшая сторона, Алессан. Ты не можешь ничего от меня требовать. Эти правила ко мне не относятся.

Неожиданно Баэрд рассмеялся:

– Никакие правила к тебе не относятся с тех пор, как ты к нам присоединилась. Почему сейчас должно быть по-другому?

Катриана снова вскинула голову, но не снизила до ответа.

Трое мужчин встали. Дэвин несколько раз согнул колени, которые затекли от долгого сидения в одном положении.

– Феррат или Тригия? – спросил Баэрд. – К какой границе?

– Феррат, – ответил Алессан. – Они будут искать меня в Тригии, как только Томассо заговорит, бедняга. Если бы я был способен мыслить ясно, я бы застрелил его, когда они проезжали мимо.

– Вот это ясность мысли, – съязвил Баэрд. – Его окружали двадцать солдат. Мы бы все уже сидели в цепях в Астибаре.

– Ты бы перехватил мою стрелу, – лукаво ответил Алессан.

– Есть ли шанс, что он не заговорит? – смущенно вмешался Дэвин. – Я думаю о Менико, видишь ли. Если назовут мое имя...

Алессан покачал головой:

– Под пытками все говорят, – трезво заметил он. – Особенно при помощи магии. Я тоже думаю о Менико, но мы ничего не можем с этим поделать, Дэвин. Это одна из реалий нашей жизни. Есть люди, которых мы подвергаем риску почти каждым своим поступком. Хотел бы я знать, – прибавил он, – что произошло в том домике.

– Ты хотел проверить, – напомнила ему Катриана. – У нас есть время?

– Хотел. И думаю, что время есть, – быстро ответил Алессан. – Во всей этой мозаике недостает одного кусочка. Я так и не знаю, каким образом Сандре д'Астибар мог ожидать, что я буду...

Тут он замолчал. Не считая протяжного пения цикад и шелеста листьев, в лесу было очень тихо. Триала улетела. Алессан вдруг поднял руку и сильно дернул себя за волосы. Потом покачал головой.

– Знаешь, – сказал он Баэрдлу таким тоном, будто вел непринужденную беседу, – каким дураком я иногда бываю? Это же все время было очевидно! – Его голос стал другим: – Вперед – и молитесь, чтобы мы не опоздали!

В охотничьем домике Сандрени оба камина уже погасли. Только звезды освещали лесную поляну. Созвездие Короны Эанны клонилось к западу, следуя за лунами. Когда они подошли к домику, пел соловей, словно вторя недавней песне триалы. На пороге Алессан на мгновение заколебался, потом пожал плечами, распахнул дверь и вошел.

В красном свете тлеющих углей перед их глазами, уже привыкшими к темноте, предстала картина кровавой бойни.

Гроб криво стоял на козлах, крышка его была разбита в щепки. Вокруг него лежали мертвецы, которые были живыми людьми, когда они покидали эту комнату. Двое младших Сандрени. Ньеволе, с торчащими из горла и груди стрелами. Тело Скалвайи д'Астибара.

Затем Дэвин разглядел отрубленную голову Скалвайи в черной луже крови на пугающе большом расстоянии от тела, и к его горлу подкатила тошнота.

– О Мориан, – прошептал Алессан. – О Госпожа Мертвых, будь добра к ним в твоих чертогах. Они погибли до срока, мечтая о свободе.

– Трое из них – да, – раздался хриплый, сухой голос из глубины одного из кресел. – Четвертого следовало удавить еще в колыбели.

Дэвин подпрыгнул на полфута, и сердце его заколотилось от испуга.

Говоривший поднялся и теперь стоял рядом с креслом, глядя на них. Его лицо оставалось скрытым в тени.

– Я так и думал, что вы вернетесь, – прибавил он.

Это шестой, понял Дэвин, пытаясь, напрягая зрение, рассмотреть высокую худую фигуру в слабом свете углей.

Алессан остался невозмутимым.

– В таком случае прошу прощения, что мы заставили вас ждать, – сказал он. – Мне потребовалось слишком много времени, чтобы разгадать эту загадку. Вы позволите выразить вам мои сожаления по поводу случившегося? – Он помолчал. – И свое уважение к вам лично, господин Сандре.

Челюсть Дэвина отвисла, словно на шарнирах. Он так резко закрыл рот, что заболели зубы; он надеялся, что этого никто не заметил. События развивались слишком быстро для него.

– Принимаю первое, – ответил худой человек, стоящий перед ними. – Но я не заслуживаю вашего уважения и ничьего уважения вообще. Когда-то – возможно, но не теперь. Вы говорите со старым тщеславным дураком, как называл меня этот барбадиор. С человеком, который слишком много лет провел в одиночестве, запутавшись в сплетенных им самим сетях. Вы были правы во всем, что говорили здесь о беспечности. Сегодня ночью она стояла мне троих сыновей. Через месяц, возможно раньше, в живых не останется ни одного Сандрени.

Его голос звучал сухо и бесстрастно, в нем не было жалости к себе, лишь беспристрастное осуждение.

– Что случилось? – тихо спросил Алессан.

– Этот мальчик оказался предателем. – Голос оставался ровным, невыразительным.

– О милорд! – воскликнул Баэрд. – Член семьи?

– Мой внук. Сын Жиано.

– Тогда его душа проклята, – произнес Баэрд с тихой яростью. – Теперь он во власти Мориан, и она знает, как с ним поступить. Да будет он гореть в огне среди тьмы до конца времен.

Казалось, старик его не слышал.

– Таэри убил его, – с удивлением пробормотал он. – Я не думал, что у него хватит мужества и что он настолько быстр. Затем он заколол себя, чтобы лишиться их удовольствия или возможности вывести у него что-нибудь. Я не думал, что у него столько мужества, – повторил он задумчиво.

Дэвин взгляделся в темноте в два тела около меньшего очага. Дядя и племянник лежали так близко друг к другу, что казалось, их тела переплелись по другую сторону от гроба. Пустого гроба.

– Вы сказали, что ждали нас, – пробормотал Алессан. – Скажите, почему?

– По той же причине, которая заставила вас вернуться. – Сандре впервые двинулся с места и направился к большому камину. Схватил маленькое полено и бросил его в тлеющий огонь. Взлетел сноп искр. Он тыкал в полено кочергой до тех пор, пока из пепла не взвился язык пламени.

Герцог обернулся, и теперь Дэвин смог рассмотреть его седые волосы и бороду, впалые щеки. Глаза его глубоко сидели в глазницах, но в них сверкал холодный вызов.

– Я здесь, – произнес Сандре, – и вы здесь потому, что все продолжается. Это будет продолжаться, что бы ни случилось, кто бы ни умер. Пока есть чем дышать и бьется сердце, которым можно ненавидеть. Мой священный поход и ваш. Он продолжается, пока мы живы.

– Значит, вы слушали, – сказал Алессан. – Лежа в гробу. Вы слышали, что я сказал?

– Действие наркотика закончилось к заходу солнца. Я проснулся раньше, чем мы добрались до охотничьего домика. Я слышал все, что вы говорили, и многое из того, о чем предпочли умолчать, – ответил герцог, выпрямляясь, с холодным высокомерием в голосе. – Я слышал то, как вы себя называли, и то, что предпочли не говорить им. Но я знаю, кто вы.

Он шагнул к Алессану. Поднял узловатую руку и ткнул ею прямо в него:

– Я точно знаю, кто вы, Алессан бар Валентин, принц Тиганы.

Это было уже слишком. Мозг Дэвина просто не выдержал попыток понять. Слишком много обрывков информации поступало с разных сторон, они яростно противоречили друг другу. У него кружилась голова, он был ошеломлен. Он находился в комнате, где совсем недавно стоял среди большого числа людей. Теперь четверо из них умерли более жестокой смертью, чем он когда-либо мог вообразить. В то же время единственный человек, в смерти которого он был уверен, человек, которого он сегодня утром отпевал, был единственным астибарцем, оставшимся в живых в этом домике.

Если он был астибарцем!

Потому что как в этом случае он мог произнести имя «Тигана», учитывая то, что Дэвин узнал только что в лесу? Откуда он мог знать, что Алессан – и это Дэвин тоже старался переварить – принц? Сын того Валентина, который убил Стивана Игратского и таким образом навлек на всех них месть Брандина.

Дэвин отбросил попытки разобраться во всем этом. Он решил слушать и смотреть, впитывать, сколько сможет, в свою память, которая еще никогда его не подводила, а осмыслить все позднее, когда у него будет время подумать.

Приняв это решение, он услышал, как Алессан сказал после такого долгого молчания, которое свидетельствовало о степени его собственного удивления:

– Теперь я понимаю. Наконец-то я понял. Милорд, я всегда считал вас гигантом среди людей. С того самого дня, когда увидел вас во время моих первых Игр Триады, двадцать три года назад. Вы даже более великий человек, чем я думал. Как вы остались в живых? Как вам удавалось скрывать это от тех двоих все эти годы?

– Скрывать что? – Это спросила Катриана, и ее голос звучал так сердито и непонимающе, что Дэвин тут же почувствовал себя лучше: не он один брел в темноте наугад.

– Он – чародей, – ровным голосом ответил Баэрд.

Снова воцарилось молчание. Потом Алессан прибавил:

– Чародеи Ладони нечувствительны к заклинаниям, не направленным непосредственно на них. Это характерно для всех пользующихся магией, откуда бы они ни пришли и каким бы образом ни приобрели свое могущество. По этой причине, среди прочих, Брандин и Альберико охотились за чародеями и убивали их с тех пор, как захватили полуостров.

– И им это удавалось, потому что быть чародеем – увы – не означает быть мудрым или даже иметь простой здравый смысл, – ядовито произнес Сандре д’Астибар.

Он повернулся и яростно ткнул в камин железной кочергой. На этот раз огонь вспыхнул в полную силу.

– Я уцелел, – сказал герцог, – лишь потому, что никто про меня не знал. Ничего более. За годы моего правления я пользовался своей силой раз пять и каждый раз маскировал ее под чужое колдовство. И я ничего не делал с помощью магии, совсем ничего, с тех пор как появились эти два колдуна. Даже для того, чтобы симулировать собственную смерть. Их магия сильнее нашей. Гораздо сильнее. Это было ясно с тех пор, как они пришли. Магия никогда не играла такой большой роли на Ладони, как в других странах. Мы это знали. Все чародеи это знали. Можно было предположить, что они приложат к этому знанию свои мозги, не так ли? Какой толк от заклинания поиска или жалкой ментальной стрелы, если они приведут тебя прямиком к гибели от солнца на колесе смерти барбадиоров? – В голосе старого герцога звучала едкая, горькая насмешка.

– Или на колесе Брандина, – пробормотал Алессан.

– Или на колесе Брандина, – повторил Сандре. – Единственное, о чем договорились эти два стервятника, не считая разделительной линии, проходящей по Ладони, – что на этой земле колдовать будут только они.

– И все обстоит именно так, – сказал Алессан, – или почти так. Я уже более десяти лет разыскиваю какого-нибудь чародея.

– Алессан! – быстро произнес Баэрд.

– Зачем? – одновременно спросил герцог.

– Алессан! – повторил Баэрд еще настойчивее.

Человек, который, как только что узнал Дэвин, был принцем Тиганы, посмотрел на своего друга и покачал головой.

– Не этот, Баэрд, – загадочно ответил он. – Не Сандре д’Астибар.

Он снова повернулся к герцогу и заколебался, подыскивая слова.

Затем, с явной гордостью, сказал:

– Возможно, вы слышали эту легенду. Но она оказалась правдой. Принцы Тиганы, все потомки по прямой линии, могут привязать к себе чародея смертельной клятвой.

Впервые в прикрытых опущенными веками глазах Сандре блеснуло любопытство, реальный интерес к чему-то.

– Я действительно знаю эту историю. Единственный чародей, который догадался, кто я такой, после того как я открыл в себе магию, однажды предостерег меня, что следует опасаться принцев Тиганы. Он был очень старым человеком и к тому времени выжил из ума. Я помню, как смеялся. По-вашему, то, что он сказал, было правдой?

– Было. И уверен – это до сих пор правда. Однако у меня не было случая проверить. Это наша древняя история: Тигана – провинция, избранная Адаоном, богом Волн. Первый из принцев, Рахал, был рожден от бога Микаэлой, которую мы считаем смертной матерью всего нашего народа. А линия принцев никогда не прерывалась.

Дэвин почувствовал, как в нем зашевелились самые противоречивые чувства. Он даже не пытался подсчитать, сколько всяких эмоций смешалось в его душе. *Микаэла*. Он слушал, и наблюдал, и запоминал.

И услышал, как рассмеялся Сандре д’Астибар.

– Эту историю я тоже слышал, – насмешливо сказал герцог. – Это поросшее быльем оправдание тиганского высокомерия. Принцы Тиганы! Не герцоги, нет. Принцы! Потомки бога! – Он ткнул кочергой в сторону Алессана: – И вы будете стоять тут сегодня, сейчас, среди вонючей реальности, среди этих мертвецов и сегодняшнего прозябания под гнетом тиранов, и пересказывать мне эту древнюю ложь? И вы осмелитесь?

– Это правда, – тихо ответил Алессан, не двигаясь. – Вот почему мы те, кто мы есть. Было бы неуважением по отношению к богу, если бы его потомки претендовали на менее высокий титул. Адаон мог подарить своему сыну бессмертие, но Эанна и Мориан запретили ему. Зато бог подарил своему смертному сыну власть над магией Ладони, и всем сыновьям и дочерям этого сына, пока жив хоть один принц или принцесса Тиганы, его потомки по прямой линии. Если сомневаетесь в моих словах и хотите подвергнуть меня испытанию, я сделаю то, чего желает Баэрд, и свяжу вас клятвой верности, положив ладонь вам на голову, лорд герцог. Стариую сказку не так легко сбросить со счетов, Сандре д’Астибар. Если мы горды, то это потому, что у нас есть на то причины.

– Уже нет, – насмешливо возразил герцог. – С тех пор, как появился Брандин!

Лицо Алессана дрогнуло. Он открыл рот и закрыл его.

– Как вы смеете! – воскликнула Катриана.

Смело, подумал Дэвин.

Принц и герцог не обратили на нее внимания, они смотрели друг на друга. Сардоническая усмешка Сандре постепенно отступила в глубокие морщины на его лице. Но горечь осталась – в глазах, и в позе, и в поджатых губах.

– Я не ожидал этого от вас. При данных обстоятельствах, – сказал Алессан.

– Вы не можете иметь ни малейшего представления, чего от меня ожидать, – ответил герцог очень тихим голосом. – При любых обстоятельствах.

– Значит, мы расстаемся?

Долгие мгновения между ними в воздухе что-то происходило, процесс взвешивания и решения, неизмеримо осложненный смертью и горем, яростью и нестигаемой, врожденной гордостью обоих мужчин. Дэвин, ощущая собственными нервными окончаниями это напряжение, поймал себя на том, что задерживает дыхание.

– Я бы этого не хотел, – в конце концов ответил Сандре д’Астибар. – И уж тем более так, – прибавил он, и Дэвин снова задышал. – Вы примете извинения от человека, который пал так низко, как никогда в жизни?

– Приму, – просто ответил Алессан. – И попрошу у вас совета прежде, чем мы действительно на время расстанемся. Вашего среднего сына взяли живым. Он назовет меня и Дэвина завтра же утром, если не сегодня ночью.

– Не сегодня, – ответил герцог почти рассеянно. – Альберико сейчас не ожидает опасности. И он серьезно выведен из строя тем, что здесь произошло. Он оставит Томассо в покое до того момента, когда сможет насладиться происходящим. Когда будет в настроении... поиграть.

– Сегодня или завтра, – возразил Баэрд, и его резкий голос разрушил настроение. – Какая разница? Он заговорит. И мы должны убраться раньше.

– Может быть, да, а может, и нет, – пробормотал Сандре тем же бесстрастным тоном. Он посмотрел на четверых мертвецов на полу. – Хотел бы я точно знать, что произошло, – сказал он. – Из гроба мне ничего не было видно, но могу вам сообщить, что Альберико сегодня ночью прибежал к чарам настолько мощным, что они все еще пульсируют в воздухе. И прибежал он к ним для того, чтобы спасти свою жизнь. Скалвая что-то сделал, не знаю, что именно, но ему почти удалось. – Он взглянул на Алессана. – Почти удалось предоставить Брандину Игратскому власть над всем полуостровом.

– Вы это слышали? – спросил Алессан. – Вы со мной согласны?

– Наверное, я всегда знал, что это правда, но мне удавалось заставить себя это отрицать. Я полностью сосредоточился на собственном враге здесь, в Астибаре. Мне нужно было услышать эти слова, но одного раза достаточно. Да, я согласен с вами. Их нужно уничтожить одновременно.

Алессан кивнул и немного расслабился.

– Некоторые все еще думают иначе. Ценю ваше согласие.

Он бросил взгляд на Баэрда, лукаво улыбнулся ему, потом снова перевел взгляд на герцога:

– Вы упомянули, что Альберико прибег к магии, словно это имеет для нас сейчас значение. Какое значение? Мы не разбираемся в этих вопросах.

– Стыдиться нечего. Если ты не чародей, то и не должен в них разбираться. – Сандре слегка улыбнулся. – Все очень просто: из этой комнаты сегодня ночью выплеснулся такой поток магической энергии, что моя собственная жалкая магия будет совершенно незаметна. Думаю, что смогу сделать так, чтобы ваши имена завтра не были названы палачам.

– Понимаю, – медленно кивнул Алессан. Дэвин же ничего не понял; он чувствовал, как его несет в вихре непрерывно поступающей информации. – Вы можете перенестись через пространство? Можете пойти туда и вывести его? – Глаза Алессана ярко горели.

Однако Сандре покачал головой. Он вытянул вперед левую руку, растопырив все пять пальцев.

– Я не отсекаю себе два пальца, не связал себя окончательно с магией Ладони. Мои силы очень ограничены. Не могу сказать, что сожалею об этом, – я бы никогда не стал герцогом Астибарским, если бы сделал это, учитывая предрассудки и законы, которыми руководствуются здешние чародеи, – но это ограничивает мои возможности. Я могу перенестись туда сам, да, но у меня не хватит сил, чтобы вывести оттуда другого человека. Зато я могу кое-что ему отнести.

– Понимаю, – снова сказал Алессан уже другим тоном. Воцарилось молчание. Он запустил пальцы в растрепанные волосы. – Мне очень жаль, – наконец тихо произнес он.

Лицо герцога оставалось бесстрастным. Его глаза над седой бородой и ввалившимися щеками ничего не выражали. За его спиной треснуло полено в очаге, по комнате разлетелись искры.

– У меня есть одно условие, – сказал Сандре.

– Какое?

– Чтобы вы позволили мне пойти с вами. Я теперь мертв. Отдан Мориан. Здесь, в Астибаре, я не могу ни с кем говорить, ничего не могу добиться. Если я не хочу лишиться всякого смысла неумелую инсценировку собственной смерти, мне следует пойти с вами. Принц Тиганы, примете ли вы в свою свиту немощного чародея? Чародея, который пришел по своей воле, а не из-за легендарной клятвы верности?

Алессан долго молчал, глядя на старика, руки его оставались спокойно опущенными. Потом он неожиданно широко улыбнулся. Эта улыбка напоминала вспышку света, струю тепла, и она растопила лед в комнате.

– Насколько вы привязаны к своей бороде и своим белым волосам? – спросил он совершенно неожиданным тоном.

Через мгновение Дэвин услышал странный звук. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он слышит высокий, с присвистом, искренний смех герцога Астибарского.

– Делайте со мной все, что пожелаете, – ответил Сандре, отсмеявшись. – Что вы собираетесь сделать – выкрасить мои локоны в рыжий цвет, как у этой девушки?

Алессан покачал головой:

– Надеюсь, что нет. Одной такой гривы более чем достаточно для нашей компании. Я оставляю это на усмотрение Баэрда. Я многое оставляю на его усмотрение.

– Тогда отдаю себя в его руки, – сказал Сандре.

Он торжественно поклонился русоголовому великану. Дэвин видел, что Баэрд все это не очень нравится. Сандре тоже это понял.

– Я не стану клясться, – обратился к нему герцог. – Я уже дал одну клятву, когда пришел Альберико, и это будет моей последней клятвой в жизни. Однако скажу, что весь остаток моих дней я буду стремиться к тому, чтобы вы не пожалели об этом. Вас это устроит?

Баэрд медленно кивнул:

– Да.

Слушающий их Дэвин интуитивно ощутил, что этот разговор тоже важен, что они говорят очень серьезно и от чистого сердца. В этот момент он бросил взгляд на Катриану и обнаружил, что та наблюдает за ним. Но она быстро отвернулась и больше на него не смотрела.

– Думаю, мне пора приняться за то, что я хотел сделать. Из-за экранирующего эффекта магии Альберико я должен уйти из этой комнаты и вернуться в нее, но вам вовсе не обязательно проводить ночь среди покойников, какими бы знатными они ни были. У вас есть лагерь в лесу? Могу я найти вас там?

Мысль о магии все еще беспокоила Дэвина, но слова Сандре подсказали ему одну идею, первую по-настоящему ясную мысль с тех пор, как они вошли в охотничий домик.

– Вы уверены, что сможете помешать вашему сыну заговорить? – почтительно спросил он.

– Совершенно уверен, – коротко ответил Сандре.

Дэвин нахмурился:

– Ну тогда нам не угрожает непосредственная опасность. Только вам, милорд. Вас не должны видеть.

– Пока Баэрд с ним не разберется, – вмешался Алессан. – Но продолжай.

Дэвин повернулся к нему:

– Мне бы хотелось попрощаться с Менико и попытаться придумать причину ухода из труппы. Я ему многим обязан. Мне не хочется, чтобы он меня возненавидел.

Алессан задумчиво сказал:

– Он все равно отчасти возненавидит тебя, Дэвин, хоть это и не в его характере. То, что произошло сегодня утром, – это мечта всей жизни такого хозяина труппы, как Менико. И никакое придуманное тобой объяснение не изменит того факта, что он нуждается в тебе для осуществления этой мечты.

Дэвин взволнованно сглотнул. Ему очень не понравилось то, что он услышал, но отрицать правду было невозможно. Пара сезонов с той платой за выступления, которую мог теперь называть Менико, позволили бы старому скитальцу купить гостиницу в Феррате, о которой он мечтал столько лет. Место, как он всегда говорил, где он хотел бы обосноваться, когда бродячая жизнь станет слишком тяжелой для его костей. Где он сможет подавать эль и вино, предлагать постель и еду старым друзьям и новым, проходящим мимо в своих долгих странствиях. Где сможет слушать и пересказывать свежие сплетни и свои любимые старые истории. И где холодными зимними ночами сможет усадить у огня тех, кто окажется у него в гостях, и провести их вместе с собой через все песни, которые ему известны.

Дэвин засунул руки глубоко в карманы штанов. Его охватили неловкость и печаль.

– Мне просто не по душе вот так исчезнуть. Тем более что исчезнем мы все трое. И у нас завтра выступления.

Губы Алессана дрогнули.

– Я, кажется, забыл об этом, – сказал он. – Два выступления.

– Три, – неожиданно поправила Катриана.

– Три, – весело согласился Алессан. – И еще одно на следующий день для Гильдии торговцев шерстью. И еще я вспомнил – меня ждет внушительный выигрыш в «Паэлионе», где я заключил пари.

Это замечание вполне предсказуемо вызвало ворчание Баэрда:

– Ты всерьез полагаешь, что Праздник Виноградной Лозы продолжится как ни в чем не бывало после того, что случилось этой ночью? Хочешь вернуться в Астибар и играть, как будто ничего не случилось? Музыка? Я уже прежде ходил с тобой по этой дороге, Алессан. Мне она не нравится.

– На самом деле я совершенно уверен, что Праздник будет продолжаться. – Это сказал Сандре. – Альберико прежде всего очень осторожен. Думаю, сегодняшняя ночь удвоит эту осторожность. Он позволит людям отпраздновать, даст жителям дистрады разъехаться по домам, а потом нанесет удар. Но только по тем трем семьям, которые были представлены здесь, как я подозреваю. Откровенно говоря, я бы и сам так поступил.

– Налоги? – спросил Алессан.

– Возможно. Он поднял их после попытки отравления, но то было другое дело. Попытка убийства в общественном месте. У него не было большого выбора. Думаю, на этот раз он сузит поле деятельности: у него хватит колес для всех членов этих трех семейств.

Дэвина смутило то, как небрежно герцог рассуждает о подобных вещах. Ведь речь шла о его родственниках. Его старший сын, внуки, племянники, племянницы, двоюродные братья и сестры – все станут жертвами барбадиорских колес смерти. Дэвин спросил себя, станет ли он когда-либо столь же циничным. Ожесточит ли его до такой же степени то, что началось сегодня. Он попытался представить себе своих братьев на колесах смерти в Азоли, но его воображение с ужасом отвергло саму подобную попытку. Он незаметно сделал знак, отводящий беду.

Правда была в том, что его расстроили даже мысли о Менико, а ведь тут речь шла лишь о потере этим человеком денег, не более. Люди все время переходят из одной трупы в другую. Или уходят, чтобы организовать собственные трупы. Или совсем бросают бродячую жизнь и выбирают дело более безопасное. Найдутся те, кто будет ожидать, что после сегодняшнего успеха он уйдет. Эта мысль должна была бы утешить его, но не утешила. Почему-то Дэвину очень не хотелось, чтобы выглядело так, будто они правы.

Тут ему в голову пришло еще кое-что.

– Не покажется ли несколько странным, если мы исчезнем сразу же после утреннего отпевания? После раскрытия заговора против Альберико? Мы теперь неким образом связаны с семьей Сандрени. Следует ли привлекать к себе внимание подобным образом? Едва ли наше исчезновение останется незамеченным.

Почему-то он обратился к Баэрду. И через секунду был вознагражден коротким, серьезным кивком в знак признания его правоты.

– Этот довод я принимаю, – сказал Баэрд. – Это разумно, хоть мне и не хочется это признавать.

– В этом достаточно здравого смысла, – согласился Сандре. Дэвин слегка поежился под пристальным взглядом его черных запавших глаз. – Вы двое, – герцог махнул рукой в сторону Дэвина и Катрианы, – еще можете оправдать в моих глазах ваше поколение.

На этот раз Дэвин не взглянул на девушку. Вместо этого его взгляд метнулся в угол, где возле второго, угасающего, очага лежал внук Сандре, чье горло было перерезанно фамильным кинжалом.

Алессан прервал молчание, нарочно кашлянув.

– Есть и совершенно другой аргумент, – сказал он странным тоном. – Только те, кто провел под открытым небом столько же ночей, сколько я, могут по достоинству оценить глубину моего стремления переночевать в мягкой постели. Короче говоря, – закончил он с ухмылкой, – твое красноречие переубедило меня, Дэвин. Веди меня обратно в гостиницу к Менико. Даже

общая постель с двумя игроками на сирийне, которые храпят в относительной гармонии друг с другом, для меня гораздо привлекательней ночевки на холодной земле рядом со сравнительно тихим Баэрдом.

Баэрд наградил его суровым взглядом. Но Алессан легко пережил это.

– Я воздержусь, – мрачно ответил Баэрд, – от рассказа о твоих собственных ночных привычках. Я останусь здесь один ждать возвращения герцога Сандре. Сегодня ночью нам надо сжечь этот домик, по очевидным причинам. В противном случае слуги обнаружат исчезновение покойника, когда вернутся сюда утром. Будем ждать вас троих у тайника через три утра после нынешнего, так рано, как вы сможете встать с ваших подушек. При условии, – прибавил он с сарказмом, – что изнеженная городская жизнь не лишит вас возможности найти тайник.

– Я найду, если он заблудится, – сказала Катриана.

Алессан перевел взгляд с одного на другую с оскорбленным выражением лица.

– Это несправедливо, – запротестовал он. – Это же просто музыка. Вы оба это знаете.

Дэвин не знал. Алессан продолжал смотреть на Баэрда:

– Ты знаешь, что я возвращаюсь только ради музыки.

– Конечно знаю, – мягко ответил Баэрд. Выражение его лица изменилось. – Боюсь только, что однажды музыка погубит нас обоих.

Перехватив взгляд, которым они обменялись, Дэвин узнал – в ночь, когда на него и так обрушилось больше, чем он мог осмыслить, – нечто новое и неожиданное о чувствах, связывающих людей, и о любви.

– Идите, – нахмурившись, приказал Баэрд, так как Алессан все еще колебался. – Встретимся после Праздника. У тайника. Но не ждите, что вы нас узнаете, – прибавил он.

Алессан вдруг улыбнулся, и через мгновение Баэрд тоже позволил себе улыбнуться. Улыбка совершенно изменила его лицо. Баэрд нечасто улыбается, понял Дэвин.

Он все еще раздумывал над этим, шагая вслед за Алессаном и Катрианой к выходу и дальше, в темноту леса.

Глава VI

Случилось так, что долгая дорога того дня и той ночи все-таки не привела их обратно в гостиницу.

Они втроем вернулись через лес к тракту из Астибара в Ардин. Шли молча по дороге под осенними звездами, в лесу громко пели цикады. Дэвин радовался, что надел шерстяную рубаху: стало холодно, возможно, выпадет иней.

Странно было идти по лесу так поздно, в темноте. Когда они путешествовали с Менико, тот всегда старался еще до ужина найти для труппы ночлег. Несмотря на то что оба тирана принимали жесткие меры против воров и разбойников, порядочные люди не рисковали передвигаться по дорогам Ладони ночью.

Такие люди, к каким Дэвин сам принадлежал еще сегодня утром. Ему ничто не угрожало, он занимал свое место в жизни и имел свое призвание, даже добился, как это ни невероятно, триумфа. Он стоял на пороге подлинного успеха. А сейчас шагает по дороге во тьме, отказавшись от всех подобных перспектив и безопасной жизни, дал клятву, которая сделала его кандидатом на колесо смерти в Кьяре, если не здесь. Собственно, и там, и здесь, если Томассо бар Сандре заговорит.

Это было странное, неуютное чувство. Он доверял людям, к которым присоединился, доверял даже этой девушке, если на то пошло, но он их не слишком хорошо знал. Не так, как узнал Менико или Эгано за эти годы.

Ему пришло в голову, что то же самое можно сказать и о деле, за которое он поклялся сражаться: он и Тиганы не знал, чего и добивался Брандин Игратский своим колдовством. Дэвин менял свою жизнь на историю, рассказанную под луной, на песню из детства, на память о своей матери, на почти чистую абстракцию. На имя.

Он был достаточно честен, чтобы спросить себя, пошел ли он на это в поисках приключений – поддавшись обаянию романтического ореола, окружавшего Алессана, Баэрда и старого герцога, – или ради тех глубоких, старых боли и горя, о которых услышал сегодня в лесу. Он не знал ответа. Не знал, насколько сильно повлияла на его решение Катриана, или его отец, или гордость, или звук голоса Баэрда, повествующего в ночи о своей потере.

Правда заключалась в том, что если Сандре д'Астибар, как обещал, не даст сыну заговорить, то ничто не сможет помешать Дэвину жить так же, как он прожил последние шесть лет. Добиваться триумфа и наград, которые ждут его в будущем. Он покачал головой. Поразительно, но этот путь – странствовать с Менико по дорогам, выступать по всей Ладони, вести ту жизнь, которую вел до сегодняшнего утра, – теперь казался ему почти невыносимым, словно он уже очутился по другую сторону некой бездонной пропасти. Дэвин спрашивал себя, как часто люди совершают поступки, делают жизненно важный выбор по причинам ясным и простым, которые легко понять.

Его внезапно вывел из задумчивости Алессан, предостерегающе поднявший руку. Не говоря ни слова, все трое снова скользнули под деревья у дороги. Через мгновение на западе показался мелькающий свет факела, и Дэвин услышал грохот приближающейся повозки. Послышались голоса, мужской и женский. Гуляки, поздно возвращающиеся домой, догадался он. Праздник действительно продолжался. В некотором смысле это начинало казаться еще одной несообразностью. Они ждали, пока проедет повозка.

Но этого не случилось. Мягко шлепнули и звякнули поводья, лошадь остановилась прямо у того места, где они спрятались. Кто-то соскочил на землю, потом они услышали, как отпирают цепь на воротах.

– Я слишком уж снисходителен, – пожаловался мужской голос. – Каждый раз, когда я смотрю на это подобие герба, вспоминаю, что мне следовало заказать эскиз мастеру. Есть же пределы, или должны быть, тому, что позволяет отец!

Дэвин одновременно узнал это место и этот голос. Повинуясь импульсу, стремлению вернуться назад, к обычному и знакомому, после того, что произошло ночью, он вскочил.

– Доверьтесь мне, – шепнул он в ответ на взгляд Алессана. – Это друг.

Потом вышел на дорогу.

– А я считаю, что герб красивый, – четко произнес он. – Лучше, чем у многих художников. И, сказать по правде, Ровиго, я помню, как вы говорили мне то же самое вчера днем в «Птице».

– Я знаю этот голос, – мгновенно ответил Ровиго. – Я знаю этот голос и чрезвычайно рад его слышать – хотя ты только что разоблачил меня перед сварливой женой и дочерью, которая слишком давно стала сущим наказанием для несчастного отца. Дэвин д'Азоли, если не ошибаюсь.

Он отошел от ворот и снял с повозки фонарь. Дэвин услышал, как с облегчением рассмеялись две женщины в повозке. За ним на дорогу вышли Алессан и Катриана.

– Вы не ошиблись, – ответил Дэвин. – Разрешите представить вам двоих моих товарищей по труппе: Катриана д'Астибар и Алессан ди Тригия. Это Ровиго, тот купец, с которым я вчера распивал бутылку в изысканной обстановке, прежде чем Катриана организовала на меня нападение и меня вышвырнули прочь.

– А! – воскликнул Ровиго, поднимая фонарь повыше. – Сестра!

Катриана, освещенная пятном света, улыбнулась с притворной скромностью.

– Мне необходимо было с ним поговорить, – объяснила она. – Но не очень-то хотелось заходить в это заведение.

– Мудрая и предусмотрительная женщина, – одобрил Ровиго с усмешкой. – Моему бы выводку дочерей хоть половину вашего ума. Никому не может захотеться зайти в «Птицу», – прибавил он, – если только он не страдает настолько сильной простудой, что потерял всякое обоняние.

Алессан расхохотался.

– Приятная встреча на темной дороге, мастер Ровиго, тем более приятная, если это вы хозяин судна под названием «Морская Дева».

Пораженный Дэвин заморгал.

– Действительно, я имею несчастье владеть этой старой развалиной и плавать на ней, – весело признался Ровиго. – Откуда вам это известно, друг?

Алессан, казалось, очень забавляется.

– Потому что меня просили разыскать вас, если смогу. У меня для вас известия из Феррата. От несколько полноватого краснолицего мученика по имени Тачио.

– Мой уважаемый агент из Феррата! – воскликнул Ровиго. – Действительно, приятная встреча! Но где вы его встретили?

– Тоже в таверне, должен с сожалением признать. В таверне, где я выступал, а он... ну, по его собственному выражению, спасался от возмездия. Мы двое по случайности оказались последними клиентами в тот вечер. Он не слишком спешил вернуться домой, что было, на мой взгляд, вполне предусмотрительно, и мы разговорились.

– С Тачио разговориться нетрудно, – согласился Ровиго. Дэвин услышал с повозки смех. Это не был смех нудной дочери, которую никто не берет замуж. Он начинал правильно оценивать отношение Ровиго к своим женщинам. И невольно улыбнулся в темноте.

– Достойный Тачио, – сказал Алессан, – объяснил мне свое затруднение, и когда я упомянул о том, что только что поступил в труппу Менико ди Феррата и направляюсь сюда на

Праздник, он поручил мне разыскать вас и устно передать подтверждение тому, что написано в письме, по его словам, посланном вам.

– Полдюжине писем, – застонал Ровиго. – Так каково же это устное подтверждение, друг Алессан?

– Добрый Тачио поручил мне сказать вам и поклясться милостью Триады и тремя пальцами Ладони, что это правда, – голос Алессана безупречно пародировал интонации гонца из театрального представления, – что, если новая кровать не прибудет из Астибара до зимних заморозков, Дракон, спящий рядом с ним тревожным сном, проснется в гневе, и его жизнь, отданная на службу вашей милости, закончится насильственной смертью.

Из тени, где стояла повозка, донесся смех и аплодисменты. Мать, решил Дэвин, продолжая прежнюю мысль, даже отдаленно не напоминает сварливую женщину.

– Эанна и Адаон, которые вместе благословляют браки, не допустят, чтобы такое произошло, – благочестиво произнес Ровиго. – Кровать заказана, и изготовлена, и готова к отправке сразу же по завершении Праздника.

– И Дракон будет спать спокойно, и Тачио будет спасен, – нараспев произнес Алессан звучным голосом, каким произносят «мораль» в конце детского кукольного представления.

– И чем это вас всех так запугала бедная Ингонида, не могу понять, – донесся из повозки мягкий, смеющийся женский голос. – Ровиго, разве сегодня ночью мы окончательно забыли о вежливости? Будем и дальше держать этих людей на холоде и в темноте?

– Ни за что, любимая! – поспешно воскликнул ее муж. – Аликс, лишь привидевшийся образ разгневанной Ингониды затуманил мой ум. – Дэвин обнаружил, что никак не может перестать улыбаться; даже лицо Катрианы, заметил он, потеряло обычное выражение высокомерного безразличия.

– Вы возвращались в город? – спросил Ровиго.

Первый скользкий момент – и Алессан предоставил ответ Дэвину.

– Да, – сказал Дэвин. – Мы совершили долгую прогулку, чтобы освежить головы и сбежать от шума, но уже готовы были снова бросить вызов городу.

– Воображаю, как вам троим весь вечер досаждали поклонники, – сказал Ровиго.

– Действительно, кажется, мы добились определенной популярности, – признался Алессан.

– Ну, – серьезно произнес Ровиго, – шутки в сторону, я вполне могу понять, что вы захотели снова присоединиться к веселью – оно еще не достигло наивысшей точки, когда мы уехали. Оно будет продолжаться всю ночь, конечно, но признаюсь, я не люблю оставлять младших одних слишком поздно, а моя несчастная старшая дочь, Алаис, от перевозбуждения начинает дергаться и падать в обморок.

– Как это грустно, – ответил Алессан без следа улыбки.

– Отец! – раздался мягкий, но настойчивый протест с повозки.

– Ровиго, перестань сейчас же, а не то я вылью на тебя воду из умывального таза, пока ты будешь спать, – заявила ее мать, но, как отметил Дэвин, в ее голосе не было настоящего гнева.

– Видите, как обстоят дела? – Купец выразительно взмахнул свободной рукой. – Меня преследуют даже во сне, никакого покоя. Но если вас не окончательно запугала достойная порицания сварливость моих женщин и перспектива встретить еще трех, почти столь же вредных, в доме, тогда добро пожаловать, смиренно предлагаю вам поужинать и выпить в более спокойной обстановке, чем ждет вас сегодня ночью в Астибаре.

– И если сделаете нам честь и останетесь ночевать, предлагаем вам три постели, – прибавила Аликс. – Мы слышали, как вы играли и пели сегодня утром на похоронах герцога. И сочтем за честь, если вы присоединитесь к нам.

– Вы были во дворце? – спросил удивленный Дэвин.

– Нет, – пробормотал Ровиго тоном самоосуждения. – Мы были на улице за стеной, в толпе. – Он заколебался. – Я испытывал к Сандре д’Астибару большое уважение и восхищался им. Земли Сандрени лежат к востоку от моего маленького имения – вы только что прошли мимо его леса. Он до самого конца оставался очень необременительным соседом. Мне хотелось послушать ритуальные песнопения в его честь, а когда я узнал, что мой только что обретенный юный друг и его труппа были отобраны для исполнения этих обрядов, ну... Так вы зайдете к нам?

На этот раз Дэвин предоставил право ответа Алессану.

Белые зубы Алессана сверкнули в темноте, и он сказал, все еще забавляясь происходящим:

– Мы даже не подумали бы отказаться от столь любезного приглашения! Это позволит нам выпить за благополучное путешествие новой кровати Тачио и за спокойный сон его Дракона!

– Ох, бедная Ингонида, – отозвалась Аликс с повозки, безуспешно пытаясь сдержать смех, – вы все так несправедливы!

В доме их ждали свет, тепло и несмолкающий смех. Еще там были три, несомненно, привлекательные девушки, имена которых слишком быстро пролетели мимо ушей Дэвина в вихре восклицаний и раздумывавшихся щек. Кроме одного.

Алаис, старшая дочь купца, отличалась от сестер. Она оказалась невысокой, стройной и серьезной. У нее были длинные, совершенно прямые черные волосы и глаза самого нежного голубого цвета, какой когда-либо приходилось видеть Дэвину. Рядом с ней взгляд голубых глаз Катрианы горел еще большим вызовом, чем обычно, а ее спутанные рыжие волосы более всего походили на гриву льва.

Настойчивые голоса и руки женщин усадили гостей в чрезвычайно удобные кресла в гостиной, обставленной мебелью в зеленых и золотистых тонах. В огромном деревенском очаге пылал огонь, прогоняя осенний холод. Пол устилал большой ковер с квилейским узором, который узнал даже неопытный глаз Дэвина. Семнадцатилетняя дочь Ровиго – Селвена, подсказала память, – грациозно опустилась на ковер у ног Дэвина. Она посмотрела на него снизу вверх и улыбнулась. Катриана, усаживаясь поближе к огню, бросила на него быстрый иронический взгляд, который он предпочел проигнорировать. Алаис пока находилась где-то в другом месте, помогая матери.

В этот момент из задней комнаты снова появился Ровиго, раскрасневшийся и торжествующий, с тремя бутылками в руках.

– Надеюсь, – сказал он, улыбаясь им во весь рот, – что всем вам нравится вкус астибарского голубого вина?

Для Дэвина этот простой вопрос окутал благожелательной аурой судьбы его импульсивный шаг там, в темноте. Он бросил взгляд на Алессана и получил в ответ странную улыбку, которая, как ему показалось, говорила о многом.

Ровиго начал быстро откупоривать бутылки и разливать вино.

– Если кто-то из этих несчастных женщин вам докучает, – бросил он через плечо, – не стесняйтесь, гоните их прочь, как кошек.

Из каждого бокала поднималась струйка голубоватого дыма.

Селвена тщательно расправила вокруг себя подол платья, с такой легкостью пропустив мимо ушей насмешку отца, что стала очевидна ее давняя привычка к подобным вещам. Вошла ее мать – аккуратная, подтянутая, быстрая, до смешного не соответствующая тому, как ее описал Ровиго в «Птице», – вместе с Алаис и пожилой служанкой. Очень быстро буфет был уставлен самой разнообразной едой.

Дэвин принял у Ровиго бокал вина и наслаждался его чистым, как лед, букетом. Он откинулся на спинку кресла и приготовился в ближайшее время испытывать глубокое удовлетворение. Селвена встала, повинувшись взгляду матери, но только для того, чтобы наполнить едой тарелку для Дэвина. Она принесла ее обратно, улыбнулась и снова устроилась на ковре, немного ближе, чем прежде. Алаис подала еду Алессану и Катриане, а две другие дочери устроились у ног отца. Он с притворной свирепостью шлепнул каждую из них.

Дэвин сомневался, видел ли он когда-нибудь человека, столь откровенно довольного тем, где он находится. Наверное, это отразилось в его ироническом взгляде, так как Ровиго, поймав этот взгляд, пожал плечами.

– Дочери, – пожаловался он, грустно качая головой.

– Пастух с пастбищ Чертандо, – напомнил ему Дэвин, многозначительно глядя на жену купца.

Ровиго поморщился. Аликс, у глаз которой собрались лукавые морщинки, их услышала.

– Он опять болтал, да? – спросила она, склонив голову к плечу. – Сейчас угадаю: я похожа на слонику и у меня чудовищно злобный характер, а эти четыре девочки настолько уродливы, что из них не получилось бы и одной более-менее приличной невесты. Я права?

Расхохотавшись, Дэвин повернулся к Ровиго и увидел, что тот, ничуть не смущаясь, с гордостью улыбается своей жене.

– Совершенно точно, – ответил Дэвин Аликс, – но должен сказать в его защиту, что я никогда не слышал, чтобы о подобных недостатках рассказывали таким счастливым голосом.

И был вознагражден коротким смехом Аликс и восхитительно серьезной улыбкой Алаис, занятой у буфета.

Ровиго поднял бокал и стал описывать им маленькие круги, рисуя в воздухе узоры ледяным «дымом».

– Вы выпьете вместе со мной в память о нашем герцоге и во славу музыки? Я не люблю произносить пустые тосты, когда пью голубое вино.

– Я тоже, – тихо ответил Алессан. И поднял свой бокал. – За память, – с расстановкой произнес он. – За Сандре д’Астибара. За музыку. – Потом тихо прибавил что-то еще и сделал глоток из своего бокала.

Дэвин всего в третий или четвертый раз в жизни пробовал астибарское холодное голубое вино, отличающееся поразительно богатым и сложным букетом. Ничего подобного не производили нигде на Ладони. И его цена отражала этот факт. Он поднял взгляд и отсалютовал Ровиго бокалом.

– За всех вас, – внезапно сказала Катриана. – За доброту на темной дороге. – Она улыбнулась улыбкой, в которой не было ни капли насмешки. Дэвин удивился, но потом решил, что это несправедливо с его стороны.

«Не на той дороге, по которой я иду», – сказала она во дворце Сандрени. И теперь он мог понять ее слова. Потому что он тоже в конце концов очутился на этой дороге, несмотря на то, что она сделала, чтобы не пустить его туда. Он попытался поймать ее взгляд, но ему это не удалось. Катриана беседовала с Аликс, которая теперь сидела рядом с ней. Дэвин задумался и занялся едой.

Через несколько мгновений Селвена легонько прикоснулась к его ноге.

– Вы споете для нас? – спросила она с восхитительной улыбкой. Руку она не убрала. – Алаис вас слышала, и родители, но мы весь день оставались дома.

– Селвена! – Мать и старшая сестра одновременно резко ее одернули. Селвена вздрогнула, словно ее ударили, но Дэвин заметил, что повернулась она к отцу, прикусив губу. Он серьезно смотрел на нее.

– Дорогая, – сказал Ровиго голосом, который сильно отличался от того шутивого тона, которым он говорил раньше, – тебе надо кое-чему научиться. Наши друзья музыкой зарабаты-

вают себе на жизнь. Сегодня они наши гости. Гостей не просят, свет моей жизни, работать в доме хозяев.

Глаза Селвены наполнились слезами. Она опустила голову.

Тем же серьезным тоном Ровиго обратился к Дэвину:

– Ты примешь мои извинения? У нее были лишь добрые намерения, могу тебя в этом уверить.

– Я знаю, – возразил Дэвин. Селвена тихо шмыгала носом у его ног. – Нет никакой нужды извиняться.

– И правда, никакой, – прибавил Алессан, отставив в сторону тарелку с едой. – Мы действительно зарабатываем себе на жизнь музыкой, но еще мы играем и поем потому, что в музыке наша истинная жизнь. Играть среди друзей – это не работа, Ровиго.

Селвена вытерла глаза и с благодарностью посмотрела на него снизу вверх.

– Мы с радостью споем, – сказала Катриана. Она бросила быстрый взгляд на Селвену. – Если, конечно, ты имела в виду не одного Дэвина.

Дэвин поморщился, хотя этот выпад не был направлен против него. Селвена снова вздрогнула, во второй раз за такое короткое время сильно смутившись. Дэвин краем глаза заметил промелькнувшее на лице Алаис загадочное выражение.

Селвена начала искренне возражать, что она имела в виду всех троих. Алессана, казалось, забавлял весь этот разговор. Глядя на него, Дэвин внезапно понял, что этот раскованный, общительный человек, скорее всего, не менее близок к истинной сути принца Тиганы, чем тот надменный, уверенно отдающий распоряжения мужчина, которого он видел в лесном домике.

Это его способ убежать от действительности, решил Дэвин. И не успела эта мысль родиться в его мозгу, как он уже знал, что это правда. Он слышал, как этот человек играл «Плач по Адаону».

– Ну, – с улыбкой обратился Ровиго к Катриане, – если вы так добры, что поощряете этого бессовестного ребенка, которого я со стыдом признаю своим, то у меня в доме найдется триггиская свирель – одной Триаде известно, откуда она у меня. Кажется, я припоминаю, что это был каприз любящего отца, который вообразил, что у одного из этих созданий может открыться хоть какой-нибудь талант.

Аликс, сидевшая в нескольких шагах от него, изобразила, как бьет мужа ложкой. Ничуть не смутившись, Ровиго, который снова пришел в хорошее настроение, послал младшую дочь принести свирель, а сам принялся заново наполнять бокалы.

Дэвин поймал на себе взгляд Алаис, сидящей у очага. И машинально улыбнулся ей. Она не ответила на его улыбку, но не отвела глаз, мягких и серьезных. Дэвин со смущением почувствовал, как его сердце на мгновение сбилось с ритма.

Вот так получилось, что после ужина они с Катрианой больше часа пели под аккомпанемент свирели Алессана. Однако где-то посередине, когда они затянули одну из захватывающих старинных баллад горцев Чертандо, Ровиго ненадолго вышел и вернулся с парой барабанов из Сенцио. Сперва застенчиво, очень тихо он присоединился к ним во время рефрена, проявляя такое же мастерство, как и во всех делах, за которыми Дэвин видел его. Катриана наградила его особенно ослепительной улыбкой. В большем одобрении Ровиго не нуждался, он исполнил вместе с ними еще одну песню, и еще одну.

Ни один мужчина, подумал Дэвин, не нуждался бы в большем одобрении, чем взгляд этих голубых глаз, чтобы совершить все что угодно. Не то чтобы Катриана когда-либо одаривала его взглядом, хотя бы отдаленно напоминающим этот. Он вдруг почувствовал себя несколько сконфуженным.

Кто-то – видимо, Алаис – наполнил его бокал в третий раз. Он выпил его быстрее, чем следовало бы, учитывая легендарную крепость голубого вина, а потом его голос повел за собой

остальных в следующей песне, последней для двух младших девочек, как постановила Аликс, невзирая на протесты.

Дэвин не мог петь о Тигане и, уж конечно, не собирался петь о страсти или любви, поэтому начал очень древнюю песню о том, как Эанна сотворила звезды и запечатлела имя каждой из них в своей памяти, чтобы ничто не было забыто или потеряно в глубинах пространства и времени.

Только так он мог выразить то, чем стала для него эта ночь и почему в конце концов он сделал такой выбор.

Начиная петь, он поймал брошенный на него взгляд Алессана, задумчивый и все понимающий, и быстрый, загадочный взгляд Катрианы, когда они подхватили песню. На этот раз барабаны Ровиго молчали, а купец слушал. Дэвин видел, что Алаис серьезно и сосредоточенно наблюдает за ним, ее черные волосы были подсвечены сзади огнем камина. Он спел один куплет, обращаясь прямо к ней, а потом, как требовала песня, обратил свой взор внутрь, туда, где всегда жила его самая чистая музыка, и больше ни на кого не смотрел, потому что пел для самой Эанны, гимн именам и присвоению имен.

Где-то посередине песни перед его мысленным взором возник яркий образ бело-голубой звезды по имени Микаэла, плывущей в черной ночи, и он позволил охватившему его пронзительному ощущению унести его высоко в небеса, слившись с голосом Катрианы, а затем мягко спустить обратно к финалу.

В тишине созданного песней настроения Селвена и две младшие девочки отправились спать на удивление спокойно. Через несколько мгновений Аликс встала, и Алаис, к разочарованию Дэвина, тоже поднялась.

В дверях она оглянулась и посмотрела на Катриану.

– Наверное, вы очень устали, – сказала дочь Ровиго. – Если хотите, я могу проводить вас в вашу комнату. Надеюсь, вы не станете возражать против моего соседства. Обычно я сплю с Селвеной, но сегодня она ночует с девочками.

Дэвин ожидал от Катрианы возражений или чего похуже в ответ на эту совершенно откровенную попытку отделить мужчин от женщин. Однако она его снова удивила, поколебавшись всего мгновение и затем встав.

– Я действительно устала и ничуть не возражаю против соседства, – ответила она. – Это напомнит мне о доме.

Дэвин, улыбавшийся и находивший эту ситуацию ироничной, внезапно почувствовал, что его улыбка несколько неуместна. Но Катриана уже заметила его ухмылку, и ему вдруг захотелось, чтобы этого не произошло. Конечно, она его не так поняла. Ощущая нереальность происходящего, он подумал о том, что сегодня утром они занимались любовью.

Некоторое время после ухода женщин трое мужчин сидели молча, погруженные каждый в свои мысли. Наконец Ровиго поднялся и наполнил бокалы остатками вина. Подбросил в огонь еще полено и проследил, чтобы оно занялось. Потом со вздохом снова уселся в кресло. Играя своим бокалом, он переводил взгляд с одного гостя на другого.

Молчание нарушил Алессан:

– Дэвин – наш друг, – тихо произнес он. – Мы можем поговорить, Ровиго. Хотя, боюсь, он сейчас очень на нас обоих рассердится.

Дэвин резко выпрямился и отставил бокал. Ровиго с лукавой улыбкой на губах бегло взглянул на него, потом спокойно посмотрел на Алессана.

– А я-то удивлялся, – сказал он. – Хотя и заподозрил, что он теперь с нами, учитывая все обстоятельства.

Алессан тоже улыбнулся. Оба они повернулись к Дэвину.

Тот почувствовал, что краснеет. Его мозг лихорадочно перебирал события предшествующего дня. Он сердито посмотрел на Ровигу.

– Вы не случайно нашли меня в «Птице». Вас послал Алессан. Вы его за мной послали, да? – укоризненно спросил он, поворачиваясь к принцу.

Двое мужчин переглянулись, потом Алессан ответил:

– Послал. У меня зародилось подозрение, что приближается время прощальных обрядов для Сандре д'Астибара и что нас могут пригласить на прослушивание. Я не мог позволить себе потерять твой след, Дэвин.

– Боюсь, что вчера прошел за тобой большую часть пути по Храмовой улице, – прибавил Ровигу. У него хватило великодушия принять смущенный вид.

Дэвин кивнул. Однако он все еще сердился и был сбит с толку.

– Значит, вы солгали насчет «Птицы». Все эти разговоры насчет того, что приходите туда всякий раз, как возвращаетесь из плавания...

– Нет, это как раз правда, – ответил Ровигу. – Все, что я говорил, правда, Дэвин. Когда ты спустился к берегу, то оказался в заведении, которое мне очень хорошо знакомо.

– А Катриана? – сердито настаивал Дэвин. – Как насчет нее? Как она...

– Я заплатил мальчику и послал его в вашу гостиницу с сообщением, когда увидел, что старый Горо позволил тебе остаться в «Птице». Дэвин, не сердись. Все это было сделано с определенной целью.

– Верно, – подтвердил Алессан. – Теперь ты уже должен кое-что понимать. То, что мы с Катрианой оказались в Астибаре с трупой Менико, имело одну причину: я хотел увидеть, что произойдет после смерти Сандре.

– Погодите минутку! – воскликнул Дэвин. – После смерти Сандре? Откуда вы узнали, что он умрет?

– Мне сообщил Ровигу, – просто ответил Алессан. Он немного помолчал, давая Дэвину время осознать эту мысль. – Он уже девять лет мой человек в Астибаре. Девять лет назад он произвел на меня такое же впечатление, как на тебя вчера, и почти так же быстро.

Голова у Дэвина шла кругом, он посмотрел на купца, случайного друга, с которым познакомился за день до этого. Который оказался вовсе не таким уж случайным. Ровигу поставил на стол свой бокал.

– Я так же ненавижу тиранов, как и ты, – тихо сказал он. – Альберико и Брандина Игратского, правящего в Кьяре, Корте, Азоли и в той провинции, из которой родом Алессан и чье имя я не могу ни услышать, ни запомнить, как ни стараюсь.

Дэвин сглотнул.

– А герцог Сандре? – спросил он. – Как вы узнали?

– Я за ними шпионил, – спокойно ответил Ровигу. – Это было несложно. Я следил за приездами и отъездами Томассо. Они полностью сосредоточились на Альберико, я был их соседом здесь, в дистраде, а проскользнуть на их земли достаточно легко. Я узнал об обмане Томассо много лет назад, и хотя не могу сказать, что горжусь этим, но в прошлом году я провел под их окнами в поместье и возле охотничьего домика много ночей, пока они обсуждали детали смерти Сандре.

Дэвин бросил быстрый взгляд на Алессана. Открыл рот, чтобы что-то сказать, потом, не произнеся ни слова, закрыл его.

Алессан кивнул:

– Спасибо, – сказал он и повернулся к Ровигу: – Здесь, как и раньше, есть кое-что, о чем тебе лучше не знать ради собственной безопасности и безопасности твоей семьи. Думаю, ты уже понял, что дело не в доверии или в чем-то подобном.

– За девять лет я это понял, – пробормотал Ровигу. – А что мне следует знать о том, что произошло сегодня ночью?

– Альберико приехал как раз после того, как я присоединился к Томассо и другим господам в охотничьем домике. Баэрд и Катриана предупредили нас, и я успел спрятаться – вместе с Дэвином, который добрался до охотничьего домика самостоятельно.

– Самостоятельно? Как? – резко спросил Ровиго.

Дэвин поднял голову.

– У меня есть собственные источники, – с достоинством произнес он. Краем глаза заметил ухмылку Алессана и вдруг почувствовал себя смешным. И робко прибавил: – Я подслушал разговор семьи Сандрени наверху, в перерыве между ритуальными песнопениями.

Похоже было, что у Ровиго есть еще пара-тройка вопросов, но, взглянув на Алессана, он воздержался. Дэвин был ему за это благодарен.

– Когда мы после вернулись в домик, – продолжал Алессан, – то нашли только трупы. Томассо увезли. Баэрд остался там, ему еще надо многое сделать в этом домике. Позже он его подожжет.

– Мы встретили барбадиоров при выезде из города, – тихо произнес Ровиго, осознавая случившееся. – Я видел с ними Томассо бар Сандре. И испугался за вас, Алессан.

– И не без оснований, – сухо ответил Алессан. – Там оказался осведомитель. Мальчик, Херадо, сын Джиано, состоял на службе у Альберико.

Ровиго был шокирован.

– Член семьи? Да обречет его за это Мориан на вечную тьму! – хриплым голосом воскликнул он. – Как он мог так поступить?

Алессан характерным жестом слегка пожал плечами.

– Многое рухнуло с тех пор, как появились тираны, вы не находите?

Воцарилось молчание, пока Ровиго старался справиться с потрясением и яростью. Дэвин нервно кашлянул и прервал молчание:

– А ваша семья, – спросил он, – они...

– Они ничего не знают, – ответил купец, успокоившись. – Ни Аликс, ни девочки никогда не видели Алессана и Катриану до сегодняшней ночи. Я встретил Алессана и Баэрда в Тригии девять лет назад, и за долгую ночь мы обнаружили, что у нас есть общие мечты и общие враги. Они рассказали мне кое-что о своих целях, и я сказал им, что хочу помочь их осуществить, насколько это в моих силах, не подвергая излишнему риску мою жену и дочерей. Я старался это делать. И буду продолжать. Надеюсь прожить достаточно долго, чтобы услышать ту клятву, которую Алессан произносит, когда пьет голубое вино.

Последние слова он произнес тихо, но страстно. Дэвин посмотрел на принца, вспомнив неслышные слова, которые тот пробормотал себе под нос перед тем, как выпить вино.

Алессан в упор смотрел на Ровиго:

– Есть еще одна вещь, которую тебе следует знать: Дэвин – один из нас в более глубоком смысле, чем лежит на поверхности. Я узнал об этом случайно вчера днем. Он тоже родился в моей провинции до ее падения. Вот почему он здесь.

Ровиго ничего не ответил.

– Что это за клятва? – спросил Дэвин. А потом, более почтительно, прибавил: – Это нечто такое, о чем мне следует знать?

– Ничего такого, что имело бы значение для расстановки сил. Я всего лишь произношу собственную молитву. – Голос Алессана звучал тихо и очень четко. – Я делаю это всегда. Я говорю: «Тигана, пусть память о тебе будет клинком в моем сердце».

Дэвин закрыл глаза. Эти слова и этот голос. Все молчали. Дэвин открыл глаза и посмотрел на Ровиго.

Его лоб от яростного напряжения прорезали морщины.

– Друг мой, Дэвин должен это понять, – мягко сказал ему Алессан. – Это часть того наследия, которое он принял. Что ты услышал из моих слов?

Ровигу в беспомощном отчаянии махнул рукой:

– То же самое, что и в первый раз. В ту ночь, девять лет назад, когда мы перешли к голубому вину. Я слышал, как ты попросил, чтобы память о чем-то была клинком в тебе. В твоём сердце. Но я не слышал... Я снова потерял начало. То слово.

– *Тигана*, – снова произнес Алессан. Нежно, четко, словно зазвенел хрусталь.

Но Дэвин увидел, что выражение лица Ровигу стало еще более расстроенным. Купец взял свой бокал и выпил его до дна.

– Пожалуйста, еще раз.

– Тигана, – сказал Дэвин раньше, чем заговорил Алессан, чтобы сделать это наследие, это горе, лежащее в основе всего, еще больше своим, потому что оно и было его собственным. Потому что это была его земля, и ее имя было частью его собственного имени, и оба были потеряны. Отняты.

– Пусть память о тебе будет клинком в моем сердце, – произнес он, и голос его в конце дрогнул, хотя он изо всех сил старался говорить так же твердо, как Алессан.

Измученный, сбитый с толку, явно расстроенный, Ровигу покачал головой.

– И за этим стоит колдовство Брандина? – спросил он.

– Да, – ровным голосом ответил Алессан.

Через мгновение Ровигу вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Простите меня, – тихо сказал он. – Простите. Вы оба. Мне не следовало спрашивать. Я разбередил рану.

– Это я задал вопрос, – быстро ответил Дэвин.

– Эта рана никогда не заживает, – мгновением позже прибавил Алессан.

На лице Ровигу было написано глубокое сочувствие. С трудом верилось, что это тот же человек, который отпускал шуточки насчет неотесанных пастухов из Сенцио в качестве женихов для дочерей. Купец вдруг поднялся и снова занялся очагом, хотя огонь горел отлично. Пока он стоял к ним спиной, Дэвин посмотрел на Алессана. Тот ответил ему взглядом. Но они ничего не сказали. Алессан приподнял брови и слегка пожал плечами в уже знакомой Дэвину манере.

– Так что же нам теперь делать? – спросил Ровигу д'Астибар, возвращаясь и останавливаясь возле своего кресла. Щеки его покраснелись, возможно, от огня. – Меня это так же тревожит, как и тогда, когда мы впервые встретились. Я не люблю магию. Особенно такого рода. Для меня важно получить возможность когда-нибудь услышать то, что я только что не смог услышать.

Дэвина снова охватило возбуждение: в тот вечер оно постоянно присутствовало в его чувствах. Его обида на то, что его обманули в «Птице», совершенно исчезла. Эти двое – и еще Баэрд и герцог – были людьми, с которыми нельзя было не считаться, они строили планы, способные изменить карту Ладони, всего мира. И он был здесь, с ними, он стал одним из них, стремился за мечтой о свободе. Он сделал большой глоток голубого вина.

Однако на лице Алессана появилось тревожное выражение. У него вдруг сделался такой вид, словно на него свалилось новое трудное бремя. Он медленно откинулся на спинку кресла, запустил пальцы в спутанные волосы и долго молча смотрел на Ровигу.

Глядя то на одного, то на другого, Дэвин внезапно снова ощутил растерянность, его возбуждение погасло так же быстро, как и вспыхнуло.

– Ровигу, разве мы уже недостаточно втянули тебя в это дело? – наконец спросил Алессан. – Должен признать, что мне еще труднее теперь, когда я познакомился с твоей женой и дочерьми. В будущем году могут наступить перемены, и я даже не в состоянии сказать, насколько возрастет опасность. В охотничьем домике сегодня ночью погибли четыре человека, и мне кажется, ты не хуже меня знаешь, скольких еще казнят на колесах смерти в Астибаре за несколько следующих недель. Одно дело – держать уши открытыми здесь и во время путеше-

ствий, тайно следить за действиями Альберико и Сандре и часто встречаться со мной и Баэрдом, соприкасаться ладонями и беседовать по-дружески. Но теперь ход событий меняется, и я очень боюсь подвергнуть тебя опасности.

Ровигу кивнул:

– Я так и думал, что ты мне скажешь нечто в этом роде. Я благодарен за заботу, Алессан, но я уже принял решение. Я не надеюсь, что можно обрести свободу, не заплатив за нее. Три дня назад ты сказал, что будущая весна может стать поворотным моментом для всех нас. Если я чем-нибудь могу помочь в грядущие дни, ты должен мне сказать. – Он поколебался. – Я потому и люблю свою жену, что Аликс сказала бы то же самое, если бы была с нами и если бы знала.

Лицо Алессана оставалось встревоженным.

– Но она не с нами, и она не знает, – возразил он. – На это были причины, а после сегодняшней ночи их станет еще больше. А твои девочки? Как я могу просить тебя подвергать их опасности?

– Как ты можешь решать за меня или за них? – ответил Ровигу тихо, но без колебаний. – Где тогда наш выбор, наша свобода? Очевидно, что я предпочел бы не делать ничего такого, что подвергнет их реальной опасности, и я не могу полностью приостановить свои дела. Но в этих рамках разве не могу я предложить какую-то существенную помощь?

Дэвин хранил мрачное молчание, он наконец понял причину сомнений Алессана. Он сам не придавал этому никакого значения, а в Алессане все это время шла внутренняя борьба. Он почувствовал себя пристыженным и протрезвевшим, и ему стало страшно, но не за себя.

«Есть люди, которых мы каждым своим поступком будем подвергать риску», – сказал тогда в лесу принц, имея в виду Менико. И теперь Дэвин с болью начинал осознавать реальность этих слов.

Он не хотел, чтобы эти люди пострадали. В любом смысле этого слова. Его возбуждение совсем прошло, и Дэвин впервые ощутил частицу той огромной печали, которая ждала его на дороге, им только что выбранной. Он столкнулся лицом к лицу с той преградой, которую эта дорога воздвигала между ними и почти всеми людьми, которые могут встретиться им на пути. Даже друзьями. Даже теми, кто мог бы разделить с ними частично или полностью их мечту. Он снова подумал о Катриане во дворце и понял ее теперь еще лучше, чем час назад.

Наблюдая, храня молчание под влиянием зарождающейся в нем мудрости, Дэвин сосредоточил внимание на лице Алессана, который на мгновение ослабил над собой контроль, и увидел, как тот принял трудное решение. Он наблюдал, как принц медленно, глубоко вздохнул и взвалил на свои плечи еще одно бремя, которое было ценой его крови.

Алессан улыбнулся странной, грустной улыбкой.

– На самом деле можешь, – ответил он Ровигу. – Есть кое-какая помощь, которую ты можешь нам сейчас оказать. – Он поколебался, потом неожиданно его улыбка стала шире и достигла глаз. – Ты никогда не думал о том, – спросил он преувеличенно небрежным тоном, – чтобы взять в свое дело новых компаньонов?

Несколько мгновений Ровигу казался сбитым с толку, затем улыбка понимания расплылась на его лице.

– Ясно, – ответил он. – Вам нужно получить доступ в определенные места.

Алессан кивнул:

– Да, и к тому же нас теперь больше. Дэвин присоединился к нам, могут появиться и другие еще до весны. Наступают иные времена, не похожие на те годы, когда нас с Баэрдом было только двое. Я думал об этом с тех пор, как к нам пришла Катриана.

Он заговорил быстрее и резче. Этот тон Дэвин уже слышал в охотничьем домике. Таким он впервые увидел этого человека именно там.

– Если мы будем вести дела вместе, у нас будет больше возможностей обмениваться информацией, а этой зимой информация будет нужна мне регулярно. У деловых партнеров

есть причины писать друг другу о любых делах, связанных с торговлей. А с торговлей, разумеется, связаны все дела.

– Действительно, – произнес Ровиго, пристально глядя в лицо Алессана.

– Мы можем связываться друг с другом напрямую, если это возможно, или через Тачио в Феррате. – Он бросил взгляд на Дэвина. – Между прочим, я знаю Тачио, это тоже не было совпадением. Полагаю, ты уже догадался? – Дэвин даже не успел над этим задуматься, но Алессан, не дожидаясь ответа, снова повернулся к Ровиго: – Наверное, у вас есть курьеры, которым можно доверять?

Ровиго кивнул.

– Видите ли, – продолжил Алессан, – наша новая проблема заключается в том, что, хотя мы можем продолжать путешествовать в качестве музыкантов, после утреннего выступления нас будут узнавать, куда бы мы ни приехали. Если бы я подумал об этом вовремя, то играл бы похуже или попросил бы Дэвина петь не столь выразительно.

– Вы бы этого не сделали, – тихо произнес Дэвин. – Что бы вы ни делали, но испортить музыку вы бы не смогли.

Рот Алессана дрогнул в улыбке, признавая справедливость его слов. Ровиго улыбнулся.

– Может, и так, – пробормотал принц. – Это было нечто особенное, правда?

Воцарилось короткое молчание. Ровиго встал и подложил в очаг еще одно полено.

– Так даже удобнее, – сказал Алессан. – Есть определенные места и определенные виды деятельности, недоступные для бродячих музыкантов. Особенно для известных музыкантов. А в качестве купцов мы получили бы доступ в такие места.

– На некие острова, например? – тихо спросил Ровиго, стоящий у очага.

– Например, – согласился Алессан. – Если до этого дойдет. При дворе Брандина на Кьяре радушно принимают артистов. Это дает нам выбор, а мне нравится работать, когда есть выбор. Пару раз возникала необходимость, чтобы персонаж, в которого я перевоплощался, исчез или умер.

Его голос был тихим и прозаичным. Он глотнул вина. Потом повернулся к Ровиго. Тот поглаживал подбородок, умело изображая хитрого и жадного дельца.

– Ну, – сказал купец лживым голосом скряги, – кажется, вы сделали мне очень интригующее предложение, господа. Мне придется задать вам пару предварительных вопросов. Я знаю Алессана уже довольно давно, но данная тема никогда не поднималась, как вы понимаете. – Его глаза преувеличенно хитро прищурились: – Что вы вообще знаете о торговле?

Алессан вдруг рассмеялся, потом быстро снова стал серьезным.

– У тебя есть свободные деньги? – спросил он.

– Мой корабль только что вернулся в порт, – ответил Ровиго. – Есть наличные за два дня торговли, и легко получить кредит под прибыль следующих недель. А что?

– Я бы предложил закупить разумное, но не чрезмерное количество зерна в течение двух суток. Даже одних суток, если сможешь.

Ровиго задумался.

– Я мог бы это сделать, – сказал он. – И мои весьма ограниченные средства не позволяют мне заключать чрезмерно большие сделки. У меня есть посредник, управляющий фермами Ньеволе у границ Феррата.

– Только не Ньеволе, – быстро возразил Алессан.

Снова молчание. Ровиго медленно кивнул:

– Понимаю, – сказал он, снова удивляя Дэвина своей сообразительностью. – Думаете, следует ожидать конфискации после Праздника?

– Возможно, – ответил Алессан. – Среди прочих, еще менее приятных вещей. Можно купить зерно в другом месте?

– Можно. – Ровиго переводил взгляд с Алессана на Дэвина и обратно. – Значит, четыре компаньона, – деловито сказал он. – Вас трое и Баэрд. Правильно?

– Почти правильно, – кивнул Алессан, – но пусть будет пять компаньонов. Есть еще один человек, которого надо взять к нам в долю, если не возражаешь.

– Почему я должен возражать? – пожал плечами Ровиго. – Моей-то доли это не касается. Я познакомлюсь с этим человеком?

– Надеюсь, рано или поздно, – сказал Алессан. – Мне кажется, вы понравитесь друг другу.

– Превосходно, – ответил Ровиго. – Обычные условия торгового содружества предусматривают две трети прибыли тому, кто вкладывает деньги, и одну треть тем, кто совершает поездки и тратит свое время. Основываясь на том, что вы мне только что сказали, я полагаю, вы сможете поставлять информацию, очень полезную для нашего предприятия. Предлагаю равные доли каждой стороне со всех совместных сделок. Приемлемо?

Он смотрел на Дэвина. Со всем доступным ему самообладанием Дэвин ответил:

– Вполне приемлемо.

– Это более чем справедливо, – согласился Алессан. На его лице снова отразилось беспокойство; казалось, он собирается сказать что-то еще.

– Значит, по рукам, – быстро произнес Ровиго. – Не о чем больше разговаривать, Алессан. Завтра поедем в город и официально составим и скрепим наш договор. Куда вы планируете отправиться после Праздника?

– Думаю, в Феррат, – медленно ответил Алессан. – Мы можем обсудить, куда дальше, но там у меня есть кое-какие дела, и есть идея насчет торговли с Сенцио, которую нам надо будет рассмотреть.

– Феррат? – переспросил Ровиго, не обращая внимания на последнее замечание. По его лицу медленно расплылась широкая улыбка. – Феррат! Это превосходно. Очень удачно! Вы уже сможете сэкономить нам деньги. Я дам вам повозку, и вы доставите Ингониде ее новую кровать!

Поднимаясь по лестнице, Алаис не могла припомнить, когда в последний раз испытывала такое счастье. Она не была склонна к унынию, как Селвена, но жизнь дома текла очень скучно, особенно когда уезжал отец.

А теперь столько всего происходило одновременно.

Ровиго вернулся домой после более длительной, чем обычно, поездки вдоль побережья. Аликс и Алаис всегда беспокоились, когда он отправлялся на юг, в Квилею, сколько бы раз он ни заверял их в своей осторожности. А эта поездка, вдобавок ко всему, пришлась на самый конец сезона осенних ветров. Но теперь он вернулся домой, и одновременно с его возвращением начался Праздник Виноградной Лозы. Он был вторым в ее жизни, и Алаис наслаждалась каждым мгновением дня и ночи, впитывала своими широко расставленными, настороженными глазами все что видела. Пила Праздник, словно вино.

На переполненной площади перед дворцом Сандрени в то утро она стояла совершенно неподвижно, слушая чистый голос, взмывающий ввысь из внутреннего двора в тишине, неестественной среди такого количества людей. Голос, оплакивающий смерть Адаона среди кедров Тригии так жалобно, так сладко, что Алаис боялась заплакать. Она тогда закрыла глаза.

А потом была изумлена и горда, когда Ровиго небрежно сказал ей и матери, что накануне выпивал с одним из певцов, отпевавших герцога. И даже пригласил этого молодого человека в гости, сказал он, и предложил познакомиться с его четырьмя дурнушками-дочерьми. Подразнивание совсем не рассердило Алаис. Она бы почувствовала, что что-то не так, если бы Ровиго отозвался о них как-то иначе. Ни она сама, ни ее сестры ни капли не сомневались в отцовской любви. Им достаточно было лишь заглянуть ему в глаза.

Поздно ночью по дороге домой, уже сильно встревоженная громовым топотом барбадиорских солдат, которым они уступили дорогу у городских стен, Алаис очень испугалась, когда из темноты у ворот их окликнул чей-то голос.

Потом, когда отец ответил и она постепенно поняла, кто это, Алаис испугалась, что у нее остановится сердце от волнения. И почувствовала, как предательский румянец заливал щеки.

Когда стало ясно, что музыканты собираются зайти к ним в дом, ей потребовалось героическое усилие, чтобы вернуть самообладание и выражение лица, подходящие взрослой воспитанной девушке.

Внутри дома стало легче, потому что, как только двое гостей-мужчин переступили порог, Селвена, вполне предсказуемо, бросилась флиртовать с ними как ненормальная. Это поведение было столь прозрачным для старшей сестры и привело ее в такое смущение, что Алаис стала с привычной отстраненностью наблюдать за происходящим. Селвена почти всегда в том году засыпала в слезах, потому что было похоже, что она не выйдет замуж до своего восемнадцатилетия, ожидающегося весной.

Дэвин, певец, был ниже ростом и выглядел моложе, чем она ожидала. Но у него было подтянутое и гибкое тело, легкая улыбка и быстрые умные глаза под золотисто-каштановыми волосами, завитками спускавшимися до середины ушей. Она ожидала, что он окажется заносчивым или претенциозным, несмотря на то, что рассказывал отец, но ничего подобного Алаис не заметила.

Второй мужчина, Алессан, был старше лет на пятнадцать, если не больше. Его черные спутанные волосы преждевременно поседели, вернее, посеребрились на висках. У него было худое выразительное лицо, очень чистые серые глаза и широкий рот. Он сперва немного пугал ее, хотя легко шутил с отцом с самого начала и именно так, как больше всего нравилось Ровигу.

Возможно, дело именно в этом, подумала Алаис: немногие из знакомых ей людей могли соперничать с отцом в шутках или еще в чем-нибудь. А черноволосому мужчине с умным насмешливым лицом это, казалось, удавалось без всяких усилий. Она задавалась вопросом – хотя и понимала, что эта мысль немного высокомерна, – как подобное удастся тригийскому музыканту. С другой стороны, размышляла она, ей слишком мало известно о музыкантах вообще.

Еще большее любопытство вызывала женщина. Алаис находила Катриану очень красивой. При ее высоком росте и поразительно голубых глазах под пламенеющими волосами – словно в комнате зажгли второй камин – она заставила Алаис чувствовать себя маленькой, бледной и слабой. Станным образом, в сочетании с возмутительным флиртом Селвены это не расстроило ее, а, наоборот, заставило расслабиться: в подобных соревнованиях она просто не собиралась участвовать. Пристально наблюдая, она увидела, что Катриана заметила, как Селвена нежно распростерлась у ног Дэвина, и перехватила ироническую усмешку рыжей певицы, адресованную товарищу.

Алаис решила уйти на кухню. Матери и Менке может понадобиться ее помощь. Аликс бросила на нее быстрый задумчивый взгляд, когда она вошла, но ничего не сказала.

Они быстро собрали ужин. Вернувшись в гостиную, Алаис помогала у буфета, потом слушала и наблюдала со своего любимого места у очага. Позже у нее появилась причина благословить бесстыдство Селвены. Никто из них и не подумал бы попросить гостей спеть.

На этот раз она могла видеть певцов, поэтому не закрывала глаз. Один раз, ближе к концу, Дэвин пел, глядя прямо на нее, и Алаис залилась ярким румянцем, но заставила себя не отводить взгляда. Во время второй части этой последней песни об Эанне, дающей имена звездам, она поймала себя на том, что ее мысли бегут по непривычному для нее руслу. О подобных вещах все время рассуждала Селвена по ночам, в подробностях. Алаис надеялась, что ее румянец объяснят жаром от очага.

Одна вещь ее все же заинтересовала, поскольку она большую часть жизни наблюдала за людьми. Что-то было между Дэвином и Катрианой, но определенно не любовь, и даже не нежность, насколько она разбиралась в этих вещах. Время от времени они поглядывали друг на друга, обычно тогда, когда другой не знал об этом, и в этих взглядах было больше вызова, чем чего-либо еще. Она снова напомнила себе о том, что мир этих людей более далек от нее, чем она может себе представить.

Младшие сестры пожелали всем доброй ночи и пошли спать. Селвена не протестовала, что было очень подозрительно, и попрощалась с мужчинами, прикоснувшись пальцами к ладони каждого. Алаис была шокирована. Она поймала взгляд отца и через мгновение тоже поднялась вместе с матерью.

Внезапный порыв, и ничего более, заставил ее пригласить Катриану подняться наверх вместе с ней. Как только слова слетели с ее губ, она поняла, как они должны были прозвучать для этой женщины, столь независимой и явно свободно чувствующей себя в компании мужчин. Алаис внутренне содрогнулась от собственной провинциальной неуклюжести и приготовилась встретить отпор. Но Катриана благожелательно улыбнулась и встала.

– Это напомнит мне о доме, – сказала она.

Алаис думала об этом, пока они вдвоем поднимались по лестнице мимо ламп на стенах и мимо гобеленов, которые дед привез с юга, из путешествия в Кардун много лет назад. Алаис пыталась понять, что могло заставить девушку, ее ровесницу, броситься в бурное море жизни, бродить по бесконечным дорогам и ночевать в сомнительных местах. Она думала о поздних вечерах и о мужчинах, которые наверняка полагали, что, если женщина находится среди них, она должна быть доступной. Алаис пыталась, но никак не могла понять. Несмотря на это, а возможно, и благодаря этому, в ее душе проснулось какое-то великодушное чувство к этой женщине.

– Благодарю вас за пение, – застенчиво сказала она.

– Это лишь малая плата за вашу доброту, – беспечно ответила Катриана.

– Не такая малая, как вам могло показаться, – возразила Алаис. – Наша комната здесь. Я рада, что это напоминает вам о доме... Надеюсь, это хорошие воспоминания. – Ей хотелось поговорить с этой женщиной, подружиться, узнать все что можно о жизни, такой далекой от ее собственной.

Они вошли в просторную спальню. Менка уже развела огонь и откинула покрывала на двух кроватях. Этой осенью на них лежали новые пледы, привезенные Ровиго контрабандой из Квилеи, где зимы намного суровее здешних.

Катриана тихо рассмеялась и высоко подняла брови, оглядывая комнату.

– Напоминает о доме то, что делишь комнату еще с кем-то. Но твоя гораздо больше той, что у меня была в рыбацкой хижине. – Алаис вспыхнула, опасаясь, что оскорбила ее, но не успела заговорить, как Катриана повернулась к ней со все еще широко раскрытыми глазами и небрежно спросила: – Скажи, нам не надо привязать твою сестру к кровати? Кажется, у нее течка, и я беспокоюсь, уцелеют ли наши мужчины этой ночью.

За одну секунду Алаис сперва почувствовала себя избалованной и бесчувственной, а потом залилась краской смущения. Потом увидела промелькнувшую на лице женщины улыбку и громко рассмеялась, освобождаясь от тревоги и чувства вины.

– Она просто ужасна, да? Она поклялась покончить с собой каким-нибудь особо жестоким способом, если не выйдет замуж до Праздника в следующем году.

Катриана покачала головой:

– Я знала нескольких девушек, похожих на нее, когда жила дома. И во время гастролей тоже встречала. И никогда не могла их понять.

– Я тоже, – слишком быстро согласилась Алаис. Катриана взглянула на нее. Алаис рискнула неуверенно улыбнуться: – Наверное, в этом мы похожи?

– Только в этом, – равнодушно ответила женщина и отвернулась. Она подошла к одному из домотканых ковриков на стене и потрогала его. – Это очень мило. Где твой отец его нашел?

– Я его сделала, – коротко ответила Алаис. Внезапно она почувствовала, что к ней относятся покровительственно, и разозлилась.

Наверное, это отразилось в ее голосе, так как Катриана быстро оглянулась через плечо. Женщины молча обменялись взглядами. Катриана вздохнула.

– Со мной трудно подружиться, – наконец произнесла она. – Сомневаюсь, что стою твоих усилий.

– Никаких усилий, – тихо ответила Алаис. – Кроме того, – рискнула она, – позже мне, возможно, понадобится ваша помощь, чтобы связать Селвену.

Удивленная Катриана рассмеялась.

– С ней все будет в порядке, – сказала она, садясь на одну из кроватей. – Никто из них и пальцем ее не тронет, ведь они гости в доме твоего отца. Даже если она проберется в их комнату, одетая в одну лишь красную перчатку.

Алаис во второй раз испытала шок, но это ощущение ей почему-то понравилось. Она хихикнула и села на свою кровать, болтая ногами. Ноги Катрианы, с грустью заметила Алаис, легко доставали до ковра.

– Она действительно может это сделать, – прошептала она и усмехнулась, представив себе эту картину. – Мне кажется, у нее даже где-то припрятана красная перчатка!

Катриана покачала головой:

– Тогда остается связать ее, как телку, или довериться мужчинам. Но, как я уже сказала, они ничего не сделают.

– Вы их очень хорошо знаете, я полагаю, – наугад спросила Алаис. Она все еще не была уверена, что вызовет ее следующее замечание – отповедь или улыбку. С этой женщиной нелегко иметь дело, как она постепенно убеждалась.

– Алессана я знаю лучше, – ответила Катриана. – Но Дэвин уже давно бродит по дорогам, и я не сомневаюсь, что он знает правила. – Она быстро отвела глаза, произнося последние слова. Щеки ее слегка покраснели.

Все еще опасаясь получить отпор, Алаис осторожно спросила:

– Собственно говоря, я не имею об этом никакого представления. Существуют правила? А у вас бывают проблемы в дороге?

Катриана пожала плечами:

– Те проблемы, которые жаждет найти твоя сестра? Не со стороны музыкантов. Существует неписанный кодекс, иначе в труппах остались бы только женщины определенного типа, а это повредило бы качеству музыки. А музыка действительно много значит для большинства музыкантов в труппах. Во всяком случае, в тех, что существуют долго. Мужчины могут серьезно пострадать, если слишком пристают к девушке. И разумеется, они никогда не найдут работу, если это случается слишком часто.

– Понимаю, – сказала Алаис, стараясь вообразить себе все это.

– Тем не менее от тебя действительно ждут, что ты заведешь себе пару, – прибавила Катриана, – как будто это самое меньшее, что ты можешь сделать. Перестать быть соблазном. Поэтому ты находишь человека, который тебе нравится, или некоторые девушки находят женщину. Довольно многие, кстати.

– О! – Алаис сжала руки на коленях.

Чересчур догадливая Катриана бросила на нее насмешливо-издевательский взгляд.

– Не волнуйся, – ласково сказала она, многозначительно глядя на руки Алаис, лежащие барьером на коленях. – Эта перчатка мне не по руке.

Алаис резко разняла руки и сильно покраснела.

– Я и не волновалась особенно, – ответила она, стараясь говорить небрежно. Потом, подстрекаемая насмешливым выражением на лице Катрианы, выпалила: – А какая перчатка вам по руке?

Насмешливое выражение быстро исчезло с лица гостьи. Последовало короткое молчание.

– В тебе все же есть некоторое мужество, – тоном судьи сказала Катриана. – Я не была в этом уверена.

– А это уже высокомерие, – ответила Алаис в редком для нее порыве гнева. – Как вы можете быть уверены в чем-то относительно меня? И почему я должна позволить вам это увидеть?

Снова воцарилось молчание, и снова Катриана ее удивила.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Правда. Мне это плохо удастся. Я тебя предупреждала. – Она отвела глаза. – Просто ты задела больное место, а я в таких случаях лягаюсь.

Гнев Алаис, который гас столь же быстро, сколь медленно разгорался, исчез раньше, чем Катриана успела договорить.

Однако ей не удалось ответить сразу же или попытаться сгладить размолвку, потому что в этот момент в комнату торжественно ввалилась Менка с тазом воды, подогретым на кухне. За ней шел самый младший из учеников Ровиго со вторым тазом и полотенцами, переброшенными через оба плеча. Глаза отчаянно смущенного мальчика были опущены, пока он осторожно нес таз и полотенца к стоящему у окна столу через комнату, где находились две женщины.

Бурная суета, которая неизменно сопровождала Менку, куда бы та ни шла, совершенно изменила настроение – и плохое, и хорошее, как подумала Алаис. После ухода слуг женщины молча помылись. Украдкой бросив взгляд на длинноногую фигурку своей гостьи, Алаис еще острее почувствовала свою неполноценность из-за того, что была маленькой, мягкой и белокожей и вела затворническую жизнь. Она забралась в постель, ей очень хотелось начать их разговор заново.

– Спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, – ответила Катриана через секунду.

Алаис старалась прочесть в ее тоне приглашение к дальнейшей беседе, но не была в этом уверена. Если Катриана захочет поговорить, решила она, ей стоит только сказать что-нибудь.

Они задули свечи на своих столиках и молча лежали в полутьме. Алаис смотрела на догорающий в очаге красный огонь, обхватив пальцами ног горячий кирпич, который Менка положила в изножье ее кровати, и с грустью думала о том, что расстояние до кровати Селвены еще никогда не казалось ей таким большим.

Некоторое время спустя, все еще лежа без сна, хотя огонь в очаге рассыпался на мелкие угольки, она услышала снизу взрыв смеха троих мужчин. Теплый, раскатистый смех отца каким-то образом проник в душу и смягчил огорчение. Он был дома. Она чувствовала себя в безопасности. Алаис улыбнулась сама себе в темноте. Вскоре после этого она услышала, как мужчины поднялись вверх и разошлись по отдельным комнатам.

Еще некоторое время Алаис не спала, насторожив уши, чтобы не пропустить звук шагов сестры в коридоре, – хотя и не верила всерьез, что Селвена способна на такое. Она ничего не услышала и в конце концов уснула.

Ей снилось, что она лежит на вершине холма в странном месте. С ней был мужчина. Он опустился на нее сверху. Тихая безлунная ночь блистала звездами. Она лежала с ним на этой обдуваемой ветром вершине среди россыпи покрытых росой летних цветов, и душу ее переполняли сложные желания, о которых она никогда не сказала бы вслух.

В подземелье, куда они его в конце концов бросили, стоял жгучий холод. Камни, мокрые и ледяные, пахли мочой и испражнениями. Ему разрешили надеть снова только льняное нижнее

белье и чулки. В камере водились крысы. Он не видел их в темноте, но слышал с самого начала, и его уже два раза укусили, когда он задремал.

До этого он был обнаженным. Новый начальник стражи, назначенный вместо того, который покончил с собой, позволил своим людям поиграть с пленником перед тем, как запереть его на ночь. Все они знали о репутации Томассо. О ней все знали. Он хорошо постарался для этого; это входило в план.

Поэтому гвардейцы раздели его в ярко освещенной караулке и стали грубо развлекаться, тыкали в него своими мечами или раскаленной в очаге кочергой. Водили ими вокруг его обмякшего члена, кололи в ягодицы и в живот. Связанному и беспомощному Томассо хотелось лишь одного: закрыть глаза и провалиться в небытие.

По какой-то причине ему не позволяло сделать этого воспоминание о Таэри. Он все еще не мог поверить, что его младший брат мертв. Или что Таэри в конце проявил такую храбрость и решительность. Ему хотелось плакать от этих мыслей, но он не собирался позволять барбадиорам видеть свои слезы. Он был Сандрени. Что значило теперь для него, нагого и стоящего на краю смерти, больше, чем когда-либо прежде.

Поэтому он не закрыл глаза, а холодно уставился на нового капитана. Он, как мог, старался не обращать внимания на то, что с ним делали, на шуточки и грубые рассуждения о том, что с ним произойдет завтра. У них было не очень богатое воображение. Он знал, что утром реальность окажется хуже. Невыносимо хуже.

Они причинили ему боль своими мечами и несколько раз пустили кровь, но не сделали ничего особенного: Томассо знал, что у них есть приказ беречь его для профессионалов. Утром Альберико тоже будет присутствовать.

Это была только игра.

В конце концов капитан устал от неподвижного взгляда Томассо или решил, что уже достаточно крови стекает по ногам пленника, образуя лужицы на полу. Он приказал солдатам прекратить. Вевки перерезали, ему отдали нижнее белье и дали грязный, кишасий паразитами обрывок одеяла, потом повели вниз по лестнице в казематы Астибара и бросили в темноту одной из камер.

Вход был таким низким, что, даже встав на колени, он оцарапал голову о камни, когда его вталкивали внутрь. Еще кровь, подумал он, почувствовал под рукой липкую жидкость. Но это не имело большого значения.

Вот только крыс он ненавидел. Он всегда боялся крыс. Томассо скатал бесполезное одеяло как можно туже и попытался воспользоваться им как дубинкой. Но в темноте это было трудно.

Томассо жалел, что ему не хватает стойкости. Он знал, что предстоит утром, и мысль об этом теперь, когда он остался один, превращала его внутренности в желе.

Он услышал какой-то звук и через мгновение понял, что всхлипывает. Попытался взять себя в руки. Но он был один, в ледяной тьме, в руках врагов, и вокруг бегали крысы. Ему не удалось сдержаться. Он чувствовал себя так, словно сердце у него разбито, словно оно лежит в его груди, рассыпавшись на острые, зазубренные осколки. Из этих осколков он попытался собрать проклятие для Херадо и его предательства, однако никакое ругательство, казалось, не могло выразить того, что совершил его племянник. Никакое ругательство не было достаточно велико, чтобы охватить это.

Он услышал еще одну крысу и вслепую ударил свернутым из одеяла оружием. Попал и услышал писк. Снова и снова он молотил по тому месту, откуда раздался звук. Он подумал, что убил ее. Одну из них. Он весь дрожал, но бурная деятельность, казалось, помогла ему побороть слабость. Он больше не плакал. Прислонился спиной к влажной слизи каменной стены, морщась от боли в открытых ранах. Закрыл глаза и стал думать о солнечном свете.

Наверное, в этот момент Томассо задремал, потому что внезапно проснулся с криком боли: одна из крыс яростно укусила его в бедро. Несколько секунд он размахивал своим одеялом, но теперь его начало трясти, он почувствовал себя больным. Его рот распух от удара Альберико. Глотать было больно. Томассо пощупал лоб и решил, что у него жар.

Вот почему, когда он увидел слабый огонек свечи, то был уверен, что у него начались галлюцинации. Однако при этом свете он смог оглядеться. Камера была крохотной. У его правой ноги валяласьдохлая крыса, и еще были две живые – крупные, как кошки, – у двери. На стене рядом с собой он увидел нацарапанное изображение солнца, его ободок был испещрен зарубками, отмечающими дни. У солнца было самое печальное лицо, какое доводилось видеть Томассо. Он долго смотрел на него. Потом взглянул на огонек и окончательно понял, что это действительно галлюцинация или сон.

Свечу держал его отец, одетый в серебристо-голубые погребальные одежды, и смотрел на него сверху с выражением, которого Томассо никогда не видел на его лице.

Жар, должно быть, сильный, решил он, раз его мозг создал в этой пучине тот образ, к которому так отчаянно стремилось его разбитое сердце. Выражение доброты и даже, если захотеть произнести это слово, любви в глазах человека, который в детстве выпорол его кнутом, а затем посчитал его полезным для двух десятилетий, в течение которых он составлял заговор против тирана.

Заговор, который закончился сегодня ночью. Который по-настоящему, и самым ужасным образом, закончится для Томассо утром, среди боли, представить которую у него не хватало воображения. Тем не менее ему понравился этот сон, эта навеванная горячкой фантазия. В ней был свет. Он прогнал крыс. Казалось, он даже смягчил пронизывающий до костей холод мокрых камней под ним и за его спиной.

Он поднял к огоньку дрожащую руку. И каркнул что-то своим пересохшим горлом и разбитыми, распухшими губами. Он хотел сказать «Мне очень жаль» этому приснившемуся отцу, но не получалось.

Но это же был сон, его сон, и призрачный Сандре, казалось, понял.

– Тебе не о чем жалеть, – услышал Томассо ответ отца. Он говорил так мягко. – Это была моя ошибка, и только моя. Все эти годы и до конца я ошибался. Я с самого начала знал недостатки Джиано. Я возлагал на тебя слишком большие надежды, когда ты был ребенком. Это... слишком повлияло на меня. Потом...

Огонек свечи слегка дрогнул. Часть души Томассо, сокровенный уголок его сердца, начал восстанавливаться, хотя это был всего лишь сон, всего лишь его собственные мечты. Последняя слабая фантазия о любви, прежде чем с него сдерут кожу.

– Ты позволишь мне сказать тебе, как я сожалею о том безумии, которое обрекло тебя на это? Услышишь ли меня, если я скажу, что гордился тобой по-своему?

Томассо позволил себе разрыдаться. Эти слова были бальзамом от самой глубокой боли, какую он знал. От слез свет расплывался и слабел, поэтому он поднял дрожащие руки и попытался вытереть их. Он хотел заговорить, но его разбитые губы не смогли выговорить ни слова. Он только кивал снова и снова. Потом ему в голову пришла мысль, и он поднял левую руку – руку сердца, руку клятв и верности – к этому приснившемуся ему призраку отца.

Рука Сандре медленно опустилась, словно была очень, очень далеко, на расстоянии многих лет от него, потерянных и забытых в круговороте времени и гордости, и отец с сыном соприкоснулись кончиками пальцев.

Прикосновение было более ощутимым, чем Томассо ожидал. Он на мгновение закрыл глаза, отдавшись силе своих чувств. Когда он их открыл, воображаемый отец протягивал ему что-то. Бутылочку с какой-то жидкостью. Томассо не понял.

– Это последнее, что я могу для тебя сделать, – сказал призрак странным, неожиданно печальным голосом. – Если бы я был сильнее, я мог бы сделать больше, но, по крайней мере,

теперь они не причинят тебе боли утром. Они больше не причинят тебе боли, сын мой. Выпей это, Томассо, выпей, и все исчезнет. Все пройдет, я тебе обещаю. Потом жди меня, Томассо, жди, если сможешь, в Чертогах Мориан. Мне бы хотелось побродить с тобой там.

Томассо все еще не понимал, но голос отца звучал так мягко, так ободряюще. Он взял приснившуюся бутылочку. И снова она оказалась более осязаемой, чем он ожидал.

Его отец ободряюще кивнул. Дрожащими руками Томассо на ощупь вытащил пробку. Потом сделал последний жест – последнюю насмешливую пародию на самого себя, – поднял ее широким, размашистым, изысканным движением, салютуя собственной фантазии, и выпил все до последних капель, которые оказались горькими.

Улыбка отца была такой печальной. Улыбки не должны быть печальными, хотел сказать Томассо. Когда-то он сказал это одному мальчику, ночью. В храме Мориан, в комнате, где не должен был находиться. Голова его стала тяжелой. Ему казалось, что он сейчас уснет, хотя он ведь и так уже спал и видел сон, навеянный лихорадкой. Он действительно не понимал. И особенно он не понимал, почему отец, который умер, просит подождать его в Чертогах Мориан.

Он снова поднял взгляд, хотел спросить об этом. Но со зрением его творилось что-то странное. Он знал, что это так, потому что образ отца, глядящий на него сверху, плакал. В глазах отца были слезы.

Это было невозможно. Даже во сне.

– Прощай, – услышал он.

«Прощай», – попытался произнести он в ответ.

Он не был уверен, действительно ли ему удалось выговорить это слово или он только подумал об этом, но в тот момент тьма, более всеобъемлющая, чем он когда-либо видел, опустилась на него, подобно одеялу или плащу, и разница между произнесенным и произнесенным потеряла всякое значение.

Часть вторая. Дианора

Глава VII

Дианора помнила тот день, когда ее привезли на остров.

Воздух осеннего утра был почти таким же, как сегодня, в начале весны. Белые облака скользили по высокому синему небу, когда ветер гнал Корабль дани по белым гребням волн в гавань Кьяры. За гаванью над городом склоны вздымающихся гор пылали буйными осенними красками. Листья меняли цвет: красные, золотые, а некоторые еще оставались зелеными, как помнила Дианора.

Паруса того давнего Корабля дани тоже были красно-золотыми – праздничные цвета Играта. Теперь она это знает, а тогда не знала. Она стояла на носовой палубе корабля и впервые смотрела на величие гавани Кьяры, на длинный мол, где некогда стояли Великие герцоги и бросали в море кольцо, и откуда Летиция совершила первый Прыжок за Кольцом, чтобы отнять его у моря и выйти замуж за своего герцога. С тех пор эти прыжки стали символом удачи и гордости Кьяры, пока прекрасная Онестра не изменила конец истории сотни лет назад и Прыжки за Кольцом не прекратились. И все равно каждый ребенок Ладони знал эту легенду острова. Юные девушки в каждой провинции играли, ныряя за кольцом и с триумфом появляясь из воды, сияя мокрыми волосами, чтобы выйти замуж за герцога в блеске власти и славы.

Стоя на носу Корабля дани, Дианора смотрела вверх, где за гаванью и дворцом поднималась величественная заснеженная вершина Сангариоса. Игратские матросы не нарушали ее молчаливого одиночества. Они позволили ей пройти вперед и наблюдать за приближением острова. После того как она благополучно оказалась на корабле и корабль вышел в открытое море, они были к ней добры. К женщинам, которые могли быть отобраны для сейшана, на Кораблях дани всегда были добры. При дворе Брандина капитан мог заработать целое состояние, если привозил пленницу, которая становилась фавориткой тирана.

Сидя на южном балконе в том крыле дворца, где размещался сейшан, и глядя сквозь затейливую решетку, которая скрывала женщин от глаз зевак на площади внизу, Дианора смотрела на развевающиеся на крепнущем весеннем ветру знамена Кьяры и Играта и вспоминала, как ветер развеивал ее волосы более двенадцати лет назад. Вспоминала, как переводила взгляд с ярких парусов на поросшие деревьями склоны холмов, убегающих ввысь, к Сангариосу, с сине-белого моря на облака в голубом небе. С толчеи и хаоса в гавани на спокойное величие дворца над ней. Кружились птицы, громко кричали над тремя высокими мачтами Корабля дани. Восходящее солнце ослепительным светом заливало море с востока. Так много жизни в этом мире, такое богатое, прекрасное, сияющее утро, чтобы жить.

Двенадцать лет назад, даже больше. Ей был двадцать один год. Она лелеяла свою ненависть и свою тайну, подобно двум из трех змей Мориан, обвившихся вокруг ее сердца.

Ее выбрали для сейшана.

Обстоятельства ее захвата делали это весьма вероятным, и знаменитые серые глаза Брандина широко раскрылись, оценивая, когда ее привели к нему два дня спустя. На нее надели шелковое светлое платье, вспоминала она, выбранное так, чтобы оттенить ее черные волосы и темно-карие глаза.

Она была уверена, что ее выберут. И не ощущала ни триумфа, ни страха, несмотря на то, что целых пять лет вела свою жизнь к этому мгновению, и на то, что в момент выбора Брандина стены, ширмы и коридоры сомкнулись вокруг нее до конца ее дней. У нее были ненависть и тайна, и больше ни для чего не оставалось места.

Так она думала в двадцать один год.

Несмотря на то что она видела и пережила к тому моменту, размышляла Дианора двенадцать лет спустя на своем балконе, она очень мало – опасно мало – знала о многих очень важных вещах.

Даже на защищенном от ветра балконе было прохладно. Наступали дни Поста, но цветы еще только начинали расцветать в долинах внутренних земель и на склонах холмов. Даже так далеко на севере настоящая весна наступит лишь некоторое время спустя. Дома все было иначе, вспоминала Дианора; иногда в южных горах еще лежал снег, а весенние дни Поста уже успевали прийти и уйти.

Не оглядываясь, Дианора подняла руку. Через мгновение евнух принес ей дымящуюся кружку тригийского кава. К торговым ограничениям и пошлинам, любил повторять Брандин наедине с ней, следует относиться избирательно, а не то жизнь станет слишком скучной. Кав был одной из таких избранных вещей. Только во дворце, разумеется. За его стенами пили более низкосортные напитки из Корте или нейтрального Сенцио. Однажды группа торговцев кавом из Сенцио приехала в составе купеческой делегации, чтобы попытаться убедить его в том, что качество выращенного ими кава и изготавливаемого из него напитка улучшилось. «Нейтралы, в самом деле, – осуждающе сказал Брандин, пробуя кав. – Настолько нейтральный вкус, что его и вовсе нет».

Купцы удалились, напуганные и бледные, в отчаянии пытались разгадать скрытый смысл слов игратского тирана. За этим занятием сенцианцы проводят значительную часть времени, сухо заметила потом Дианора Брандину. Он рассмеялся. Ей всегда удавалось его рассмешить, даже в те дни, когда она была еще слишком молода и неопытна, чтобы делать это намеренно.

Это напомнило ей о молодом евнухе, прислуживающем ей в это утро. Шелто ушел в город выбрать для нее платье к сегодняшнему вечернему приему, и прислуживал ей один из самых новых евнухов, присланный из Играта на службу в растущем сейшане колонии.

Он был уже хорошо обучен. Возможно, методы Венчеля и жестоки, но действенны, спору нет. Она решила не говорить мальчику о том, что кав недостаточно крепкий; весьма вероятно, что он очень расстроится, а это доставит ей неудобства. Она скажет об этом Шелто и предоставит разбираться ему. Венчелю вовсе не нужно об этом знать: полезнее, чтобы евнухи были ей благодарны, а не только боялись. Страх приходил автоматически, как следствие того, кем она была здесь, в сейшане. А вот над благодарностью или привязанностью ей приходилось потрудиться.

Двенадцать лет и эта весна, снова подумала она и нагнулась вперед, чтобы посмотреть сквозь решетку вниз, на суету на площади, где готовились к прибытию знаменитой певицы Изолы Игратской, ожидавшемуся сегодня. В двадцать один год Дианора была в самом расцвете той красоты, которая была ей дарована. Насколько она помнила, в пятнадцать и шестнадцать лет она красотой не отличалась, дома ее даже не прятали от игратских солдат.

В девятнадцать лет она начала становиться совсем другой, хотя к тому времени уже покинула дом, а Играта не представлял опасности для жителей Чертандо, где правили барбадиоры. Как правило, не представлял опасности, поправила себя и напомнила себе – хотя об этом ей вовсе не нужно было напоминать, – что здесь, в сейшане, она – Дианора ди Чертандо. Как и в противоположном, западном крыле, в постели Брандина.

Теперь ей исполнилось тридцать три, и с течением лет, которые промелькнули так абсурдно быстро, она каким-то образом стала одной из сил, правящих этим дворцом. Что, конечно, означало править Ладонью. В сейшане лишь Солорес была на шесть лет старше ее – урожай одного из первых лет существования Кораблей дани.

Иногда, даже сейчас, это было для нее уже слишком, слишком трудно было в это поверить. Молодые евнухи дрожали, если она хотя бы мельком бросала на них взгляд; придворные, приехавшие из-за моря, из Играта, или здешние, из четырех западных провинций Ладони, искали ее совета и поддержки ею своих просьб к Брандину; музыканты сочиняли для нее песни;

поэты декламировали и посвящали ей стихи, преувеличенно восхищались ее красотой и мудростью. Игратьяне сравнивали ее с сестрами бога, кьярцы – со сказочной красавицей Онестрой перед тем, как она совершила свой последний Прыжок за Кольцом в море ради Великого герцога Казала, – хотя поэты всегда обрывали эту аналогию задолго до самого Прыжка и следовавших за ним трагических событий.

После одного из подобных перегруженных прилагательными опусов Доарде она сказала Брандину за поздним ужином наедине, что одно из различий между мужчиной и женщиной заключается в следующем: власть придает мужчинам привлекательность, но когда властью обладает женщина, становится привлекательным восхвалять ее красоту.

Он обдумал это, откинувшись назад и поглаживая свою аккуратную бороду. Дианора понимала, что пошла на некоторый риск, но к тому времени она уже очень хорошо его знала.

– Два вопроса, – сказал Брандин, тиран Западной Ладони, беря ее за руку, лежащую на столе. – Ты полагаешь, что обладаешь властью, моя Дианора?

Этого она ожидала.

– Только через тебя, и ненадолго, пока не стану старой и ты не откажешься видеть меня. – Маленький выпад в сторону Солорес, но достаточно тактичный, по ее мнению. – Но пока ты призываешь меня к себе, будут считать, что я обладаю властью при твоём дворе, и поэты будут утверждать, что сейчас я еще красивее, чем прежде. Красивее, чем звездная диадема, венчающая полумесяц опоясанного мира, или как там говорилось в тех стихах.

– «Изогнутая диадема» – так он, кажется, написал. – Брандин улыбнулся. После этого она ожидала комплимента, потому что он был щедр на комплименты. Но его серые глаза остались серьезными и продолжали смотреть на нее.

– Мой второй вопрос: был бы я привлекателен для тебя, лишившись своей власти?

И это, вспоминала она, едва не застало ее врасплох. Это был слишком неожиданный вопрос, он попал слишком близко к тому месту, где все еще обитали две ее змеи, как бы крепко они ни спали.

Дианора опустила ресницы и посмотрела на свои сплетенные пальцы. «Словно змеи», – подумала она. И быстро прогнала от себя эту мысль. Искоса бросив на Брандина лукавый взгляд, который, как ей было известно, ему нравился, Дианора ответила, притворяясь удивленной:

– Разве у тебя здесь есть какая-то власть? А я и не заметила.

Через секунду раздался его красивый, полный жизни смех. Она знала, что стражи за дверью слышат его. И будут сплетничать. Все в Кьяре сплетничали. Остров питался слухами и сплетнями. После сегодняшней ночи возникнет еще одна сказка. Ничего нового, всего лишь подтверждение этим громким смехом того, какое удовольствие Брандин Игратский получает от общества своей смуглой Дианоры.

Затем он отнес ее на кровать, все еще забавляясь, потом заставил ее улыбнуться, а потом и рассмеяться. Он получил свое удовольствие, медленно, тысячами способов, которым научил ее за долгие годы, потому что в Играте очень искусны в подобных вещах, а он был – и тогда, и теперь, – прежде всего королем Играта.

А она? Сейчас, сидя на своем балконе в лучах весеннего утреннего солнца, Дианора закрыла глаза, вспоминая. Как в ту ночь, и до той ночи – в течение многих лет до той ночи, – и после, до сегодняшнего дня, ее мятежное тело, и сердце, и ум, все вместе, предавали ее душу, утоляя ее отчаянную, глубокую страсть к нему.

К Брандину Игратскому. Которого двенадцать лет, с двумя змеями, обвившимися вокруг обломков ее сердца, она явилась убить за то, что он сделал с Тиганой, ее родным домом.

Тигана была домом Дианоры до тех пор, пока он не разрушил, не сровнял с землей и не сжег ее, убив целое поколение и отобрав сам звук ее имени. Звук ее собственного настоящего имени.

Ее звали Дианора ди Тигана брен Саэвар, и ее отец погиб во втором сражении у Дейзы, неловко держа меч в руках, привыкших к резцу скульптора. Дух ее матери был сломлен, словно водяной тростник, во время жестокостей последовавшей оккупации, а брат, чьи глаза и волосы были точно такими же, как у нее, и которого она любила больше жизни, вынужден был бежать куда глаза глядят. Ему было всего пятнадцать.

Все эти годы она представления не имела, где он. Жив ли он, или мертв, или далеко от этого полуострова, где тираны правят покоренными провинциями, некогда столь гордыми. Где имя самой гордой из них стерто из людской памяти.

И виной всему Брандин. В чьих объятиях она лежала столько ночей за эти годы, испытывая такую жгучую жажду, такой взлет желания каждый раз, как он призывал ее к себе. Чей голос давал ей знание, был милостью, водой, орошающей пустыню ее дней. Чей смех, когда он выпускал его на свободу, когда ей удавалось вызвать его, был похож на целительное солнце, прорезающее облака. Чьи серые глаза имели тревожный, непроницаемый оттенок моря под первыми холодными косыми лучами утреннего света весны или осени.

В самой древней из всех легенд Тиганы именно из серого моря на рассвете вышел бог Адаон, и пришел к Микаэле, и возлег с ней на длинном, темном, назначенном судьбой песчаном берегу. Дианора знала эту легенду не хуже собственного имени. Настоящего имени.

Еще она знала по крайней мере две вещи: что ее отец и брат убили бы ее собственными руками, если бы были живы и видели, чем она стала. И что она приняла бы этот конец, понимая, что заслужила его.

Ее отец погиб. Одна мысль о том, что брата постигла та же участь, обжигала ее сердце, даже если смерть избавила бы его от последнего горя видеть, к чему она пришла. Но каждое утро она молила Триаду, особенно Адаона, бога Волн, чтобы брат оказался за морем и так далеко, чтобы туда не могли долететь слухи о Дианоре с карими глазами, похожими на его собственные, живущей в сейшане тирана.

Если только, тихо произнес голос ее сердца, если только не придет все же утро, когда она сумеет найти способ сделать то, что, несмотря на все случившееся – несмотря на переплетение рук и ног в ночи и звук ее собственного голоса, громкий крик утоленной жажды, – позволит миру услышать иные звуки. И повторят их мужчины, женщины и дети по всей Ладони, на юге, за горами в Квилее, на севере, на западе, и на востоке, и за всеми морями.

Звуки имени Тиганы, которые исчезли. Исчезли, забыты и потеряны не навечно, если будут милостивы бог и богини, если в них осталась хоть капля любви или жалости.

И может быть, – это снилось Дианоре по ночам, когда она спала одна, после того как Шелто массировал и умащал ее кожу и уходил со своей свечой спать у ее двери, – может быть, случится так, что если она действительно найдет способ сделать это, то ее брат вдали от дома каким-то чудом услышит имя Тиганы из уст незнакомца в незнакомом мире, при каком-нибудь далеком королевском дворе или на базаре, и каким-то образом поймет, охваченный изумлением и радостью, что именно ее подвиг вернул миру это имя.

К тому времени она уже будет мертва. В этом у нее не было сомнений. В этом единственном вопросе – в вопросе мести за Стивана – ненависть Брандина была жесткой и непоколебимой. Она была единственной неподвижной звездой на небесном своде всех земель, которыми он правил.

Дианора будет мертва, но это неважно, потому что имя Тиганы будет возвращено и ее брат будет жив и узнает, что это сделала она. А Брандин... Брандин поймет, что она нашла способ сделать это, но щадила его все те ночи, бесчисленные ночи, когда могла убить его, пока он спал рядом с ней после любовных объятий.

Таков был сон Дианоры. Она обычно просыпалась со щеками, мокрыми от слез. Никто никогда не видел этих слез, кроме Шелто, а Шелто она доверяла больше, чем любому из живущих.

Она услышала его быстрые, легкие шаги у двери, потом эти шаги так же быстро направились к ее балкону. Никто в сейшане не двигался так, как Шелто. Евнухи, как всем известно, склонны к апатии и к обжорству – очевидная замена удовольствию. Но только не Шелто. Стройный, как тогда, когда она впервые увидела его, он брался за те поручения, которых другие евнухи старались избежать: отправиться куда-нибудь по крутым улицам старого города или еще дальше на север, в холмы, или подняться в предгорья самого Сангариоса в поисках лечебных трав или листьев или просто луговых цветов для ее комнаты.

Казалось, у него нет возраста, но он уже не был молод, когда Венчель приставил его к Дианоре, и, по ее предположениям, ему уже должно было исполниться шестьдесят. Если Венчель когда-нибудь умрет – что трудно вообразить, – Шелто, безусловно, самый вероятный его преемник на посту главы сейшана.

Они никогда об этом не говорили, но Дианора знала так же точно, как знала остальное: он отказался бы от этой должности, если бы ему предложили остаться с ней. Она также знала – и это ее очень трогало, – что так было бы даже в том случае, если бы Брандин совсем перестал посылать за ней и она стала бы просто еще одной стареющей, забытой безделушкой в дворцовом крыле сейшана.

И это было второе, чего она никак не ожидала найти, когда ненависть перенесла ее по осенним морям в Кьяру на Корабле дани: доброту, и заботу, и друга за высокими стенами и разукрашенными ширмами того места, где женщины проводят жизнь в ожидании среди мужчин, потерявших свое мужское естество.

Шаги Шелто, быстрые, даже после долгого подъема по большой лестнице, а потом по еще одной лестнице в сейшан, простучали по мозаичному полу балкона за ее спиной. Она услышала, как он добрым голосом тихо сказал что-то мальчику и отпустил его. Он сделал еще шаг вперед и кашлянул один раз, чтобы дать о себе знать.

– Оно очень безобразное? – спросила Дианора, не оборачиваясь.

– Сойдет, – ответил Шелто, подошел и остановился рядом с ней. Она подняла глаза и улыбнулась при виде его коротко стриженной седой головы, тонких, четких губ и ужасного, перебитого, крючковатого носа. Сто лет назад, ответил он, когда она спросила. Драка из-за женщины дома, в Игроте. Он убил соперника, который оказался из знатных. И это неудачное обстоятельство стоило Шелто его мужского органа и свободы и привело его сюда. Казалось, Дианору эта история огорчала больше, чем его самого. С другой стороны, подумала она тогда, для нее она была новой, а для него – всего лишь давним эпизодом жизни, к которому он привык.

Он показал ей темно-красное платье, которое сшили в старом городе. По его улыбке, отражению ее улыбки, Дианора поняла, что оно стоило того, чтобы кланчить у Венчеля деньги. Глава сейшана потом попросит за это об услуге, он всегда так делал, но на подобных сделках держалась жизнь в сейшане, и Дианора, глядя на платье, не испытывала сожаления.

– Что наденет Солорес? – спросила она.

– Хала мне не захотел сказать, – с сожалением пробормотал Шелто. Дианора громко рассмеялась при виде серьезного выражения лица, которое ему удалось сохранить.

– Совершенно уверена, что не захотел, – сказала она. – Так что она наденет?

– Зеленое, – быстро ответил он. – С высокой талией и высоким воротом. Ниже талии две складки разных оттенков. Золотые сандалии. Повсюду много золота. Волосы будут подняты наверх, конечно. У нее новые серьги.

Дианора снова рассмеялась. Шелто позволил себе слегка улыбнуться довольной улыбкой.

– Я взял на себя смелость, – прибавил он, – купить кое-что еще, пока был в городе.

Он полез в складки туники и протянул ей маленькую коробочку. Она открыла ее и достала оттуда драгоценный камень. В ярком утреннем свете он сверкал ослепительно, словно третья красная луна, под стать белой Видомни и голубой Иларион.

– Я подумал, – сказал Шелто, – что он лучше будет смотреться с платьем, чем любое из украшений сейшана, которое сможет предложить вам Венчель.

Дианора в изумлении покачала головой:

– Он прекрасен, Шелто. Но можем ли мы себе его позволить? Не придется ли нам обходиться без шоколада всю весну и лето?

– Неплохая мысль, – ответил он, игнорируя ее первый вопрос. – Вы съели уже две плитки сегодня утром, пока меня не было.

– Шелто! – воскликнула она. – Перестань! Иди и шпионь за Солорес, выведай, на что она тратит кьяро. У меня есть свои удовольствия и свои привычки, и, как мне кажется, не столь уж вредные. Разве я кажусь тебе толстой?

Почти нехотя он покачал головой.

– Нет, но не имею представления почему, – укоризненно пробормотал он.

– Ну и продолжай думать об этом, пока не догадаешься, – вскинула она голову. – А пока... это мне напомнило... Тот мальчик, сегодня утром, хорошо справлялся, только кав сварил очень слабый. Ты расскажешь ему, какой я люблю?

– Я уже это сделал. И велел ему сделать послабее.

– Что? Шелто, я совершенно...

– Вы всегда пьете больше кава в конце зимы, когда погода начинает меняться, и каждую весну плохо спите по ночам. Вы же знаете, что это правда, госпожа. Либо меньше чашек, либо менее крепкий напиток. Мой долг – попытаться обеспечить вам покой и отдых.

На секунду Дианора потеряла дар речи.

– Покой! – наконец воскликнула она. – Я могла напугать этого бедного ребенка до смерти. Я бы потом чувствовала себя ужасно!

– Я научил его, что вам ответить, – успокоил ее Шелто. – Он бы свалил вину на меня.

– Ах вот как! А если бы я вместо этого пожаловалась прямо Венчелю? – возразила Дианора. – Шелто, он бы приказал выпороть мальчика кнутом и морить голодом.

Шелто возмущенно фыркнул, ясно давая этим понять, что он не считает ее способной на такой поступок.

Выражение его лица было таким всезнающим и лукавым, что Дианора помимо своей воли снова рассмеялась.

– Прекрасно, – сказала она, сдаваясь. – Тогда пусть будет меньше чашек, потому что мне нравится крепкий кав, Шелто. Иначе его и пить не стоит. Кроме того, я не из-за него не могу уснуть ночью. Это время года вселяет в меня беспокойство.

– Вас захватили в качестве дани весной, – пробормотал он. – Все в сейшане впадают в беспокойство в тот сезон, когда их захватили. – Он поколебался. – С этим я ничего поделать не могу, госпожа. Но я полагал, что от кава становится еще хуже. – В его карих глазах, почти таких же темных, как у нее, светились любовь и забота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.